

С.П.ГЕЛХВИДЗЕ

ТОРГОВЦЫ БОЛЮ

С.П.ГЕЛХВИДЗЕ

ТОРГОВЦЫ БОЛЮ

РАССКАЗЫ

Тбилиси

2002

УДК 84Гр-4
Г 296

© С.П. Гелхвидзе, 2002.

ISBN 99928-0-417-3

ПРОСТИ МЕНЯ, ТАМАРА

Покашливая, с трудом передвигаясь по комнате, чуть не разлив чашку горячего чая, едва не без радости добравшись до помятой постели, Сидамон поставил-таки чашку на тумбочку, завалился в постель и вскрикнул от неожиданной боли, прострелившей ему поясницу.

- О Боже, кончится это когда-нибудь, - с тоскою подумал он.

Голова раскалывалась на части, тело бросало то в жар, то в холод, затекишие от продолжительного лежания бока стонали, моля о пощаде.

Он не двигался. С закрытыми глазами мысленно производил осведомительную экспресс-летучку тела, прислушиваясь к жалобам каждого органа.

- Ну, что ж, спасибо хоть на этом, - заключил, заканчивая самоосмотр, - могло быть и хуже.

Да, он и впрямь становился беспомощным, самонепереносимым в моменты, когда здоровье явно пошатывалось и сдавало.

- Кретин, идиот! В погоне за здоровьем теряешь его, никак не усвоишь эту простую истину, которую когда-то удалось случайно открыть.

Рука проплыла в потемках над тумбочкой, и прежде, чем включился настольник, послышался звонкий шум падающих склянок из-под снадобий. Им сопутствовал едкий и продолжительный кашель.

- О Господи, - взмолился Сидамон, - сжался.

Принялся было подбирать лекарства, но, тотчас смирившись с происшедшим, оставил затею.

- Так, стало быть, надо,- подумал,- по крайней мере, хоть немножечко места освободилось.

Словно дым из лампы Алладина, клубился пар, подымавшийся из чашки.

- И всей энергии этой достаточно, чтоб поднять одну строительную конструкцию как минимум до пятого этажа, - вычислил он в уме, - но, чтоб вылечить себя, недостаточно.

Зафиксировал на часах двадцать три тридцать и вновь уставился взглядом в пол.

Лекарства между невысокими стопками книг, большие коричневые изношенные чусты, радиола, прячущийся за ней телефонный аппарат и, наконец, хлопья пыли под массивным письменным столом сливались и сопрягались с общим хаосом, давно утвердившимся в его комнате и в доме. Он долго не мог найти термометра и шприца, хоть и не собирался сейчас воспользоваться ни тем, ни другим.

- Шприц я оставил на газе, а термометр... Простудиться до такой степени, летом! Да на такое...

Кашель снова сотряс его.

Пошарив за спиной, он нащупал вилку электрогрелки и с первой попытки попал ею в щтепсель. Но, увы, это не вызвало у него никакого другого желания, кроме как поскорее перевести сенсорный переключатель электроприбора на отметку три.

- Сам виноват, - не унимался Сидамон, - и дальше будет хуже.

Зазвонил телефон.

-Алло. Это котельная? - слышалось в трубке в ответ на его неохотное "алло".

Он еще раз окинул взглядом комнату, и его вдруг охватило ничем не объяснимое веселье.

- Нет, это скорее прачечная, чем котельная!

- Мне не до шуток, - грубовато отозвался мужской голос.

- Мне тоже, - вздохнул Сидамон. - Послушайте, приятель, вы не могли бы уделить мне пару минут?

- Мне не до пустых разговоров! Ту - ту - ту,- оборвалась связь.

- Вот так всегда, и никому нет до тебя дела.

За плечами Сидамона было восемнадцать лет учебы и несколько лет рабочего стажа.

В школе его ни разу не оставили на второй год учебы, и на работе он не получал никаких упреков и замечаний. Всюду и везде был почти примерным и в меру скромным. Времени сквозь и мимо него прошло порядком. Многие из окружающих, если даже не все, казались ему друзьями. Но он всех как-то упустил, доведя общение до "здравствуй и прощай" при редких случайных встречах.

- Вроде никого не обижал...и меня не обижали,- досадовал Сидамон, - наоборот, грудью друг за друга стояли, а сейчас разве что узнаешь о них запоздалые новости.

- Один погиб,- вздыхал он,- другой переехал, третий женился, четвертый...

- А вот ты так и остался, Сидамон, ни туда, ни сюда, одинокий в неодинокой среде, в этом холодном и мрачном каменном царстве.

- Слава богу, живы родители, сестра и брат...У них семьи, заботы.

Пора и тебе обзавестись семьей,- подключился внутренний голос.

- Я знаю,- согласился с ним Сидамон,- только это ты и твердишь все последние годы. Но где ты был, черт побери, раньше, когда распускал всех своих лучших подруг направо и налево, доверял их другим? Почему ты ни

разу не остановил и не задал мне этот вопрос? Нет, ты ждал именно этого дня, чтобы попрекнуть меня в том, в чем я невиновен.

- Тамара, моя бедная Тамара, только сейчас до меня доходит всякий твой жест, поступок, направленный на то, чтоб меня осенило. Прости, Тамара, прости меня за слепоту.

В тот вечер, усталая от неудачных попыток, растерянная, раздраженная, ты покинула меня. И вот сейчас я вижу то, чего не увидел тогда,- твою печальную улыбку прощания с последней надеждой.

Я слышал, ты замужем и у тебя двое детей, что переехала жить в какой-то далекий город.

- В какой?

- Не знаю, я не интересовался.

- Почему?

- Поздно.

- Но ведь я тебя любила когда-то?

- Любила? Нет, скорей не успела полюбить.

- Ну, хорошо, что же тогда наша дружба?

- Не знаю, не терзай меня, Тамара, ведь уже все равно.

- Не поверю, чтоб ты не хотел хотя бы увидеть меня еще раз... когда-нибудь.

- Увы, сейчас во всяком случае - нет. Ну, а вообще, из любопытства, признаться честно...не знаю, нет. Теперь этого уже не нужно, Тамара.

- Любопытство в любви - плохая маска.

- Ты сошла с ума, - вскрикнул он, и кашель вновь охватил его своей мощной цепью.- Прости, ты ни при чем, виноват во всем я.

Жизнь преследовала меня всегда и всюду, и кажется, сейчас она меня догнала. И выпустит ли так просто из своего капкана? Да и для чего, чтобы

вновь пуститься в погоню за мной. Нет, уж слишком я для нее ничтожен, а она, увы, куда выше меня по опыту и по знаниям. К тому же и убежать мне теперь уже некуда, да, признаться, и незачем.

Всякое, Тамара, бывало. И женщины, и мужики по пьянке, и многому я уже научился. Забывать стал немало, даже сокровищницу свою - детство. Но тебя забыть, забыть твое лицо так и не смог, Тамара.

В тот теплый весенний вечер, укрываясь от проливного дождя, прикинув ко мне, ты что-то шептала, промокая, вздрагивала от холода, говорила, говорила. Тебя имея рядом, я, нелепый, думал о чем-то другом, о том, что уже было открыто учеными, о сером опыте, предстоящем в химической лаборатории.

Даром, конечно, ничего не пропало, теперь я знаю, какое из лекарств меньше повредит мне, но если это и так, я все равно навредил себе за свой век немало, Тамара, я потерял тебя.

Не пробудил меня и наивный твой поцелуй в мою небритую и грубую щеку, когда я провожал тебя до дому. Что же ты тогда находила во мне, слепом, Тамара? Обликом ты, пожалуй, не была царицей Тамарой, но твоя душа... Увы, я тогда дальше внешности не заходил...

Он предался забвению. Очнулся. Интересно, какая она теперь?

Поднял с пола спидолу, включил её и, заскользил волноловом по разным диапазонам в поисках любимых мелодий, еще долго терзал себя воспоминаниями о недалеком прошлом.

- Испортили все передачи, - констатировал с неудовольствием. - О голова моя, - поскуливал, поднося к губам чашку с остывшим чаем.

Послышался звонок телефона.

Чуть позже печальный голос Майи.

- Почему ты не зашел сегодня к Арчилу? Ведь ты обещал.

- Не смог.
- У тебя хриплый голос,-встревожилась Майя,- ты что, нездоров?
- Нет, все в порядке.
- Не лги, пожалуйста.
- Ну, простыл малость.
- Температура есть?
- Ой, Боже мой, нету, нету.
- А почему ты кричишь на меня?
- Потому, что уже поздний час, я устал и хочу спать.
- Хочешь я приду сейчас к тебе?
- Нет, Майя, нет.
- Ты меня больше не любишь,- все более унывал голос Майи.
- Люблю, Майя, люблю, больше всех.
- Правда?
- Ну, конечно.
- Ну, тогда...
- Ну, тогда - будет завтра, договорились?- перебил Сидамон.
- Хорошо,- согласилась Майя,-завтра я позвоню тебе.
- Не надо, я сам тебе позвоню.
- У тебя там кто-то есть?
- Что за чушь, у меня никого нет, кроме тебя, и ты это прекрасно знаешь.

Сидамон почувствовал, что не лжет Майе и это его обрадовало.

- Я тебя очень люблю, но сейчас не могу повидаться с тобой, мне жутко хочется спать.

- Ну, хорошо,- радостно согласилась Майя,-тогда до завтра.

- Ага, до завтра.

- Целую.

- Я тоже.

Ту-ту-ту...

- Ох, уж эти женщины! С восхищением принимают от любого мужчины свое фирменное блюдо "люблю тебя" во всякое время суток и в любом виде, даже от тех, кого не любят. Им нравится, как лихо они поражают мужчин. И не задумываются над тем, что, получая это блюдо от любимых мужчин, оказываются побежденными сами.

- Ну, все, хватит, к черту! Теперь спать и только спать.

Его уже не мучил свет ночника и назойливые своевольные мысли. Он медленно погружался в мир сна. В обнимку с тикающим будильником он удалялся все дальше и дальше от себя по широкой ясной дороге, где-то там за горизонтом терявшей черты сновидения.

Во сне раздался звонок телефона, во сне же было произнесено "алло".

- Алло, Сидамон, милый, здравствуй! Алло, ты меня слышишь?- раздался в трубке тревожный женский голос.

- Слышу,- равнодушно пробормотал Сидамон.

- Сидамон, ты меня слышишь? С тобой говорит Марина. Я звоню из аэропорта. Нас здесь остановили по транзиту. Наш рейс вылетает через час.

- Какая Марина?

- Одноклассница, вспомни!

- Не знаю я никакой Марины! И вообще перестаньте все волноваться, уже полночь.

Он бросил в раздражении трубку.

- Идиотка! Видите ли, она Марина, а я Сидамон. Ну и что теперь из того.

Он опять стал погружаться в дремоту, ему снился голос позвонившей ему некой Марины. И вдруг что-то всколыхнуло его, сжало сердце, властно нахлынули сомнения, голос показался знакомым и близким.

- Не может быть.

- Но с какой тогда стати она назвалась Мариной?

- И вообще никакая Марина со мной не училась.

- Но этот голос?

- Все равно, за час до аэропорта не добраться. И вообще какая-то чушь.

Он включил ночник, приподнялся на локтях, закашлялся.

- О моя голова, где ты? Все это ложь и провоцирование больного.

Он принял губами белую таблетку и запил ее остатком чая. Это помогло на секунды отвлечься от мыслей.

- Лекарство запивают простой водой,- мелькнуло в голове наставление.

- Знаю,- огрызнулся он на себя, выключая ночник.

- Все это бред, ночной жуткий бред. Проклятая голова, до утра она расколется на сто частей.

Он повернулся набок, подбил под головой подушку, пожелал себе по обычаю спокойной ночи и сладкого сна.

Через пару минут из подъезда Сидамона выходил высокий, худощавый человек в шляпе и в плаще, из-под воротника которого темнел шарф. Он взглянул на звездное небо и без труда отыскал луну.

- Сегодня новолуние,- подумал он,- говорят, как неделю встретишь, так ее и проведешь.

Подтянув воротник и опершись на палку в правой руке, человек медленно пошел вниз по невысоким пологим ступеням.

Его сухое покашливание все слабее и слабее нарушало ночную тишь.

1.09.1984

ВСЕ ПРОЙДЕТ

Лучше быть жертвой,
чем палачом.

А.П.Чехов

- Нет, не могу больше, мочи нет нести этот груз. Я и прежде страдал от такого состояния, но не понимал, от чего оно происходит.

- А сейчас?

- Сейчас страдаю вдвойне. Оказывается, все, что происходит со мной, вокруг меня,- объективная реальность. Теперь я уяснил, что это так и должно быть.

- Все приносит и уносит время!

- Вот именно! Объективная реальность - она и наводит на меня грусть, печаль и тоску. Она же надвинула мне на душу столь тяжелый камень, что нести его с каждым разом все труднее.

- Не только ты в таком положении, Ник.

- Погоди, Саломка, не уходи. Немного поговорим.

- Мне надо идти.

- Ну, пожалуйста.

- От этого легче не будет.

- словно земля уходит из-под ног. Сердце вздрагивает, как в самолете от резких перепадов, и тошнит, как после тяжелой тряски.

- Рановато тебе допускать такие чувства, Ник. Ты еще молодой. Все лучшее у тебя впереди, поверь мне.

- Как и худшее. Хм! Держу пари, ты меня обманываешь, так же, как в свое время обманывали и тебя.

Саломе закурила. Она сидела в пальто и готова была встать и уйти, как только ее отпустит Ник.

Впрочем, удерживал ее не только Ник. Ей давно надо было идти, а ноги не повиновались.

- До чего же мы, люди, привыкли друг другу врать,- продолжал Ник. - Даже в благих делах без вранья порой не обходимся.

Саломе глубокими затяжками выкуривала "свою жизнь", наполняя легкие ее "ароматом". Теплый, белый, светлый дым ложился на душу холодом, болью, черным смогом и тревогой от еще вроде незнакомого, непонятого утомления.

- Займись делом, Ник,- посоветовала Саломе, потушив сигарету о стеклянную пепельницу, с такой тяжестью, вздохом и болью, что Нику стало еще мрачнее.

- Черт его знает,- подумал он,- прямо какое-то темное царство.

- Займись делом, и все пройдет,- повторила Саломе, приподнимаясь со стула. Нехотя, неторопливо направилась к двери, словно чувствовала и с трепетным интересом ждала от Ника чего-то смутно угадываемого и таинственного. Силится незаметно вытянуть из него слова, которых он никогда ей не говорил, но которые ей виделись за его душой.

Сильная рука Ника остановила ее движение.

- Подожди, я никак не решусь, пойми.

Сердце Ника снова вздрогнуло и затрепетало.

- Ты о чем,-будто не догадываясь, осведомилась Саломе.

Они взглянули друг другу в лицо.

- Ты чего смотришь?

- Разве ты не тоже самое делаешь?

Ника вновь настигла печаль.

Частые и крупные поражения, случавшиеся в его жизни, приучили его примиряться не только со своей невезучестью, но и со своими страхами и опасениями, он даже начинал замечать в себе порою то радостное любопытство, которое испытывал, еще когда только ставил себя в положение побежденного, побитого, потерпевшего.

Он разжал руки и неторопливо вернулся к окну. Его подтолкнула туда не собственная нерешительность, а игра Саломе, которую она столь искусно вела. Большой жизненный опыт в таких ситуациях был, конечно, на ее стороне, и она этим пользовалась. В глубине души даже наслаждалась, бравировала таким своим превосходством.

Он же никак не мог разобраться - то ли она его не понимала, то ли понимала и душила свою жертву, доводила до последнего вдоха, пыталась приоткрыть наконец занавес между их отношениями, разрушить альтернативность, неопределенность, неконкретность, абстрактность и шуточность контактирования с еще одним представителем того пола, к которому относилась явно недружелюбно.

У Ника не было выхода, он должен был ей сказать, иначе несказанное могло разнести его изнутри.

- Я думал о тебе все время отсутствия,- решил он негромким голосом приступить.

Саломе перевела дыхание и сделала вид, что это для нее новость.

- Неужели ты не видишь, не чувствуешь ничего? - налетел на нее Ник в раздражении.

- А ты сам? Тоже ничего не чувствуешь и не понимаешь,- так же нервно отозвалась Саломе.

- Так в чем же дело?

- А в чем?

Пауза вновь разъединила их.

Ник отвернулся от ее взгляда, вперился в темные воды реки, протекавшей по самому центру города, и в незатопленные островки в ее русле.

- Я не могу больше так, - жалобно простонал Ник и, не в силах произнести более ничего, торопливо вышел из комнаты.

Долго молча стоял за дверью, пытался унять подступавшие к глазам слезы.

На душе было тяжело, но все же тепло. Он долго толком не мог понять - счастливые ли это минуты ненастья или ненастные мгновения счастья?

- Что это ты задумал, Ник? - строя выражение ни в чем не повинной и не понимающей, что между ними происходит, вышла вслед за ним Саломе.- Ведь я тебе и вправду в мамки гожусь,- проговорила она, явно опережая события.-Право, ты и вправду сошел с ума! И как такое могло прийти тебе в голову.

Но кому на свете удавалось заглушить чувства, которые сейчас испытывал Ник, назидательным изумлением.

Попытка Саломе кончилась неудачей, Ник легко ее отпарировал.

- Все, Саломка, я приехал!

- Ты можешь погубить нашу дружбу и наши светлые и чистые чувства и отношения,- предостерегла его Саломе.

- Я не в силах снести то, что происходит со мной по твоей и не по твоей вине.

- О своих чувствах не говорят, запомни это. Их молча несут в себе,- со вздохом произнесла Саломе.- Но ты слишком молод и многого не понимаешь.

- Значит, все, что было с нами все это время, - фикция?

- А что было?

- Как? Ничего?

- Ничего.

Это был удар наповал. Все эти последние годы он отчетливо чувствовал, как их чувства тонко, нежно и незаметно ласкались и забавлялись друг другом.

И чувство этого чувства доставляло ему блаженство, испытываемое впервые. Он чувствовал и то, как эти чувства медленно и постепенно наполняли чашу его чувств до самых краев.

Никакое физическое или биологическое блаженство не могло и близко подойти или сравниться с этим блаженством. Он понимал, и что процесс наполнения чаши чувств далеко не бесконечен, что настанет когда-нибудь день или миг, когда эта чаша переполнится и произойдет то, чего он еще не мог предполагать, но что тогда его не волновало. События разворачивались с постепенным втягиванием в сферу чувственных отношений, и он отвечал себе тогда: "Что будет - то будет".

- Понятно, я противен тебе, и все казавшееся мне чувством ко мне было чем-то вроде жалости, но в таком случае побереги ее для себя, она понадобится тебе на будущее,- произнес Ник наступательно, и словно камень упал у него с души.

Счет был явно не в его пользу, он проигрывал ей и тем самым выигрывал у нее. Ему всегда удавались партии проигрышные, он чувствовал в них себя, как рыба в воде, и это ему доставляло удовольствие.

- Я к тебе довольно хорошо отношусь, и очень ценю,- утвердительно произнесла Саломе.

- Весьма признателен и благодарен!

- Ты забываешься!

Ника словно облили холодной водой.

- Ладно, извини, сочти, что я не говорил ничего. В конце концов это представить куда легче, чем то, что ничего не было. "Все, что было со мной, было не со мной. Все, что было - то не было, но может быть, будет..."

- Мне надо идти, Ник! Уймись. Поверь, все пройдет,- вновь прибегла Саломе к большому жизненному опыту, который давал ей постоянное преимущество перед Ником.

- Конечно, если учесть, что проходит и жизнь.

Больше Ник ничего не слышал.

Не в силах долее отговариваться, Саломе исчезла за дверью. В тот день она ушла с работы на два часа раньше обычного. Рабочий день кончился в шесть вечера.

- Все логично,- подумал Ник,- практика и опыт моего прошлого повторяются.

- Не пытайся помочь себе, балбес, не то будет хуже. И вправду говорят умные люди - неси крест свой и веруй. И все-таки, что бы ни случилось, я не изменю своих чувств к тебе,- злорадствовал Ник,- буду относиться, как прежде, и все. И воспринимать тебя тоже буду так, как никто, никого, никогда.

В конце концов мои чувства к тебе принадлежат и мне самому. И последнее даже больше.

Сегодня я понял, что ты никогда не будешь моей. Мои чувства к тебе будут долгими, живыми дотопле, пока я буду жить, ибо не может иметь конца

то, что не имело начала. Я благодарен судьбе за то, что она не дала мне твоей любви и тебя, да и не только тебя. Недодала еще очень многого, очень многим обделила, еще большим наградила. Благодарен от чистого сердца за все. А в обиде только за то, что дала мне - Жизнь.

Это было очередным, одним из многих бывших поражений Ника, и назревающим звеном будущих.

- Жить среди природы куда легче, чем среди людей,-думал он.

Люди могут ранить больней, чем природа. Телесные муки он считал куда более сносными, чем муки душевные.

Вспоминались ему слова, слышанные им однажды в ответ на свои жалобы: "Нет, не найдут покоя неутомонные души, всюду теснота. Все ищет совершенства, не подозревая, что совершенство - завершение, а завершение, возможно,- исход другого начала, но увы уже не земного".

Так что, мучайся, Ник, пока жив, плати за жизнь муками. Мучайся сам, но не мучай других,-успокаивал Ника его внутренний голос.

- Не ищи для своей души покоя на этом свете, Ник.

- А я его и не ищу! Просто мне больно и свою рану я пытаюсь залечить.

- Ну, давай,- согласился его внутренний голос,- только помни, что, успокаивая, ты все больше будешь теревить и раздражать ее.

- Ну, так убей же, зачем тебе так меня мучить.

- Каждый сам себе лучший слуга!

- Понятно, ты пользуешься моей слабостью. Но, должно быть, придет время, когда я решусь и на это.

- Всему свое время!

- Кажется, мы пришли к чему-то общему и давай покончим сегодня на этом.

- Воля твоя!

Пурпурно красный закат завис над горизонтом, словно сопротивляясь времени, тянувшем его за собой в бездну круговорота и движений.

- Плохо, когда в человеке нет веры, но хуже, когда это неверие в себя превращается в уверенность вечной своей побежденности,- думал Ник,- жизнь-насилие, и злорадство, и живодерство.

Один другого, другой третьего, и пошло. Я не прав, возможно. Но кто меня опровергнет? А если и опровергнет, то не поймет. А кто не поймет меня, тот не поймет в жизни ровным счетом ничего или почти ничего.

Что такое жизнь? Испытание, наказание или награда?

15/16.02.1987

ЖЕНЩИНА ИЗ СМОГА

- Кто испил глоток из чаши диалектики Гегеля, тому не отказаться уже от желания допить ее до дна. Гм, с диалектикой действительно хорошо. Не привязываешься ни к чему и ни к кому. Все сиюминутно, вне абсолютности и идеальности. Спелась с диалектикой и относительность. Почему не учат философии с раннего возраста?

Кольца белоснежного дыма плавно взмывали вверх, теряя с высотой форму и управляемость, пока не расползались и не растворялись в заключенной в четырех стенах тишине.

- Да, ты победила в который уже раз, диалектика, к тому же и история-твой союзник.

- Но, прости меня, я влюблена в метафизику, за что сейчас и расплачиваюсь. Но, если б даже любила тебя, все равно расплаты было не миновать. Не я первая, не я последняя. Как у Данте? И я, как все, возмездья не избег.

Смог злорадно проникал через дыхательные пути в легкие, выжигая и обугливая на своем пути не только то, что поддерживало жизнь, но и тяжесть, повисшую где-то там, глубоко в груди, над органом, в тесной связи с которым пребывало сейчас сознание, которое, помимо воли и желания обладателя то и дело извлекало из прошлого отдельные, унесенные временем, фрагменты.

Все логично, все понятно. Вся жизнь, в совокупности, длинная цепочка причинно-следственных отношений. Разуму понятно все, лишь сердце отказывается это все принять либо понять.

Понятия ему чужды. Разве сердцу прикажешь? Впрочем, графу Калиостро удавалось и это.

Ну, да Бог с ним, с прошлым.

Эту мысль перебил острый сухой кашель, от которого едва удалось избавиться.

- Боже, как же жить с диалектикой? Лучше уж с пьяницей! Да, но как жить без диалектики? Ведь метафизика похоронит?! Где же начало? В конце? Или конец исходит из начала?

Пустые мысли, пустые речи, пустые страсти, пустая печаль, пустая жизнь!

- В чем же я провинилась перед жизнью? За что она меня бьет и карает?

Материя объективна, разумна, да, черт возьми, но разумны ли сами разумность, реальность и объективность? И если да, то, откуда, от чего, от кого жестокость и несправедливость?

Тонкие длинные пальцы нежно прильнули к стеклянной пепельнице, потушив окурок о ее стенку.

- Ну и грязная! Интересно, какая она в самом деле?

На фоне дневного света хаотичное движение легких клубов табачного дыма едва различалось. Мгновение, казалось, приостановилось, и время замедлило ход.

Приоткрылась дверь, и фигура худощавой женщины отчетливо выплыла из смога.

Женщина из смога.

Одурманенная окружающим, она, словно в шоке, будто раненная птица, едва ковыляя, направилась в темную глубь коридора. Фигура ее была на зависть стройна, но движения неверны и неуверенны.

- Не зная причины- не понять следствия! И наоборот. Никто не виновен в том, что происходит в окружающем мире, но в то же время каждый в этом повинен. И винить, осуждать, оправдывать, защищать справедливо так же, как и несправедливо.

- Бедняжка, не так уж ты и плоха, как выглядишь или кажешься.

Повороты вымытой пепельницы на свету уловили играющими лучами ее улыбку.

- Если бы вода была всесильна...

Раздумья прервал странный шорох из темной глубины коридора. На мгновение душу сковал страх. Рука сжала пепельницу что было силы.

- Ха-а-а-а,- пронзительно выстрелил голос в невидимое и неведомое. Источник шороха на мгновение затих, затаился и вдруг с нарастающей скоростью и силой звука проскочил у ног женщины. Очертания его удалось уловить в момент промелька в светлом, дальнем сейчас конце коридора. Это была кошка.

- Интересно, кто из нас перепугался больше?

Вслед за стуком затвора распахнулось окно.

Легкий прохладный ветерок налетел на женщину, потом на бумаги, по одному взметая листы со стола и разнося их по просторам комнатного узилища. Женщина ловила их на лету, и когда ее руки взлетали кверху, обнажались и натягивались перепонки блузы, связывающие локти с телом и похожие на утиные межпальцевые сцепления. Казалось, она искусственно наделяла себя тем, что вычла у нее природа. В погоне за разлетающимися листьями она запрокинула голову, снова простерла вперед руки. Это была не женщина, нет,- то была огромная птица, взмахнувшая крыльями один раз, два раза, три... разбежалась быстрее, быстрее, подалась вверх и вперед, тяжело оторвалась от земли и отдалась ясному и чистому небу. Облетев парящих по кругу чаек, одиноко набрала высоту.

Ветерок раскачивал верхушки деревьев. Завороженные ели загадочно помахивали широкими густыми ветвями вслед улетающей птице.

Большая стая ворон промчалась против ветра.

Ветер здешних мест усвоил себе обычай все подхватывать, приносить и уносить. Тот, кто знал его язык и прислушивался к нему, мог проникнуть в его страсти и чувства.

Где-то вдали, в безлюдной и безводной жаркой пустыне шествовал большой караван верблюдов. Длинная цепь покорно и молчаливо тянулась по горячему золотому песку. Как змея, ползучая к своей цели. Ветер взметал и кружил песок, засыпая глаза, ухудшая видимость, скрадывая необозримый простор.

Ветер срывался, улетал от песков, гулял по глади морей, океанов, нарушая ее, вздыбливая волны в миллионы кубометров воды. Его разнузданности, бесчинству, бесстыдству не было ни границ, ни острастки.

- Все в мире подвластно мне,- насвистывал он везде, несясь по неистовому пути. - Все существует для меня, в моих ощущениях. Все плод моих ощущений. Ибо то, что вне меня, то не для меня и потому теряет значение. Это ясно, как Божий день. И это также ясно, как дважды два - четыре. Вопрос, к счастью, в том, кто властвует в данный момент в данном пространстве, как однажды сказал Шалтай-Болтай.

- Я... Я сейчас здесь властитель,-крепчал ветер, силы его все прибывали, набирала обороты свирепость, сопутствуемая разгулом, воем и хаосом.

- Сейчас мое время, и никто не в силах помешать мне насладиться им вдоволь. Я всюду, я всемогущ, вездесущ и непокорен!

С крыши дома сорвало волнистый шифер, понесло и вдребезги разбило о землю.

Окна держались на щеколдах, дверь приотворилась. В комнате было спокойно и тихо. Заточенный в ней свежий воздух проникся некой покорностью. Все, казалось, застыло.

Лишь тонкая рука водила длинными пальцами шариковую ручку по белоснежным листам бумаги, оставляя причудливую вязь.

Оставшиеся сигарета и пара спичек вселяли надежду и утешение на пути к будущему, пролегающему среди многочисленных тетрадей, книг и альбомов, раскинувшихся на трех столах комнаты.

- Нет, не годится, совсем не то. Пишу совершенно не так, как чувствую, хотя, может быть, и о том. Какой же тогда смысл писать? Или весь смысл в отсутствии смысла?

Рука потянулась к сигарете.

- Нет, последняя, пусть пока остается. Где же твоя одержимость, Анна? Позвонить Майке, что ли? Хотя, ух, их сейчас нет, я ведь вчера передала им приглашение ребят, а сама не пошла. Никто меня так радушно не принимает, и нигде я не нахожу себе такого приюта, как в одиночестве.

Взор ее снова устремился к окну.

Она давно не чувствовала себя такой опустошенной, как сейчас, невольно поднялась, подошла к высокому шкафчику в соседнем с ее столом левом углу комнаты, сняла с вбитого в его боковую стенку гвоздя зеркальце и поставила его перед собой.

- Стареем, Анна?

Морщины завоевывали кожу ее лица.

Несмотря на худобу, обвисал и двоился подбородок. В основания подкрашенных волос прокрадывалась седина.

- Нужно покраситься, да и губы потрескались.

Она несколько раз провела указательным пальцем по нижней губе, потянулась рукою к сумочке и покрыла помадой щербинки и трещины.

- Не пойду в понедельник к ученому секретарю. Не с чем идти. Получается не то, чего я хочу. Хотя ему это, может быть, и понравится. Бездарность в науке совсем не то, что бездарность в искусстве. Мало того, что могут не понять и не признать, можно еще и здорово навредить себе и

другим. Пока подходишь к заключительному аккорду, начинает не нравиться первый. Приходится начинать все сначала, и порой кажется, что конца и края этому нет. Всю жизнь учишься, мучаешься и томись. Природа однозначна и настоятельна в своем требовании к обществу. "Мне нужны лишь некоторые из вас, не важно, кто именно". Тут-то все и начинается. Тут и кончается.

В соседней комнате раздался телефонный звонок. Анна долго не двигалась с места, потом решила ответить. Прошла до пункта ПК, приоткрыла дверцу и, взяв ключи, направилась к звонившему телефону. У двери она услышала последний звонок.

- Опоздала. Сколько я опаздывала в жизни?! Может, большей частью оттого, что спешила?! Как сейчас, да?!

За окнами на ветвях ели едва различались два оранжевоклювых, подразнивающих друг друга дрозда.

Обычно утро они начинали с песен, а к вечеру понемногу свирепели и переходили к серьезным баталиям.

Дверь комнаты отворилась. В вечерних сумерках едва можно было разглядеть женщину из смога.

5.04.1987

БЛУЖДЕНИЕ

Казалось, погоня длилась целую вечность. Сумерки и препятствия, на которые то и дело приходилось наталкиваться, все более усложняли бег. То тут, то там группа автоматчиков, по несколько человек, в черных комбинезонах, появлялись из-за угла всякий раз, когда уже было казалось, что удалось скрыться от них. Как только беглец оказывался в поле их зрения, они пускали длинные очереди из автоматов.

Были и промахи, и попадания.

Было и больно, и страшно. Но страх, пожалуй, господствовал и над болью, и надо всем.

- Ну вот, слава Богу,- с надеждой взмолился беглец, подобрав автомат, брошенный одним из преследователей,- теперь я покажу вам, чертям полосатым, где раки зимуют!

Первая же встреча с настигающими обнаружила неполноценность найденного оружия.

- Черт побери, вроде такой же, как у них, и стреляет, порой даже и попадает, а не косит кровопийц. Бессмертные они, что ли?- приходилось думать с досадой. - Должна ведь хоть когда-нибудь кончиться эта погоня?

Последовало легкое прикосновение, с которым связалась вся надежда на освобождение.

Прикосновение повторилось.

- Проснитесь,- слышался нежный женский голос.

Глаза пришлось открывать уже при свете.

Трусы сползли с бедер словно бы самовольно, без принуждения. По голой части тела несколько раз прошлась женская рука. Растегнувшаяся нижняя пуговица халата обнажала взору белосежные гладкие стройные ноги почти до самых бедер.

Резкий контраст между происшедшими и переживаемыми событиями словно переносил все из яви в сон.

Чуть позже почувствовалось резкое покалывание, сопровождаемое прерывистым вскриком.

- Не надо, нет! Сделайте в другом месте.

- Хорошо, успокойтесь.

Последовало второе покалывание.

Боль оказалась терпимее.

- Все, успокойтесь! До завтрашнего утра вы свободны.

Сквозь боль глаза проводили легкую походку враскачку. Потом потух свет.

- Надо же, какие красивые ноги у этого коромысла! - угасало во сне сознание.

Потом было утро. За ним уже знакомая походка враскачку.

Милая улыбка. И вслед за ласковым "доброе утро" вновь знакомое покалывание.

Глаза уже не провожали походку, а пытались угнаться за мыслями. Гнойный фурункул возле шейного позвонка заметно уменьшался в размерах.

Чаепитие с суррогатным медом на работе из всех сотрудников почему-то сразило только Гурама.

- Вот она, расплата за жизнь и за свой доблестный труд. Иглы гнутся, черт возьми. Одно из двух: не годятся или они, или сиделка. Возможно третье: не умеют колоть. В любом случае нелегко.

- А попробуй сказать, что они не умеют колоть! Прямо-таки полезут в атаку, мол, сам напрягаешь мышцы, от этого и боль.

Кому что докажешь!

- Ну, что, Гурам, больно?- с ехидной усмешкой заметил сосед по койке, пожилой Або.

- Послушай, Гурам, как же ты не можешь понять, что когда тебя колют, нужно расслабиться,- пожал плечами молодой Бесо.

- Вот и они против меня,-подумал Гурам,- только их мне и не хватало. Хоть бы уж Бесо помолчал. Всего только тридцать один, а уже второй раз распарывают живот. И все от выпивки, от лошадиных доз. Пьяница! Ай, да пусть говорят, что хотят, мне что мне за дело!

За окнами легонько покачивали верхушками высокие тополя. Светло-серые тучи неслись по бессолнечному, хмурому небу. Это все, что можно было видеть, лежа в кровати, кроме разве уголка небольшой больничной палаты.

Бесо снова пустился в свою суесловную ересь о прошлом, связанном с постоянными, бесперебойными выпивками и вытекающими из них последующими дебошами. И все присутствовавшие в палате, как и всякий раз, погрузились в перипетии его приключений.

- Все логично и верно,-думал Гурам, отвлекаясь от скучного рассказа Бесо,- это должно было произойти все равно, рано или поздно! Как ни печально, но мои опасения сбылись.

Страшное предостережение, осознанное и открытое Гурамом в сознании, действовало, как казалось ему, безотказно, в большей или

меньшей мере повсюду, все оказывалось субъективностью, объективность коей выражалась так или иначе в постулате о том, что "старость социальная неминуемо приводит к старости биологической, пусть даже в молодом физически возрасте".

Смерть социальная приводит к смерти биологической.

- Мир, полный загадок и противоречий, уготовливает для желающего познать его суть посредством слияния чувственного и рационального, несет вред, которым словно бы наделено и напичкано любое добро.

- Знание не всегда помогает, порой оно тяготит...

Гурам понял это не так давно, и всякий раз, когда он уединялся с набегающими мыслями, его охватывали злоба и гнев. Среди запомнившихся наставлений прошлого, детства и молодости, он ни разу не слышал предостережения: "Осторожно-знание". Хотя и был благодарен за то, что ему в этом мире удалось осознать и понять.

Он не раз терял и вновь находил тот путь, которым шел по своей жизни. После последней потери, казалось, заблудился надолго, забрел, как ему казалось, в тупик, не знал, как выбраться из него, и не мог ничего поделать.

- Он никогда не знал, куда идет. А знаете, сказано: кто не знает, куда идет, тот пойдет дальше всех!-объяснил Бесо.

- Слава Богу,- с надеждой подумал Гурам.

Удалось услышать от пропойцы хоть одну умную фразу.

Правда, не совсем и не всегда. Когда не знаешь, куда идешь или даже когда знаешь, часто задумываешься и останавливаешься. Не поднимаются руки, и не двигаются ноги.

Но ведь движение и есть способ существования материи. Движение физическое, движение психическое. И именно в их совместности ощущается это движение.

Если человек существует, как общее биологическое и социальное, то становится ясным, почему без какой-либо указанной стороны человека не существует вообще.

- Да, это пассивная позиция,-соглашался Гурам с собой,- иначе я был бы сейчас не здесь.

- Хм,- усмехнулся он.- Послушать отца, так дело в том, чтобы измениться самому. А о том, что человек не может измениться иначе, чем через свое бытие, он и не подозревает. Философия нужна многим лишь для того, чтоб отмахиваться от нее. А тебе она была необходима, чтобы попасть сюда?- поймал Гурам себя на противоречии.

Зашла буфетчица, пригласила больных на обед.

- Всю жизнь прожить, как этого желают родители! Всегда и во всем, как хочется им. Романтика неплохая, конечно. А сейчас новый ультиматум- как поправишься, женим. Интересно, как и на ком? А их это мало волнует, хоть на Бабе-Яге. Да шли они...

Человек рождается в рабстве. В нем живет и помирает. Разница в относительности. Кто в большей, кто в меньшей мере. Верно и то, что желаемое сбывается в исключительных случаях.

Человек-раб. Чей-то или чего-то. Вроде бы разница, но сущность неизменна. Счастлив тот, кто этого не подозревает. Только в этом и заключается настоящее счастье человека?! А не знает этого тот, кто его не чувствовал и не испытывал.

- Как у Маркса, - подумал Гурам.- Желание одного сталкивается с многочисленными стремлениями других, а в результате получается то, чего

никто не хотел. Одни выживают, другой срывается раз, другой, третий...и в конечном итоге социальная гибель. А она ведет к неминуемой биологической гибели. Философия пессимизма и отчаяния? Нет - одна из реальностей той совокупности объективных граней, из которых состоит жизнь человека с не менее суровыми и жестокими законами, чем жизнь природы.

- Когда не слышал, не видел, не чувствовал, не... тогда не знаешь!

В палату, едва передвигаясь с помощью палки, протиснулся высокий худощавый старик в больничной пижаме, бородатый и бледнолицый. Сущее ходячее пугало.

- Ну что, Або,- с насмешливой улыбкой полюбопытствовал у него Бесо, - снялся на фото с медсестрой?

- Снялся, а что толку, желудок опять болит.

- Так ведь у тебя болела поясница.

- Ах, оставь меня в покое, дел что ли у тебя, нет! О Аллах!- пробормотал старик.

- Оставь его в покое, Бесо,-урезонивала его жена, день и ночь выхаживающая алкоголика-мужа, пытаюсь выбить из него страшный недуг с помощью врачей и чая с черной смородиной.

- Да, что ты в самом деле, и пошутить нельзя!- возмущался Бесо.

- Видишь, твои шутки ему неприятны.

- Зачем мне этот рентген поясницы, если меня убивает желудок!- бормотал между тем про себя старик.

- Так вот, дядя Або,-завелся по новому кругу Бесо,- у нас в деревне был, помнится, случай...

В больничной палате опять воцарили ханжество, цинизм и самодовольство одного и покорность и послушание остальных.

- Как счастливы и в то же время несчастны такие, как Бесо,- думал Гурам,- как легко ему наплевать на окружающих, перебить, перекричать их. С какой настойчивостью вовлекает он их в примитивные рассказы о бездарном своем прошлом.

За окном, вверх против течения реки, текущей по городу, треугольным клином летела огромная стая диких уток.

- Интересно,- подумал Гурам,- наверное, вожак у них совсем такой, как Бесо. Да, конечно же, с таким вожаком...

- Природа не вредит ни себе, ни человеку, она предназначена ему служить, тогда, как человек этот способен вредить и себе, и окружающим, и природе.

- Что же это, несовершенство, неразумность, неспособность или просто незнание смысла и назначения жизни?

Чем больше и дольше приходилось поневоле выслушивать излияния Бесо, тем быстрее уносился Гурам в счастливое прошлое. И теперь ему уже трудно было определить, что его убаюкивало, вовлекало в сон, то ли рассказы Бесо, то ли счастливая память о былом, а может быть и то, и другое?!

Жизнь в больничном комплексе была ключом. Одни больные выписывались, другие только поступали. Машины то и дело выезжали и въезжали во двор.

Для певчих дроздов он ничем не отличался от других частей огромного города.

Их будничные проблемы ограничивались в основном добыванием пищи и пением, при помощи которого они не только переговаривались, но и пытались понравиться друг другу. Божественная гармония и красота в природе удерживалась тверже, чем в головах и отношениях между людьми

этого города. Природа оказывалась послушней, чем люди, которые блуждали по большим кругам жизни и обходными путями пробивались к тому, что было у них под носом. И до желаемой остановки добраться удавалось лишь самым везучим.

Велосипеда изобретать у них никто не требовал. Все было изобретено уже до них. Требовалось лишь отыскать верную колею, но это им еще предстояло осуществить.

24.08.1987

ТАК ПРОСТО

И когда казавшееся очень большим показалось вдруг очень маленьким, крохотным, сквозь печаль прокралась наивная и глупая улыбка. Все оказалось настолько простым, насколько сложным и недостижимым представлялось некогда раньше.

Все преграды, искусно возводившиеся на его пути, нарочито превозносились до уровня, превышающего саму конечную цель.

Они остались, однако, на тех же местах, где столь старательно воздвигались руками замученных, несправедливо обиженных, и к тому же преследуемых горестной жизнью и судьбой честолюбцев. Унылые и огорченные своей непокоренностью барьеры удивленно посматривали вслед покорителю, одержавшему победу прежде всего, им казалось, над собою самим.

- Покорить вершину - значит убить и покорить себя,- молча покрикивали они ему вслед.

- Нет,-отвечал он,- за высотой-высота.

А в ответ ему доносилось:

- Глупец, за высотой-низина.

Душа тщетно пыталась унять пыл разума:

- Пойми, глупец! Остынь, не поддавайся слухам. Пока я жива, я тепла. Пока я тепла, твоя жизнь в безопасности.

- Уймись, душа,- доносилось ей в ответ,- я ведь пекусь о твоей судьбе. Теплом своим ты накличешь на себя холод, а мне с ним на этом свете хана.

Выбравшись из дремучего леса достигнутых целей, он ахнул от раскинувшегося перед его взором открытого светлого пространства. В недоумении, радости, странной растерянности, словно бы с перепугу, проковылял несколько шагов, спотыкаясь о бугорки и разбросанные кое-где камни.

Опустился на самый большой из них, очень кстати подвернувшийся под его правый бок.

- Батюшки!-воскликнул он и, опустив голову, обхватил ее руками.

Внезапное осознание того, что он совсем потерялся и заблудился, овладело им, обременив тяжелой ношей. Ориентироваться в дебрях было куда лучше и легче, он ведь рвался на свободу, простор, тот самый, который сейчас осязал, сидя на холодном, сером, похожем на неровное седло, камне, и не зная, куда идти дальше. Выбегавшие из норок шустрые зеленоватые ящерицы, прошмыгивая мимо него, приостанавливались на минутку, с любопытством оглядывали, вылупив темные, круглые глазки, неестественно выгибали шею, дивясь появлению некой фигуры, бросавшей на Землю бесформенное пятно тени. Пытались, должно быть, вникнуть в происходящее, уловить измерения неизведанного или давно позабытого.

Убеждаясь в тщетности затеи, набирали в щечки воздух, уподобляя их вздутым подушечкам и пускались ползучим бегом прочь от непрошенного гостя. А кузнечик, очутившийся на плече путника и не проявив ни малейшего интереса к тому, где, точнее на ком, находится, суетливо подыскивал себе площадку для очередного марш-прыжка.

Потянуло ароматом невидимой городской то ли фабричной, то ли заводской трубы, слышался некий отдаленный, негромкий гул. Путник обернул взор назад, в сторону только что покинутого ада, по которому он столь долго шастал голодный и холодный.

В ужасе от пришедшего на память, что-то пробормотал и чуть не свалился на землю навзничь.

- Почему, почему они меня бросили? Почему оставили одного?- недоумевал он,- как-то не по-советски поступили,- заимствовал фразу из мультфильма,- куда теперь двигаться и как выбираться? Кто его знает?

- Сергей, Сергей, Сереженька! Как хорошо, что я вас увидела!- донесся из-за спины радостный женский голос.

- Кто это еще?-полюбопытствовал путник, оборачиваясь на возглас.- О Боже! Только ее мне сейчас и не хватало! Вот свалилась на мою голову!

Женщина лет сорока небезупречной наружности, в очках, с небольшим рюкзачком за спиной быстрым шагом зигзагами приближалась к нему, словно боясь потерять из виду.

- Куда все подевались? Ну, как так можно! Сколько времени уже кручусь по лесу, хожу кругами, кричу, зову, и никто не отзывается. Хорошо, что встретила хоть вас,- жаловалась женщина.

- Меня бы спросили, хорошо или нет?!- молча возражал ей Сергей.

- Что случилось? Вы тоже отстали от группы?

- Нет, искал вас,- подольстился Сергей.

- Ой, правда, Сергей?! Спасибо большое. Вы такой добрый и внимательный, и не похожи на других. Я так испугалась,-без передышки сыпала она,- представляете, уже чуть не вечер, а я одна в лесу, мало ли что? Дома родителям сказала, что иду не одна, и вот тебе на!

- А кому ты на что сдалась, даже в лесу, одна?- снова молча взбеленился Сергей.

Она говорила еще долго и он уже подумывал, кроме всего прочего, еще и о том, как от нее избавиться.

- Господи, взрослая уже вроде, а какая дура! Что ни говори, а химички нет-нет, да чем-нибудь все похожи одна на другую.

Сергею вспомнилась одноклассница, куда умнее и привлекательнее, чем его нынешняя собеседница, что тоже все время лезла к нему "на рожон", а он только и думал о том, как увильнуть и прибежал к самым хитроумным уловкам. У той было зверинное чутье на "убегающего лиса", и она всячески и везде преследовала его и отстала только после того, как на крючок ей попался менее опытный "лис" и она вышла за него замуж.

Правда, у него и сейчас еще не прошло чувство некоторой неловкости за один случай в школьной столовой. Он помнился, как-будто произошел только вчера. Некий Левка, одноклассник, подкалывал его, улавливая по выражению лица наслаждение от еды и вообще от многого.

- Сергей! Вот, смотри,- покрутил Левка перед его носом длинной, тонкой охотничьей колбаской. Покрутив, откусил от нее конец, а остальное сунул в баночку с еще нетронутой сметаной, деловито размешал ее, вытащил колбаску обратно и откусил еще раз.

Сергей улыбнулся, вспоминая тогдашнее свое состояние.

А тогда он очень разволновался. Можно сказать, разозлился. Левка успел увернуться и броситься за дверь. Так что содержимое баночки вылилось ему вслед. А облитой оказалась их одноклассница, будущая химичка, и облитой с головы аж до ног. В общем, поднялся тогда переполох.

Вспоминался и другой случай. Когда друзья-одноклассники забавлялись в химическом кабинете стрельбой горящими спичками с последних парт на первые, по диагонали, из специальных сконструированных устройств. Одна горящая спичка, изменив траекторию, попала на замшевую гардину, которая мгновенно запылала. Сергей с одноклассником бросились тушить ее. Прозвенел звонок на перемену. Весь

класс повалил из кабинета. Сергей с одноклассником, сорвав горящую гардину, затапывали ее ногами, а учительница растерянно бегала взад-вперед и что-то выкрикивала тонким писклявым голосом. Благодаря расторопности ребят, пожара избежать удалось. Зато самим им позже пришлось в кабинете директора доказывать свою невиновность.

В общем, хотя к самому предмету Сергей относился с большой симпатией и знал его на "отлично", с химичками у него отношения складывались явно не симпатичные. И это свое отношение он распространял и на профессиональные рельсы, считая, что вообще все физики и математики испытывают к химикам подобные чувства.

Сейчас Сергею, видимо, предстояло-таки выдержать очередное испытание очередной химичкою-спутницей с однодневным стажем знакомства.

Несколько помедлив и помешкав, они двинулись наконец в дальнейший путь. Чувствовалось, что оба смертельно устали. Сергей шел чуточку впереди, спутница немного отставала от него и что-то захлеб рассказывала.

Оба признавались себе в душе, что идти вдвоем куда веселее и легче, чем в одиночку. Сергей планировал уже на завтра план налета на сотрудников, так безбожно бросивших его одного посреди незнакомой местности, да ещё впридачу подсунувших такую спутницу.

Пара двигалась по неизвестной местности в надежде отыскать хоть какую-нибудь тропинку, ведущую или на автомобильную трассу, или в город, или в какое-нибудь село, или в крайнем случае, хоть во что-то, проявляющее какие-то признаки жизни.

Шли долго, изнуряющими серпантинами. То выходили на опушки, то вновь углублялись в небольшие лесные массивы.

Наконец, впереди замаячила какая-то хижина. Не замедлила вспыхнуть надежда. Они покосились друг на друга, улыбнулись, прибавили ходу и скоро оказались внутри хижины.

Хибара выглядела заброшенной. Нога человека, должно быть, давно в нее не ступала. Путники, однако, были рады хоть какому крову над головой. Оба прекрасно осознавали, что продолжать путь в надвигающихся сумерках не имело ни малейшего смысла.

Женщина навела в новом, временном пристанище свой женский порядок, и вскоре они сидели за наскоро приготовленным из содержимого рюкзаков легким ужином.

Старый, сердобольный сверчок постукивал длинной веточкой по нотному столику, переворачивая страницы нотной тетради, словно выискивая то место где он вчера остановился. В ночном зале он ориентировался благодаря собственному автономному освещению в задней части своего тела.

- Внимание, коллеги, внимание! Попрошу, пожалуйста, внимания!- обращался он к ночным оркестрантам, продолжая постукивать дирижерской палочкой.- Соберитесь, пожалуйста, скоро начнем! Итак, с большим опозданием, но начинаем!

В зале раздавались обрывистые звуки разных музыкальных инструментов. Чувствовалось, что оркестранты находятся в стадии последних приготовлений.

- Несчастные,- подумалось старому дирижеру, что с ними будет, если вдруг со мной что случится?! Без меня им хана! Впрочем, надо признать, каждый из них довольно-таки сносный музыкант, ну вот как соберутся и сядут вместе, да каждый задует в свой инструмент, да наедет своей музыкой на других, ведь черт знает, что творится тогда! Музыкальная каша переходит

понемногу в словесный мат-тарарам и завершается телесными баталиями. И только под звуки "спасайся, кто может" и можно разрядить ситуацию, а потом наблюдать, как оркестранты разбегаются по кустам, еле волоча за собой свой, а то и, впридачу, как "трофейное оружие", и чужой музыкальный инструмент под звон фанфар или крики "авойна".

Такое старому дирижеру доводилось видеть не раз, правда, в роли случайного наблюдателя со стороны.

Он был близко знаком почти с каждым из оркестрантов, за каждого из них у него болела душа и о каждом он заботился в меру своих возможностей.

- Без меня они погибнут и разбегутся,- досадовал старый дирижер,- потому что дерутся друг с другом, как самые истые люди! Всякий выставляет себя напоказ и добивается успехов в карьере за счет подавления других. А жаль! Ведь сколько времени и труда мне стоило собрать такой состав!- продолжал досадовать дирижер.

- Ну, все, все!- последний раз постучал он своей дирижерской палочкой.- И - начали!

И началось, началось, и еще как началось!

- Послушай, прислушайся, Сергей, как здорово они лупят в такт. Стрекочут и скрипят, словно и ими руководит некий опытнейший дирижер!- восхищалась спутница Сергея.

Большие водяные комары с зуденьем и скрипом метались близ их ушей, нагоняя страх в виду предстоящей ночи.

- Жанна, подай-ка мне, пожалуйста, хлеба,-стоически держался Сергей.

Стол к ужину был накрыт довольно-таки приличный, что даже немного удивило Сергея.

- Вот! Если хочешь, выпей немного,-протянула ему Жанна крышку от фляжки, с белой влагой внутри.-Согреешься!

- Вообще-то я не пью!-ответил Сергей, принимая у нее дорожный сосуд и все больше удивляясь.- Надо же! Даже и этим запаслась.

- Пей, пей, ничего с тобой не случится! Если уж я не растаяла, то и ты уцелеешь,- улыбаясь, настаивала Жанна.- Согреешься немного. Видишь, становится прохладно.

Сергей зажмурился, залпом опрокинул в себя содержимое крышки фляжки и почти сразу почувствовал, как его тело обдало приятным теплом.

"Лечебная жидкость", показалось, попав в поджелудочную область, почему-то свернула не влево, в желудок, как это должно бы, а вправо, разливаясь в полости печени и желчного пузыря. Он ничем не мог объяснить это обстоятельство на протяжении вот уже многих лет. Спрашивать об этом кого-либо не решался, стыдно было выдавать свое незнание в этой области. И посему попытался выдвинуть свою версию-оправдание явлению и нащупал-таки её. С чувством радостного удовлетворения то ли настойчиво убеждал, то ли обманывал себя, что такое происходит со всеми кандидатами физико-математических наук, ибо до защиты диссертации он не пил никогда, а после нее разве что изредка. Он очень боялся спиться и прибегал к спиртному только в исключительных ситуациях. Правда, вино, понемногу позволял себе иногда более смело.

Жанна постепенно приручала Сергея и даже натягивала вожжи. Он все больше привыкал к ней и к ее невзрачности. И если раньше относился с большой неприязнью, то теперь - по формуле "поскольку-постольку". Что же делать, если все так случилось и обернулось! Хотя, если бы можно было вернуть жизнь немного назад, то он сделал бы все возможное, чтобы не попасть в эту ситуацию.

После довольно-таки вкусного ужина Сергей, справив за углом хибары нужду, стал готовиться к ночлегу. Присмотрел себе местечко, вытащил кое-какое тряпье из рюкзака, расправил и разостлал.

Жанна занималась уборкой стола.

- А ты где устроишься?-спросил он у нее.

- Вон там!- указала она на противоположный угол.

- Есть что постелить?

- Да, есть.

- На всякий случай поролон подкинь, слышишь?

- Да,- отвечала она, словно что-то недоговаривая.

- Ну, ладно, будем спать!- повернулся Сергей к стенке.- Эх, надо было спальник прихватить, да кто знал, что с ночевкой поход получится!

Усталость мигом повергла его в крепкий сон.

Он не помнил, сколько проспал, но проснулся, лишь когда почувствовал, что его осторожно трясет рука женщины.

- Сергей! Сергей, пожалуйста!

- Чего тебе?- спросонья отмахивался Сергей.

- Извини, пожалуйста. Мне надо выйти, а я боюсь. Пойдем, пожалуйста, со мной на природу.

- Ай,- подумал Сергей,- и ночью спать не дадут,- но послушно подчинился ее просьбе.

- Подожди здесь, пожалуйста,- попросила она тихим голосом, подводя его к кустам,- и не отходи далеко.

- Ага,- подумал Сергей.-Ну, конечно же, чтобы слышать, как ты это делаешь.

Жанна отошла за кусты, но Сергей увидел, как она спускала брюки и садилась на корточки.

Глаза он отвел сразу, но вот заткнуть уши как-то не сообразил. Так что пришлось все выслушивать.

- Вот ненормальная!-подумал Сергей.

Жанна, счастливая, смеющаяся, вприпрыжку возвращалась к нему.

Сергей посмотрел на звездное небо, на луну и сориентировался-таки немного на местности.

- Какое красивое небо, правда?- воскликнула Жанна.

- Да,- согласился Сергей.

С ночным небом его связывала немалая часть воспоминаний. Он рыбачил с восьмилетнего возраста в портах, на реках, озерах, водоемах-водохранилищах, зачастую по ночам. Приходилось и охотиться в позднее время.

- Счастливое было время!- погружался Сергей в минувшее.

Да, в самом деле, вспомнить было о чем.

В одну из таких звездных ночей он отправился с другом на рыбалку. Ночью совсем не было клева. К полуночи, а в особенности, под утро они продрогли от холода, да так, что подыскали возле берега заброшенную лодчонку, улеглись в нее и, обнявшись, дождались рассвета.

А наутро, окончательно окоченев, бродили по берегу, в надежде проникнуть хоть в какое-нибудь прибрежное здание и обогреться.

Первым таким зданием оказалось помещение бильярдной, которое открылось с раннего утра и первыми посетителями которого были они. Хозяин встретил было посетителей с радостной улыбкой, но когда они, промерзшие и полусонные, полезли укладываться под бильярдный стол, это ему не понравилось. Их проводы из бильярдной были менее радужными, чем прием.

Не успев улечься с этими мыслями в свою постель, Сергей вновь услышал жалобные возгласы Жанны.

- Сергей!-простонала она.
- Ой,-протянул Сергей, оборачиваясь,- ну, чего тебе еще?
- Мне холодно, я вся продрогла, и к тому же боюсь спать одна.
- Ну так возьми, выпей еще чарочку.
- Не помогает.
- Ну так что же мне делать?
- Иди сюда, ко мне.
- Ну вот еще! Этого только не хватало.

Последовала долгая пауза.

- Ты что, боишься меня? Я не съем тебя, не бойся.
- Еще чего, с чего мне это тебя бояться?- удивился Сергей.

Он нехотя перебрался к ней, объединив все имеющееся у них тряпье в одну постель.

- Обними меня, пожалуйста.
- Ну вот, начинается!
- Да нет же, правда, мне холодно.
- Только обещай, что без глупостей, -вполне серьезно и строго потребовал Сергей.

- Обещаю,- с такой же уверенностью произнесла Жанна.

Они оба легли на бок. Он обнял девушку и почувствовал теплоту ее тела. Но как только приник к ее плечу голову, моментально вырубился и уснул. Ночью ему снились кошмары. Их перебивали ласкающие женские руки.

Марина умела это делать с необыкновенной красотой и романтичностью. Она нежно обнимала его и целовала не переставая.

- Марина, не надо,- отбивался он,- только не сейчас, ну видишь же, в каком я состоянии? Грязный, небритый. Оставь меня в покое, я хочу спать.

- А ты спи, спи, я сама все сделаю.

- Ай, да оставь, ради Бога.

Сергей уже и не помнил, чем кончались его баталии с женой, он провалился в сон окончательно.

Потом его, полусонного, несчастного, то ли во сне, то ли наяву выводила по нужде какая-то женщина, а он жалобно просил: "Ну, дадите вы мне, наконец, поспать?"

Наутро он проснулся весь взъерошенный, почти с квадратной башкой. Осмотрелся по сторонам. Жанны рядом не было.

Еще через некоторое время он уже приводил себя в порядок. После жуткой полубессонной ночи побаливало, и даже немного покачивало в стороны. Завершив свой утренний туалет по полной программе, он вспомнил о Жанне. Пару раз позвал ее, но она не отозвалась. Вышел и недалеко от хибары, у самой опушки леса увидел ее в деле.

Над костром висел котелок с готовящейся в нем едой. Меж деревьями была натянута веревочка с просушивающимся на ней тряпьем, а сама Жанна, склонившись над тазиком, что-то стирала. Он стоял за деревянной стеной и в состоянии некой оцепенелости полускрыто-полуоткрыто принялся наблюдать за ней.

Улыбка прошла по его лицу.

- Удивительные создания все-таки эти женщины! Поражают абсолютной нестандартностью мышления и действий. Ну, угораздило же ее сейчас открывать такой фронт работ! На кой ей этот костер, эта стирка... и откуда взялись котел с крышкой, тазик, вода?...- изумлялся он.

Жанна все копошилась, что-то выполоскала, вывесила. Палкой выбила пыль из одежды.

Казалось, все происходит не на случайном вынужденном привале, а в деревне, на отдыхе.

- Похоже, она никуда не собирается уходить.

- Марина,- в каком-то забытии позвал Сергей.

Она не отозвалась. Он повторил это имя, но чуть погромче.

- Что?- с сияющей улыбкой обернулась наконец Жанна.- Как ты меня назвал?

- Мариной!- удивился Сергей.

- Кто эта Марина?- полюбопытствовала Жанна.

- Моя жена,- объяснил Сергей.

- У тебя еще есть жена?

- Да, а что?

- Нет, ничего, так, просто.

- Что так просто?

- Да нет, ничего, просто так. Ничего, и все!

- Ты не собираешься сегодня домой?

- Собираюсь.

- Когда?

- Когда скажешь.

- К чему же тогда вся эта канитель?

- Просто ты спал, и я решила тебя не будить.

- А если я спал до вечера?

- Остались бы на вторую ночь,- все улыбалась Жанна.

- Вижу, тебе здесь очень понравилось.

- Да! А тебе разве нет?

- Ладно, хватит, давай собираться,- посоветовал Сергей, показав взглядом на выплывающее солнце,- видишь, как оно высоко взошло!

Он посмотрел на часы. Было начало двенадцатого.

- А что там у нас в котелке?

- Суп с грибами.

- Суп?- восхитился Сергей.- Подходящий, однако, завтрак!

К двенадцати часам группа из двух человек двинулась в путь, оставляя позади опушку леса и гостеприимную хижину.

Ночной оркестр, отработав свою трудовую вахту, отсыпался в ожидании будущей ночи. Солнце не жалело лучей и поджаривало невезучих путников, желанья которых по поводу возвращения домой не сходились друг с другом. Если один явно спешил, то вторая, напротив, склонялась к столь же ясному промедлению. Но оба двигались вперед ускоренным ходом.

Солнце было в полном зените, когда походная группа из двух человек подходила к небольшому шумному водопаду.

Жара и жажда убыстрили их шаги, и вскоре они наслаждались студеной горной водой, прохладой и отдыхом на камнях под холодными брызгами.

Сергей вытирался полотенцем и не отрывал взгляда от солнца. Его расположение тревожило, торопило и даже нервировало.

- Все,-произнес он утвердительно,- передохнем немного, и снова в путь!

- Сергей, я хочу выкупаться,- осторожно ввернула Жанна.

- Нечего,-возразил Сергей,-купаться будешь дома.

- До дома далеко, а мне надо сейчас,- с некоторым упрямством настаивала Жанна.

- Что значит надо!- возмутился Сергей.

- Надо, стало быть, надо. И все!- не отступала Жанна.

- А мне надо поскорее попасть домой.

- Ну надо, так иди, никто тебя не держит! А я тут поплаваю,- принялась она расстегивать верхние пуговицы кофточки.

- Вот, дура упрямая, коза рогатая!- рассвирепел Сергей.- Ну и оставайся одна, волкам на съедение!

- Сам козел! Вот и останусь, а ты, валяй, да поскорей, к своей Марине.

- Что? -вскрикнул Сергей. Ну, все, этого терпеть я не намерен!

Он махнул рукой и быстрым шагом двинулся прочь.

Дорогой не переставал удивляться наглости Жанны.

- Видите ли, ей так надо! Что за упрямство и самоволие!- негодовал он.- Вот потому-то у нее нет ни мужа, ни детей. Из-за поганого характера! И не будет, пока не опомнится и хоть чуть-чуть не изменится. И впрямь судьба человека в его характере.

Около часу продвигался он вперед, но гнев все не утихал. Он вдруг поймал себя на мысли, что он движется от одной женщины к другой, словно футбольный мяч.

- Хм,- поразился открытию,- женщины ходят мною, как пешкой, и я двигаюсь по их велению и настоянию. Ты представляешь себе это, Сергей?

- Успокойся, уймись,- отвечал ему его внутренний голос,-женщины двигают не только тобою, но и очень многими, если не всеми, мужчинами, а то и всем миром.

- Какая наглость,- возразил он теперь своему внутреннему голосу,- мы, "сильный пол", пляшем под их дудку! Ладно другие, а я этого делать не собираюсь.

- Дурачок,- усмехался голос,-еще как собираешься! Даже сам будешь заказывать музыку и при том просить, чтоб они тебе сыграли.

- Ну все! Хватит, замолчи!

Он вспомнил Марину, представил, как она встретит его, и устроит разборку по поводу продолжительного увеселительного, как она будет настаивать, похода за грибами, который должен был длиться до вечера, а еще продолжается, и продолжится черт знает до каких пор еще. Самыми ужасными казались неотвратимые объяснения, которые предстояло давать Марине.

Вдруг он остановился и замер.

- Что случилось?-спросил его внутренний голос.

- Я оставил, можно сказать, бросил, женщину одну!

- Ты ее не оставлял, она сама тебя прогнала.

- Мало ли что с ней может случиться?

- Да, но она назвала тебя козлом, и от Марины тебе грозит то же самое!

Две женщины с невероятной силой тянули его сейчас к себе, словно перетягивая канат, каждая на свою сторону.

После недолгих раздумий он обреченно махнул рукой, отвернулся спиной от сильной, страстной законной и повернул в сторону слабой, нежной и незаконной, которая, как ему казалось, сейчас нуждалась в нем больше.

Вспомнились слова некоего кинорежиссера, характеризовавшего жизнь как великолепнейшего сценариста, умеющего подбросить такие сюжеты, какие не придут в голову ни одному писателю.

Марина тянула его к себе, Жанна же гнала от себя.

- В таких случаях идут к третьей,- почему-то ударило Сергею в голову, видимо, от злости,- а что, если на нее напали, люди или волки,- уже подумывал Сергей, но тут же успокаивал себя,- кому нужна, Господи, такая уродина! Фу, да она сама любого волка, хоть двуногого, хоть четвероногого, загрызет.

Он уже приближался к месту, где оставил давеча Жанну.

Показался лес, и послышался шум.

Сергей вдруг замер, у него отвисла нижняя челюсть.

- Вот это да! Ай да уродина! Да кто же сказал, что ты уродина!

Жанна стояла под водопадом абсолютно нагая. Сергей замер, как околдованный, и залюбовался красотой её тела.

- Она победила даже мою Марину!

Жанна понемногу выбиралась из-под струй водопада, несколько раз окунулась в водоем, вышла, остановилась позагорать, расставив ноги и приподняв руки навстречу ласкающим лучам солнца.

Без очков она то ли не видела Сергея, то ли делала вид, что не видит. На лице ее сияла чуть ехидная улыбочка.

Вот она повернулась спиной.

Но тут подала голос Марина.

-Сейчас я ей покажу!- подумал он с раздражением и нежностью одновременно. Два достигших экстремального уровня чувства, столкнувшись, разбились на множество отдельных частичек, разлетевшихся по уголкам его души и сознания.

Медленно и плавно, как кошка, он подкрался и стал за спиной Жанны.

Она уловила его движение, остановку, но даже не шелохнулась.

- Ну, что скажешь?

- Ты великолепна!

- Правда? А так? - повернулась она к нему лицом и, улыбаясь, посмотрела прямо в глаза.

Он старался устоять и не двигаться. Она придвинула свои губы к его губам и застыла. Он нежно взял ее за маленькую правую грудь округлой формы и с такой же нежностью прильнул к ее губам. Целовал он ее недолго.

- Ну, как?-спросила она не без интереса, когда он оторвался. - Я лучше, чем она?

- Тебе "надо" было для этого?- вопросом на вопрос отозвался он.

Жанна отвела взгляд, молча отошла от него.

Сергей пристально всматривался в нее. Его волновала сейчас не столько ее нагота, сколько желание угадать хоть какой-то ответ в движениях ее тела.

Она, уже одетая, неподвижно сидела на камне, не поднимая глаз на присевшего рядом Сергея.

По щекам ее покатались слезы. Она вытерла их ладонью и едва слышно всхлипнула.

Сергей осознавал, что она пустила на достижение своей цели весь имеющийся у нее на вооружении боевой арсенал. Теперь ей не оставалось ничего, кроме как ждать.

Ее не столько интересовал он как мужчина, сколько то, каковы будут его ответные действия. Животный интерес и нетерпение одолевали ее сейчас больше всего. Эти чувства она испытывала впервые в жизни и пыталась упиться ими сполна, опасаясь упустить малейшую деталь и подробность.

- А что будет дальше? Каковы будут твои дальнейшие действия?- дразнила она себя вопросом и ожиданием ответа на него. И напрягалась, тем больше, чем дольше затягивалась пауза.

Сергей четко уловил ее ощущения и решил продлить установившееся затишье, словно будаража и все больше их разжигая.

- "Я хочу" женщины куда сильнее "я хочу" мужчины!- констатировал он, конечно же, подразумевая отношения не в стане дикарей, а в нормальном обществе любой из цивилизованных стран, уровень культуры которой он оценивал и по степени отношения мужчины к женщине.

Он встал, мерным шагом подошел к краешку водоема, ополоснул лицо, и так же неторопливо вернулся.

Ему очень не хотелось оскорбить женщину в ее чувствах.

Он опустил на камень, приник лбом к ее прохладному плечу.

- Жанна, послушай меня. Ты хороший человек. Мы уже далеко не дети. У меня жена помоложе тебя и ребенок. Ты еще не замужем. Не надо отчаиваться, встретишь еще хорошего человека. Зачем нам эти прихоти и глупости, от которых ничего, кроме проблем, не будет. Ты ведь понимаешь, что твоим я никогда не буду, а жену могу потерять. Ради чего? Ради одного твоего "хочу", и все? Все мы, люди, многого хотим и желаем, но жизнь наша не строится по сценарию "я хочу, и все тут". У нее сценарий другой- "так надо, и все" и "это можно, а вот этого нельзя".

Он поймал себя на внезапном воспоминанье о том, что не так давно Жанна проронила те же слова - "надо, и все", которые он так страстно опровергал, и от растерянности оторопел и умолк.

Жанна ухватила за его промашку. Некоторое время они вопросительно смотрели друг другу в лицо.

- А что я говорила?- молча спрашивала Жанна.

- Как же это я сам на себя наехал? Тоже мне еще философ!- удивлялся Сергей.

Жанна улыбнулась, Сергей ответил ей тем же. Улыбки понемногу разрастались, пока не перешли окончательно в смех.

- Что может быть сильнее любви мужчины и женщины?- спрашивал их внутренний голос.

Друг перед другом стояли два влюбленных человека. Сейчас им казалось, что они первооткрыватели нового чувства. Оба ловили себя на том, что их любовь куда сильнее и возвышеннее, чем просто взаимная тяга

мужчины и женщины. Да, именно так, именно это твердили они сейчас себе. Да, любовь человека к человеку возвышеннее любви мужчины и женщины. И радость открытия этого для себя переполняла их души. Они ухватили спустившееся к ним с неба блаженство. Сейчас они больше ощущали, чем понимали. Чувство словно затмило на время их разум.

Радостные ощущения вновь переполнили ее душу, слезы хлынули фонтаном из ее глаз, она бросилась ему в объятия, сильно прижалась к груди, из глубины души исторгая одни и те же слова: "Я люблю тебя, я люблю тебя".

Она не была уже кандидатом химических, а он физико-математических наук. Оба разом, в одно мгновение, вдруг стали докторами наук небесных.

Но и это чувство пришло к ним, как говорится, не на голое место, они шли к тому всю прошлую жизнь, словно восходя на вершину, имени которой они не знали, да и знать тогда не могли, но предугадывали всей душой и всем сердцем, и оба повиновались зову своей души.

Идущие на зов единой души на небесной вершине непреложно встретятся и сойдутся, и пути их жизни обязательно пересекутся.

- Пересекутся... Пересекутся хотя бы раз, но...навсегда, - с радостью повторяли они, как попугаи, это свое открытие.

Они понимали и то, что многим не понять всей глубины этого чувства. Чтобы летать, нужно быть летчиком. И чтобы понять, нужно правильно мыслить. А кто этого не умеет усвоить, может назвать это чувство, как угодно, даже совсем унижительно.

- Я ни о чем не жалею,- с радостью восклицала Жанна, заглядывая Сергею в глаза. - Не жалею ни об одной минуте с тобой и буду любить и помнить тебя всегда, всю свою жизнь. И еще мне в жизни не надо никого.

При этих словах внутри у нее что-то встрепенулось и содрогнулось. Такой силы чувства она не испытывала и не ведала еще никогда.

- И я буду всегда любить тебя,- с уверенностью отзывался Сергей на небесное чувство, удивляясь, сколь обманчивой может быть внешность. - Только прошу тебя, выкинь из головы последние слова. Ты не можешь оставаться одна! Тебе нужна семья, дети. Еще можно успеть.

- Хм,-усмехалась Жанна, не отвечая на его поучения,- знаешь, я часто задумываюсь о смысле жизни и даже разработала свою ХФЖ.

- Это еще что такое?

- ХФЖ- это химическая философия жизни.

- Да? Интересно! Ну, и в чем же она заключается?

- Поможешь мне произвести небольшой химический опыт?

- В чем проблема?

- Ну, смотри!

После недолгих приготовлений Жанна уже демонстрировала свою ХФЖ на простейшей химической реакции.

У самого водопада она взяла в руки чистый прозрачный стаканчик, наполнила его водой, отпила немного сама и попросила сделать то же самое и Сергея.

- Видишь, какая вода чистая и прозрачная,- пояснила она,- и как приятно ее пить.

Сергей согласно кивнул.

- Это ее рождение и становление,- продолжала Жанна.- Смотри и слушай дальше. Это сахар,- всыпала она в стакан немного сахарного песка,- в воду попадают примеси сахара.

Понемногу, с интервалами она подсыпала в стакан все новые и новые примеси. И после каждой подсыпки давала Сергею попробовать. В растворе

оказались соль, перец, крупы, сода, марганцовка, йод и т.д. Вода меняла не только вкус, но и цвет. В конце концов дошло до того, что Сергей скорчил гримасу и напроочь отказался пробовать и пить эту,- как он назвал уже воду в стакане, - парашу.

- Вот видишь, Сергей. То же самое, хотим мы этого или нет, происходит в наших душах, сердцах и умах.

Если сейчас эту воду не очистить, ее не то что пить, но просто видеть тошно.

- А как же ее очистить до прежнего состояния?-поинтересовался Сергей.

- А вот так! Очень просто,-пояснила она, вернулась к водопаду, поднесла стакан с загрязненной водой к слабо стекающей по боку чистой струе, то есть к первоисточнику.

- Его нельзя надолго покидать, нужно время от времени возвращаться...

Сергей видел, как чистая вода постепенно заполняла емкость стакана, а лишняя загрязненная жидкость вытеснялась и выливалась из него.

- Видишь, что происходит? Пока не вступишь чистую воду, от грязной не избавишься!

Она держала стакан под струей, пока вода в нем полностью не очистилась. Потом пригубила, отпила пару глотков и протянула Сергею. Тот пробовал сперва понемногу, а потом выпил целиком, залпом, до дна.

- Вот это да,- произнес Сергей одобрительно,- вот это понимаю!

- Тебе понравилось?-спросила Жанна.

- Да это же было великолепно!- пояснил Сергей.

- Что именно?-полюбопытствовала Жанна.- Вода или ХФЖ?

- И то, и другое. И где же можно лучше очиститься от всяких осадков и грязи, тоннами оседающей в наших сердцах, душах, умах?!

- Пока еще не знаю точно, все еще не нашла окончательного ответа, но думаю, что скорее всего в природе естественной, дикой, все равно, на равнине или в горах. Ведь мы, люди, - дети природы.

- Да,- подтвердил Сергей,- все это, конечно же, очень наглядно, интересно и убедительно, но, знаешь, подобные поиски и объяснения жизни вел и я. И тоже построил теорию, правда, с несколько материалистическим уклоном и отправной точкой, с учетом своей профессии.

- Серьезно?- улыбнулась Жанна.- Любопытно! Расскажи, пожалуйста, хоть вкратце.

Марина как-то исчезала из памяти Сергея, и он, уже не считаясь со временем, стал погружаться в приготовления к объяснению жизни со своих материалистичных позиций.

- Ну, вот, теперь смотри и слушай меня внимательно ты,- достал он из рюкзака пасту и тонкую школьную тетрадку.- Значит, так! Надеюсь, что как математики и физики изучают химию, так и химики хоть понемногу изучают физику и математику. Моя математическая философия жизни (МФЖ), исходя из сущности поведения человека состоит вот в чем.

Жанна улыбнулась.

- Так вот,- продолжал Сергей, - человеческую жизнь я представляю математически в примитивном простейшем виде посредством следующего элементарного матричного уравнения

$$|A| |x| = B,$$

где - $|A|$ двухмерная, размером $N \times N$, где $N-2 \div \infty$ (индивидуально для каждого человека) матрица внутренних исходных параметров, в которую входят параметры характера человека, его генетических особенностей, всевозможных начальных биохимических исходных параметров и др.,

- $|V|$ - матрица-столбец внешних человеческих факторов, непосредственно влияющих на человека, это прежде всего - окружающая его среда, физико-механико-химические факторы, медицинские факторы и т.д.,

- $|x|$ - матрица поведения или поступков в жизни.

Или, освобождая, оставляя матрицу $|x|$ по одну сторону равенства, получаем следующую математическую запись поведения человека в жизни в матричном виде

$$|x| = |A|^{-1} |V|$$

Понятно?

Жанна задумчиво кивала ему головой.

- Таким образом получается, что, зная исходные параметры человека и действующие на него внешние, можно определить характер поведения человека. Более того, можно получить желаемое поведение человека, манипулируя матричными параметрами матриц $|A|$ и $|V|$. То есть, для примера, для того, чтобы получить или добиться от той или иной особи желаемого мною поступка, я могу подобрать соответствующие этому поведению внешние факторы и условия.

- Да, - многозначительно произнесла Жанна,- все это, конечно, весьма и весьма интересно.

- Ну и разнообразить эту математическую концепцию, разработанную лично мною, можно, конечно же, добавляя к матрицам $|A|$ и $|V|$ всевозможные другие матрицы, дополняющие или корректирующие индивидуальные характерные особенности каждого индивида. Вот так-то!- закруглился Сергей, завершая свои объяснения.- Но, признаться, твоя ХФЖ меня заинтересовала не меньше, если не больше.

- О-о, спасибо!- обрадовалась Жанна, не отвлекаясь, впрочем, и пытаясь поглубже вникнуть в услышанную дребедень.

- Твоя теория ХФЖ - небесная и космическая, а моя теория МФЖ - земная, а стало быть, твоя - вечная, моя же -временная, преходящая.- пояснил Сергей. Так что, считай, ты меня победила!

Ненадолго воцарилось молчание.

Сергей снова вспомнил про Марину.

- Все это хорошо, но что же нам делать, Жанна? Уже давно зашло за полдень, и мы, похоже, не выберемся отсюда и не попадем домой и сегодня,- огорченно воскликнул он.

- Неплохо,- подумала Жанна, - счастье продлевается еще на один день.

Двойственные чувства вступили в борьбу и в Сергее - зов Марины и порыв незамедлительно отправиться в путь и гнет усталости, безысходности и смирения в ситуации, в которую он попал.

Оба долго молчали, сидя рядом, прикинув друг к дружке, пошвыривая маленькие камешки в водопад и наблюдая за кругами волн на поверхности воды.

Жанна вдруг встрепенулась и напряглась, как бы к чему-то прислушиваясь.

- Что такое?- удивился Сергей.

- Тс-с,- воздела указательный палец Жанна.- Прислушайся.

Издали доносился чуть слышный звон колоколов. Они привстали, подались по направлению звона, прислушались, замерли.

- Слава тебе, Господи, и благодарность,- обратил Сергей взор в небеса,- теперь мы знаем, куда и в какую сторону нам идти. Наверняка там какая-нибудь деревня или населенный пункт.

- Да уж, конечно, - мгновенно согласилась с ним Жанна.

Вечером путники были уже в городе. Сельский попутный автобус довез их до одной из станций метрополитена. Сергей, можно сказать, не чувствовал ног, предательски подкашивавшихся в коленях. В Жанне он не замечал столь сильной усталости. Расстались без лишних церемоний. Перецеловав друг дружку в щеки и пожав руки, обменялись пожеланиями и разошлись.

Жанна долго смотрела ему вслед. Сергей шел к Марине, не оборачиваясь.

Сергей медленно и устало приоткрыл тяжелую стальную дверь дома. Рюкзак бросил у входа, штормовку и кепку повесил на вешалку. Шумно закрыв за собою дверь, принялся скидывать обувь.

- Папа, папа пришел! - раздался радостный возглас маленького Олега, выбежавшего навстречу Сергею.

- А, а...а,- слышалось из кухни протяжное приветствие Марины,- явился, не запыхавшись. Мог вообще не появляться. Можешь идти обратно к той, от которой пришел...

- Ну вот, сейчас начнется,- подумал Сергей,- по полной программе.

Марина и вправду завелась на всю катушку.

Слышно было, как другой женский голос то и дело ее останавливал.

- Марина, прекрати сейчас же! Что ты себе позволяешь,- поддерживал он Сергея.

Сергей уже возился с Олегом и пытался не воспринимать ругательств в свой адрес, хотя полностью от носившегося возле ушей шума избавиться не удавалось.

Вера Васильевна встретила Сергея любезно, приветливо улыбаясь и подмигнув одним глазом в знак полной солидарности и понимания.

- Здравствуйте, мама,- с такой же приветливой улыбочкой поздоровался с ней Сергей,- мама, выручайте, не то она меня заест живьем.

- Ничего, не заест. Не бойся, я здесь.

- Чего ей от меня надо? Да, согласен, я виноват, что задержался, но она даже не интересуется, что со мною стряслось.

- С тобой и с этой Жанной, - добавила Марина, выходя ему навстречу, - и надо было так ловко придумать. Пошел, видите ли, с ребятами за грибами.

- Господи, откуда она знает ее имя?- изумился Сергей.

- Да ладно, хватит тебе, успокойся,- утешала ее мать.

Заметив, что она обувается в прихожей, спросила:

- Ты куда это собралась?

- На речку,- бросила гневно Марина,- к грибам идет живая свежая рыбка.

- На какую это еще речку? Зачем?- поинтересовалась Вера Васильевна.

- Хахаля себе подловить.

Сергей приподнялся было с кресла, хотел было подойти и остановить ее, но Вера Васильевна взглядом и поднятою ладонью остановила его.

- Ладно,- произнесла она с олимпийским спокойствием,- пусть уходит. Максимум, куда она может пойти, так это к Светке, нашей соседке с пятого этажа. Поточит лясы, почешет языком - успокоится и вернется.

- Кто ее так накрутил?- поинтересовался Сергей.

Дверь в прихожей хлопнула.

- Мама, мама,- кинулся вслед ей Олежка.

- Иди сейчас же ко мне, слышишь, Олежка! Мама пошла к тете Свете, возьмет у нее кое-что и вернется.

- Анка звонила несколько раз, интересовалась, вернулся ты или нет. Говорила, что она и ребята очень волнуются. Видимо, она и накрутила,- поясняла Вера Васильевна.

- Я хочу маму! Мамочка, мама!- раздался горький плач Олега.

- Олежек, иди ко мне,- Вера Васильевна вернулась с внуком и с его школьным портфелем в руках. Давай сразу покажем папе, с чем мы пойдем в школу первого сентября.

Бабушка достала одну за другой школьные принадлежности будущего нулевоклассника, напоминая ему, что из себя представляет каждое из них.

- Лучше бы не бросали они нас одних в незнакомой местности, тогда и лясы точить не пришлось бы,- нервничал Сергей.

- Они говорили, что вы разделились на пары и пошли собирать грибы каждый в своем направлении, а в назначенное время нужно было собраться в назначенном месте. Но раз уж вы с этой, как ее там, Жанной, очень уж задержались, не стали вас дожидаться, дескать не маленькие, сами найдут дорогу домой. Видимо, и мешать вам не хотели,- усмехнулась Вера Васильевна.

- Мешать? Полноте вам, мама! Как мешать? Красивее Марины девушки я отродясь не видал, и на кого мне ее менять-на эту уродину?- возражал возмущенно Сергей. Правда, от последнего его слова сердце сильно кольнуло. Он корил себя за него, но сказанного назад не вернешь, да и события разворачивались в совсем ином направлении.

- Успокойся, успокойся, сынок,- улыбалась Вера Васильевна,- я более чем уверена, что между тобой и Жанной не было ничего.

- Вот вам крест, мама!- перекрестился Сергей и убеждая себя, что легкие поцелуйчики, каких у него в жизни было предостаточно, не в счет.

- Просто, знаешь, в таких ситуациях многие женщины не выдерживают и срываются, кто внешне, кто внутренне, и ты должен радоваться такой ее реакции - это признак любви к тебе.

- Ничего себе, любовь без взаимопонимания,- не соглашался Сергей.

Олег больше не плакал, переключал содержимое своей сумки, разглядывал и то и дело переспрашивал бабушку о назначении каждой вещички.

Сергей и Вера Васильевна долго еще беседовали, убеждаясь в полном взаимопонимании.

- Удивительные создания эти женщины,- восхищался про себя ею Сергей.

Он подавлял также себя на мысли, что судьба словно заигрывает с ним, частенько подбрасывая и подсовывая для глаз и ума красивых, умных и не понимающих его женщин, а для души - некрасивых, менее умных, но задушевных. Поэтому ему часто приходилось шарахаться из стороны в сторону между женщинами разного характера, склада ума и мировоззрения. Условно он подразделял их на разные типы и категории и считал, что каждого мужчину должны окружать одновременно несколько женщин или даже жен. Одна нужна только для дел по работе и вокруг работы, вторая для кухни, третья- и только она одна, и более никого - для любви и постели, четвертая, чтоб возить его на автомашине на работу и по разным делам, пятая - сидеть за компьютером, шестая вести домашние дела, седьмая в тещи, восьмая в личные лечащие врачи, девятая - Жанна, подумал он почему-то,-да, но для чего? Ах, да чтобы ходить с ней в походы и беседовать на разные философские темы, в том числе и о полетах в космос, на луну и т.д.

- Сергей, ступай прими ванну, умойся как следует, расслабься и успокойся, я уже там все приготовила тебе,- перебила его мысли Вера Васильевна.

- Спасибо вам, мама,- поблагодарил Сергей, подошел к ней, поцеловал ее в щечку, потом чуть замешкался и все же решился - обнял и прижал ее к сердцу. Слезы слетели с его глаз:-я люблю вас, мама. Правильно поймите меня, но порою мне кажется, что вы мне жена, а она теща.

- Ха-ха-ха!- рассмеялась Вера Васильевна,- я тоже люблю тебя, Сережка, как сына, а не как зятя,- и похлопала его рукой по спине.

- Я всем своим друзьям и знакомым говорю, что у меня мировая теща, и такой тещи, как у меня, в мире нет ни у кого.

Сергей и его теща стояли друг перед другом, плакали, целовались и признавались в любви.

- Поглядите-ка на них, что они вытворяют!-недоумевала вернувшаяся от соседки Марина.- Прямо как два недоумка!

Пара, заметив вернувшуюся Марину, решила взвинтить темп и прибавить своим чувствам накала.

- Зачем она вообще нам нужна? Нам и без нее хорошо!- восклицали они в один голос и делали вид, что не замечают пришедшей.

- Мама, посмотрите,- продолжал прослезившийся Сергей, доставая из пиджака свой бумажник,- видите, я ношу вашу фотографию в кармане.

Вере Васильевне вправду казалось, что она скорей мать Сергея, чем Марины.

- Да, да, сынок мой любимый, представляешь? - приговаривала она, разглядывая групповую фотографию.- Как дивно мы все здесь получились.

Марина посматривала со стороны, держа руки на пояснице, недоумевающая, и носком выдвинутой чуть вперед правой ноги постукивая по паркетному полу, словно поддерживая общий накал.

- Сам виноват,- обвиняла его Вера Васильевна,- ведь ты прекрасно знал ее до женитьбы... знал, что она "скорпион".

- Да, мама, но вы же прекрасно знаете, что я женился на ней только из большой любви к вам,- продолжал спектакль Сергей.

- Мама,- вскрикнула не выдержавшая Марина,- да вы все тут с ума посходили!

- Мама, мама, я тоже?- интересовался маленький Олежка, потягивая мать за подол.

- Ах, так, да?!- окончательно рассвирепела Марина, с кулаками налетела на Сергея, забарабанила было его по голове, меж тем как сильные мужские руки ухватили слабые женские, ограничив и сковав их движения.

Завязалась самая настоящая рукопашная.

- Мама, вызывай скорее врача,- призвал Сергей, подмигивая своей теще,- она опять сорвалась.

- Ага, поняла,- кивнула Вера Васильевна,- уже иду,- и, оторвав внука, вцепившегося в Сергея и ударявшего его кулаками со словами: "Оставь маму в покое, когда я вырасту, я убью тебя",- двинулась за руку с ним прочь из комнаты.

Доносившийся из-за двери шум падающих и бьющихся предметов вскоре сменился хрустом рвущейся ткани и последовавшими за этим умиленными словами Марины:

- Нет, прошу тебя, не надо. Только не сейчас! Они там за дверью.

Марина лежала на диване в полуразорванном платье.

Сергей пристально вглядывался в нее.

- Она и вправду очень красива,- подумал он.

- Ай, - раздался слабый Маринин вскрик,- погоди!.

Крик лишний раз напомнил Сергею, почему он любит ее, как никто никого и никогда.

Вера Васильевна довольная выходила в соседнюю комнату, ведя за руку своего внука.

- Один только укротитель и знает, как укрощать своего льва,- думала она,- слава Богу, теперь хоть помирятся.

Спустя некоторое время Марина плескалась в ванне, приготовленной тещей для Сергея.

- Мама, скажи ей что-нибудь, она отнимает у меня очередь на купание,- жаловался Сергей.

- Ничего,- отвечала Марина,- перебьешься! В конце концов я важнее тебя.

Ночью, перед сном, Марина вытянула из Сергея все до мельчайших подробностей о его времяпрепровождении с Жанной.

- У тебя с ней правда не было ничего?

- Ты что, с ума сошла? По-твоему я променяю тебя на другую? Тем более на такую уродину?

В сердце кольнуло во второй раз. Он предал свое чувство к Жанне, отчего ему стало не по себе. Правда, он пытался оправдать себя тем, что так было нужно, чтобы успокоить Марину, но осадок оседал глубоко в душе и в мозгу.

- Что с тобой?-что-то заподозрила Марина.

- Ничего, ничего,- убеждал ее Сергей,- просто за эти дни я очень устал.

- Ладно, приведу сейчас тебя в порядок.

- Ой, Марина, кончай.

- Ты спокойно лежи, я сделаю все сама.

Все шло точно так, как снилось ему вчера ночью. Только гораздо хуже. Он четко улавливал разницу даже в малейших нюансах.

Утро следующего дня выдалось солнечным, и Сергей поднялся с постели в превосходном расположении духа.

- Любимая,- произнес он, вставая и целуя свою спящую красавицу между глазом и ухом.

Вскоре он уже выходил на работу, торопясь, не позавтракав, с мыслью о том, как будет "обрабатывать" ребят за их выходку.

За утренним завтраком Олежка сдавал экзамен по самостоятельному питанию.

- Бабулуся, ты слышала, что говорят в школе?-предупреждающим тоном выговорила Марина.

- Нет, а что там говорят?- изобразила любопытство Вера Васильевна.

- Говорят, кто не умеет самостоятельно есть, того не примут.

- Правда?

Олежка усердно старался понравиться взрослым.

- Ты ему уже сказала об этом?-спросила Вера Васильевна.

- Еще нет,- призадумалась Марина.- Может быть, и вообще не скажу.

- Почему, доченька? Ребенок ваш и принадлежит вам обоим. Он должен знать.

- Мама, я же просила не вмешиваться в наши дела. Ему вовсе не обязательно знать об этом.

- Не делай этого, доченька!

- Мама, ты думаешь, мне легко было решиться на этот шаг?

- Пойми, доченька, у мужчины должен быть свой ребенок.

- Он у него есть.

- Да, есть, но ему нужен и свой. И, кроме того, этим ребенком ты привяжешь его к себе.

- Они его тоже хорошо ко мне привязывают,- Марина посмотрела на свои ноги.

- Почему ты меня не слушаешь? Тебе скоро тридцать, ему уже за сорок. Когда же вы еще успеете что-нибудь?

- Когда-нибудь, мама, когда-нибудь, но только не сейчас. Я больше мужикам не доверяю, Славка тоже мне клялся во многом, чего только мне не сулил, а сам бросил нас, и мы ему не нужны, ни я, ни его ребенок. В нашу сторону даже не смотрит. Ждет, наверное, когда я попрошу у него алименты.

- Не делай этого, я прошу тебя.

- Сейчас не время, мама, видишь же, как нам сейчас туго, еле-еле сводим концы с концами.

- Ничего, как-нибудь продержимся, Бог поможет.

- Ладно, мама, ладно. Идите с Олежкой в парк.

В парке бабушка получала от аттракционов не меньше удовольствия, чем ее внук.

Марина, задумавшись, шла туда, куда ее не хотели вести ноги.

- Если я сейчас не сделаю этого, будет поздно,- думала она,- когда-нибудь...но только не сейчас.

У нее еще оставалось несколько времени на раздумья. Она вспоминала свое прошлое, настоящее и пыталась проникнуть в будущее.

Чертово колесо бесперебойно крутилось в парке и жизни, играло с людьми, доставляло им то огромную радость, то огорчение и разочарование. С разной скоростью поднимало и опускало роскошные, подвешанные и крутящиеся корзины, словно приговаривая и объясняясь с кем-то. Я не

виновата, они сами пришли ко мне, и я вольна делать с ними все, что мне заблагорассудится.

В доме для престарелых сохранялся строгий порядок дня. За завтраком следовал обход медперсонала и ознакомление с общим состоянием его жильцов.

Работа велась с каждым пациентом по индивидуальной программе. В полдень, после обеда, наступали часы отдыха. Потом, с разрешения врачей, спортивные и развлекательные мероприятия. После ужина просмотр фильмов, танцы, музыкальные вечера, а то и поэтические, исторические, философские и другие собрания.

Ко сну отходили к десяти часам вечера. Отдельным постояльцам разрешалось перед сном чтение книг.

- Серж, ну будешь ты наконец ходить или нет. Думаешь столько, будто играешь на чемпионате мира!- возмутился соперник.

- Сергей, да ладно тебе, ходи! Ходи, конем, и все тут,- предлагал другой голос.

- Ходи, Керес, ходи!- подбадривал третий.

- Слышали новость? К нам поступило новое пополнение из мединститута, будут здесь проходить ординатуру,- объявил кто-то серьезным тоном.

От соседнего стола доносились громкие возгласы и стук костяшек домино. С дальних столов покатывание костей, побивание фишек и веселые голоса играющих в нарды.

- Здравствуйте, ребята,- подбадривающе поздоровалась заместитель главного врача Зоя Михайловна,- как делишки? Проблем нет?

- Есть, Зоя Михайловна, выпивку к столу не подают!- дружно пожаловались сидящие за игральными столами.

- О-о,- протянула Зоя Михайловна,- ну, это только к празднику.

- Таризэл, садись, доиграй за меня,- попросил Сергей,- пойду отдохнуть, что-то мне нездоровится. Только смотри - не проигрывать.

- Серж, может, пойти с тобой?-спросил голос рядом.

- Нет, не надо, как-нибудь сам,- едва слышно пробормотал Сергей.

С трудом он приподнялся со своего места и понурившись побрел по коридору. Что-то внутри мутило и крутило.

Трое девушек в белых халатах с легкостью догнали и обогнали Сергея. Они весело переговаривались и негромко смеялись.

- Какие у них ласковые и мягкие голоса,- подумал Сергей, поглядывая вслед.

- Анна,- услышал Сергей за спиной голос Зои Михайловны.

Одна из трех девушек обернулась. Сергей с трудом поднял голову и посмотрел ей в лицо. На мгновение бросила взгляд на него и она. Сергея словно ударило молнией. Нижняя челюсть обвисла. Перед ним стояла молодая Жанна. Он пристально, не отрываясь, смотрел на нее.

- Слушаю, Зоя Михайловна,- удивилась она неотрывному взгляду.

- Аннушка, зайди потом ко мне, надо поговорить.

- Хорошо, Зоя Михайловна,- перевела Анна глаза опять на Сергея.

Тот все еще стоял в полном оцепенении и изнеможении.

- Жанна,- жалобно лепетал он, словно дожидаясь ответа.

- Меня зовут Анна, а не Жанна,- извиняющимся тоном поправила его девушка.

- Анна, ну что ты? Чего засмотрелась?- донесся к ней зов подруг.

- Не может быть,- поражался Сергей.

- Простите, пожалуйста, я пойду,- извиняющимся тоном произнесла она и поспешила вперед к своим подружкам.

- Боже, как она похожа,- продолжал удивляться Сергей,- а что, если это дочь? Интересно, сколько ей лет?- Вопросы атаковали Сергея, сдавливая его сердце. Последнее, что он почувствовал, это то, как его качнуло и он потерял сознание.

- Что с вами, Сергей Владимирович, вам плохо?- слышался голос Зои Михайловны.

Сергей медленно открывал глаза, долго не мог прийти в себя, понять, где он находился.

-Сергей Владимирович, что это вы надумали и зачем вы нас пугаете?- жаловалась Зоя Михайловна.- Теперь Вам лучше?

Сергей в знак одобрения медленно закрыл оба глаза и так же медленно снова их приоткрыл. Зоя Михайловна распорядилась отвести его в комнату и установить наблюдение.

- Что это с вами, Сергей Владимирович, по молодым девчатам соскучились? Аннушка вам понравилась? Завтра же познакомлю вас с ней, только скорей выздоравливайте.

Сергей почти всю ночь провел в раздумьях и ожидании завтрашней встречи.

Наутро Зоя Михайловна предостерегала Анну:

- Будь с ним поласковой, Анна. Он перенес много тяжелого.

- Хорошо, Зоя Михайловна,- соглашалась с ней Анна.

Утреннее сияющее солнце ярким светом освещало палату, в которой жили Сергей и двое его напарников.

Он пристально вглядывался во входную дверь, за которой стояла Анна. Смотрел на нее и вспоминал, как в день похода, вернувшись к Жанне, застал ее такой же красивой, нагой, белой и освещенной ярким светом.

Анна стояла, широко улыбалась, поправляла на переносице очки, расправляла халат и уже шла к койке Сергея.

- Ну, как вы себя чувствуете сегодня, Сергей Владимирович?

Сергей улыбнулся ей мягкой доброй улыбкой:

- Спасибо, доченька!

- Ну, теперь познакомимся капитально,- продолжала улыбаться Анна, протягивая ему руку.

Сергей нежно пожал ее. И его опять словно ударило током.

- Сергей Владимирович, вы смущаете меня. Обо мне уже все здесь поговаривают...будто я шокировала вас и из-за меня с вами случился обморок.

Сергей вновь улыбнулся в ответ ей.

- В моем пошатнувшемся здоровье твоей вины, доченька, нет,-пояснил он.

- Вот и хорошо! Но своим обмороком вы прикрепили меня к себе. Теперь я ваш лечащий врач. Будем понемногу знакомиться. У нас еще будет для этого время. Вы должны рассказать мне о всех ваших проблемах и наболевших вопросах.

- Времени не так уж и много,- подумалось почему-то Сергею.

- Сколько, Анна, тебе лет?-спросил он едва слышно.

- Скоро тридцать,- улыбаясь ответила Анна.

- Ты замужем?

- Пока еще нет, но вот уже, думаю,скоро.

- Родители у тебя есть?

Этот вопрос резко изменил ее настроение. Она сникла и понурилась.

- Нет,-печально произнесла она,- я детдомовская. Отца не знаю, а мать погибла при родах. Первые роды в немолодом возрасте погубили ее.

- Как ее звали, не помнишь?

- Нет, к сожалению. Росла я в детдоме, сама становилась на ноги, добрые люди помогли окончить медвуз. А теперь, как видите, сижу рядом с вами. Наша группа экспериментальная, она разработала новый метод лечения, преследующий цель не только лечения какой-то конкретной болезни, а больного в целом. Короче говоря, лечение не болезни, а именно больного. Плюс к этому мы пытаемся подключить к нашей методике систему выдавливания из сознания и сердца пациента всех негативных, неприятных и болезненных ощущений, которые человек испытывал в своей жизни.

Анна детально вдавалась в подробности новой методики.

Сергей слушал очень внимательно, но ничего не слышал, больше приглядывался к ней, пытаясь поймать моменты поведения, объединяющие ее с Жанной. Он все более поражался их сходству.

Дружба и совместная работа продолжалась еще чуть более полугода.

Новогодние приготовления шли полным ходом. Сергей Владимирович стоял возле окна актового зала и смотрел, как украшали елку. В зале было многолюдно, почти все, кому позволяло здоровье, и медперсонал, были заняты праздничными хлопотами.

- Сергей Владимирович, вам письмо,- протянула ему конверт Анна.

Он с молчаливой улыбкой принял его. Постоял еще немного у окна, читая поздравление и крохотное письмецо. Анна молча наблюдала за ним. Она видела, как под конец письма он прослезился, отер слезу. Потом медленно опустил конверт с письмом и открыткой в карман пиджака и уныло направился в сторону своей комнаты.

Анна долго не решалась войти к нему, чтоб не нарушать его уединения, но решилась-таки, вошла. Он лежал навзничь, рука свисала с кровати, рядом валялось письмо.

В испуге она подбежала к постели. Он был едва жив.

- Нет, дядя Сергей, не надо! Нет!- кричала она, нажимая на кнопку экстренного вызова.

Сергей едва слышал ее голос. Он успел уловить, как Анна впервые назвала его.

- Нет, дядя Сережа, не умирайте, не надо, только не сейчас,- истерично молила она сквозь слезы в испуге, все еще нажимая на красную кнопку экстренной помощи.

В ужасе, решив никого не дожидаться, она сама приняла экстренные меры по спасению.

- Никого мне не надо,- продолжала она сквозь слезы,- я сама прекрасно все сделаю. Тебе ничего делать не надо.

Сергей Владимирович едва заметно улыбнулся, уловив знакомые интонации.

Анна пыталась губами определить его температуру. Она гладила нежными руками его лицо, лоб, глаза, щеки, рот. Разрезала ножницами свитер, резкими движениями обеих рук оторвала пуговицы сорочки, майку, оголила грудь, смочила тряпку водой из графина, приложила, обеими ладонями рук резко сжала и отпустила сердечную мышцу, потом еще вновь и вновь, несколько раз подряд. Попыталась сделать искусственное дыхание, кричала, рыдала, молилась, в изнеможении извивалась над ним.

Сергей Владимирович был уже в трансе, не видел ее, но всей душой и телом не сомневался, с большой уверенностью опытного человека убеждался, что его ласкает не кто иная, как Жанна, к его губам прикладываются ее губы, возле него бьется ее сердце, пытаюсь удержать его на этом свете, но тут послышался ее голос и с другой, противоположной стороны, уже из другого мира. Последними мыслью и ощущением его было,

будто он снова, уже в который раз в жизни оказался между двумя любящими его женщинами. Он с любопытством наблюдал за поединком, за тем, кто кого перетянет и победит, молодая сильная Анна или больная, только что прооперированная Жанна.

- Кто же победит на сей раз, сила, знание или любовь?

- Жанна была права. В жизни все столь же просто, сколько и сложно...родиться, жить и ...

Борьба за жизнь все еще продолжалась.

- Стоит ли уходить, стоит ли оставаться? Вот в чем вопрос?

В комнате у Зои Михайловны, заместитель главврача настоятельно требовала прочесть содержимое конверта.

- В конце концов мы обязаны знать причину того, что послужило толчком к его переживаниям,- поясняла Зоя Михайловна.

Анна после недолгого сопротивления сдалась.

Письмо направлялось из N-ой части военно-морского флота (ВМФ), подписывалось неким Олегом Вячеславовичем. После новогоднего поздравления шла просьба простить поступок его матери, которая в свое время с известным композитором ушла от него и переехала в другой город, сообщение о том, что офицерская служба отправителя заканчивается через два-три года, и тогда он непременно приедет, навестит его и даже, если он согласится, заберет его жить с собой и со своей молодой женой.

- А кто такой Олег Вячеславович?- поинтересовалась Анна.

- Кажется, сын его бывшей жены,- пояснила Зоя Михайловна.

- Получается, что он во всем и виноват.

- Кто его знает, кто его знает!

На одном из кораблей ВМФ из рупора послышалась команда всем занять свои места.

- Полный вперед!

Военный корабль отплывал из порта на выполнение очередного боевого задания. Группа чаек провожала военных моряков в дальнейшее плавание.

На сегодня синоптики объявляли ветренную холодную и штормовую погоду и чайки вряд ли могли проводить военных моряков далеко в море.

08.1989.

БЕГЛЯНКА

Ослепительная белизна ее стройных и длинных ножек потрясала обращенные к ней взоры прохожих. Нежность и грациозность походки очаровывала всех, кто хоть чуточку разбирался в девичьей красоте. Гармоничность фигуры выразительно дополнялась несколько исхудалыми, узкими бедрами. Она не шла, а плыла. Маленькое личико почти не двигалось. Лишь глаза вдумчиво устремлялись вдаль, будто в небытие, запредельность, прозревая невидимое. Небольшие нос и рот подчеркивали их загадочность и таинственность. Божественная!

По улице разносилась мелодия: "Ах, какая женщина, какая женщина, мне бы такую".

- Боже мой, догнать бы ее, взять на руки, обнять что есть сил.

- Оставь! Будто не знаешь, что такие кусаются!

- Да ты посмотри! Это же само божество! Прости, но я все же пойду за ней.

- Перестань!

- Бегу. Видишь, уходит. Вечером позвоню.

- Но ведь она не твоя!

- Ну, так я узнаю, чья!

Она очень быстро обнаружила преследователя, решила тотчас же оторваться и резко завернула за угол. Тщетно. Уйти не удавалось, даже спасаясь бегством. Его очарованность оказалась быстрее ее нежных ног. Она добежала до недавно окрашенной в светло-голубое ограды, почти взлетела

на нее, чуть помедлила, примериваясь, и, удержавшись, спрыгнула на другую сторону.

- Ах, какая досада!- воскликнул преследователь. Он безуспешно толкался в деревянную стену, и проклинал свою "везучесть". Потеряв надежду хотя бы увидеть еще раз беглянку, понурившись, побрел вдоль ограды. Судьба, сжалившись над ним, сочувственно выбила в бресе неровную форточку.

Из мусорного бака в него пристально вглядывались уже знакомые глазки беглянки. Убедившись в своей безопасности, она самодовольно и неторопливо прибежала к извечному "мяу, мяу".

- Какая она все же породистая!- досадовал преследователь. Вот бы ее изловить и унести домой. Но ведь если сделать это насильно, то может и впрямь исцарапать. Или хотя бы котеночка ее достать. Говорят, кошки хорошо снимают давление, а у матери оно бывает порой такое высокое! Впрочем, и ее придется, наверно, уговаривать. И чего это я затеял?!

- Ачико, это ты?-спросила мать, услышав, как хлопнула входная дверь.

- Да, мама, я!

- Где ты, сынок, до сих пор? Сколько можно тебя ждать?!

- Никто не приходил, ма, или, может, звонил кто?

- Нет, родненький, нет, садись кушать, я уж тебя не дождалась.

Арчил сидел у окна и вдумчиво вглядывался с высоты шестого этажа в небольшой двор перед его крупнопанельным домом. Вокруг, рядом, напротив жались и высились современные жилые восьмиэтажки.

- Лучше ужасный конец, чем ужас без конца,- перебирал Арчил в уме всевозможные варианты продолжения своей трудовой деятельности.

Новый шеф послал запрос и добился согласия на перевод Арчила на его старую работу, а сам укатил в продолжительную командировку в один из

европейских городов на международный симпозиум. На старой работе, получив эту информацию, подсуетились, захлопотали в надежде оставить Арчила у себя насовсем и стали всячески хлопотать по этому, хотя официально добро на его перевод было отдано.

И вот уже порядком давно Арчил пребывал без официальной работы, хотя посещал обе работы, порой даже в один день.

С последней работы Арчил не прихватывал с собой даже листочка, оставлял там все отчеты, расчеты, статьи, выходящие из его рук, а на прежней у него не было даже стола.

- Новая трудовая жизнь начнется с новых листочков,- думал он, смакуя момент, когда совсем распрощается с недалеким прошлым, почти еще настоящим. Хоть расставание виделось почти болезненным, потому что он любил свой коллектив и даже замечал ответную симпатию к себе.

- Не клеится здесь работа, и все! За окном новые времена, пожалуй, нужно примериться к ним и вписаться,- убеждал он себя, все идет своим чередом и в общем к лучшему.

Но и, конечно же, последнюю точку в решении поставила Кетино. Он не мог постичь тайны ее окончательного "нет" и терялся в догадках.

- Что это было?-недоумевал он,- И чего она вдруг отвернулась от меня?

Рано или поздно это должно было произойти. В один прекрасный момент равенство тождеств нарушилось, и он сделал шаг, увы, в неправильном направлении, перешел за черту, после которой начинался внутренний мир.

За красочностью ее внутреннего мира, открывшегося его взору, он даже не услышал и не заметил, как за ним хлопнулась дверь. Да, войти в этот мир было куда проще, чем выйти из его многочисленных лабиринтов, хотя в

общем туда и не очень-то настоятельно приглашали и проникнуть удалось с немалым трудом и мытарствами.

Стоило ли, однако, забираться в красочный лабиринт, чтобы потом заблудиться в нем и погибнуть от изнеможения? Стоило ли ради него терять себя и приобщаться к неизвестному, загадочному, не прогнозируемому?

Ему крупно, как он считал, повезло, он попал на удачный круг и под конец вышел к той же черте, откуда и исходил, начинал свой путь. Сработала внутренняя система сигнализации и самозащиты, сама же изгнавшая инородное тело прямо через входную дверь. Конечно, кое-что в этой системе ему удалось уловить, разобраться, далеко не все ему одинаково пришлось по душе, но в целом, признался он себе, в нутре японской техники и внутреннем мире женщины копошиться - пусть даже разгуливать экскурсантом по самым привлекательным их достопримечательностям - занятие малопривлекательное, и небезопасное.

Ему приходилось сталкиваться с такими закрытыми внутренними системами японской техники, облитыми гипсовой оболочкой, что при нарушении целостности сей оболочки система рассыпалась на мелкие винтики и детали с невозможностью их повторного сбора.

- Вот молодцы японцы! Докумекали же хранить тайну своих конструкций,- восхищался Арчил.- Так во всяком случае гораздо честнее, чем поступать, как некое дикое растение, заманивающее насекомых в прелестную глубь своих чудных душистых цветов, а потом сжимающего лепестки и без труда умерщвляющего под ними несчастную, потерявшую чувство опасности жертву.

- Да, но как случилось, что меня система не проглотила, а выплюнула обратно, -недоумевал он,- а потом и совсем отвернулась от меня, отказалась. Зачем в таком случае она впускала меня в себя?

- Возможно, с твоей помощью она омылась, очистилась,- подсказывал ему свою версию внутренний голос,- быть может вместе с тобой отринула, выплюнула все ненужное, лишнее, нежелательное, что таилось в ней и от чего ей хотелось избавиться?

- Да, но почему именно я?- интересовался Арчил.

- Ты этого никогда не узнаешь,- отзывался внутренний голос,- просто она приглядывалась, искала и напоследок решила выбрать тебя.

- Выходит, что я ее избранник?!

- В некотором роде, но всего лишь для этого дела.

- Понятно,- вроде бы заключил Арчил.

- Пожалуй, нет,-продолжил свои умозаключения внутренний голос,- скорее всего она хотела предстать во всей своей красе, а потом, заметив, что нравится, тотчас же это усекла, система сработала и выплюнула меня. Не слопала, не оставила внутри себя, а именно выплюнула, чтоб не спугнуть следующего назревающего.

- Что же в таком случае ее питает?- задумался было Арчил, но в мозгу тотчас прояснилось,- а, ... , а,-протянул он, понятно!- Система питается энергией посетителей. Вот вам ширма. То-то я чувствую себя после этого уставшим и будто помятым.

Какой все же вздор ломать себе голову в попытках угадать замысел в поведении женщин. Порой они и сами не знают, а случается, забывают, почему в той или иной ситуации поступили именно так. А насчет будущего - не о чем и говорить. Здесь они руководствуются предположением Кафки и думают одно, говорят другое, а делают третье.

- Господи,- отряхнулся Арчил от набегающих мыслей.- Прямо голова разболелась!

Он все еще поглядывал в окно, наблюдая за тем, как мальчишки играют в футбол.

Высокие старые тополя мягко помахивали верхушками, едва шелестя зеленой листвою.

Недавно слетевшиеся в город стрижи кружили по небу большими кругами с наводящим на людей ужас криком, писком и воплем.

- Прямо истеричные летающие коровы,- заключил Арчил,- а не нежные ласточки. Шкуры летающие и продажные! Как у нас трудности, холод, зима, проблемы, так они и знать тебя не хотят и, не спрашивая никого, всякий год в назначенный час, срываются и улетают в теплые страны, не то, что преданные воробьи.

Мечутся, как угорелые, по небесному своду. Что ими движет? Неужели только то, что и людей по жизни- голод! Но не только, еще и жажда наживы? Будто на свете нет птиц, кроме них. К чему такая истеричность, ажиотаж, когда можно все тоже делать спокойно и без лишнего шума?

Под крышей верхнего, технического этажа восьмизэтажки напротив, между верхней и нижней панелями чердака темнел небольшой паз, ниша, в которую с жуткой скоростью влетал и вылетал все один и тот же полоумный стриж.

- Вот, безмозглый дурак,- негодовал Арчил,- головой об стенку ударится и поди потом, поминай, как звали!

После одного из неудачных вылетов из ниши птица замешкалась, скользнула вниз, чтоб разогнаться для взлета, попала ногой в проволочную петлю и, почувяв, что угодила в ловушку, подняла панический вопль, визг и писк на всю округу.

- Вот дура, мать твою,- не сдержался Арчил,- чего тебе там было надо, получше местечка не могла подыскать!

Птица трепыхалась бесперебойно, неустанно пищала, пыталась высвободить ногу, застрявшую в западне.

Со всех сторон слетелись пичуги. Первыми были воробьи. Они садились близ жертвы, на вертикальные провода, с этажей сбегаящие на крышу, с любопытством посматривали на страдальцу, пытались хоть чем-то помочь, ничего не могли поделать, отлетали в сторону, потом подлетали снова, попрыгивали на месте, опять отлетали, и так по несколько раз.

Из других птиц явились голуби, уселись на плоскую крышу дома, кое-какие даже на выступ межэтажного перекрытия. Подлетели также дрозды и другая мелочь, но, увы, оказывались в роли лишь наблюдателей и, в сущности, ничем жертве не помогли.

- Бедняжка, ей уже не выкрутиться,- вздыхала стоящая рядом с Арчилом мать, наблюдая за случившимся.

- Но как и чем ей все же можно помочь?- интересовался Арчил.

- Теперь уже ничем,- убежденно отзывалась ему мать.

- Еще нет,- упрямылся Арчил.

Тщетные усилия и попытки Арчила и соседей с последнего этажа дома напротив оказались безрезультатными. К несчастью для бедняги, уже в бессилии висевшей головой вниз на пострадавшей ноге, ближайший оконный проем был заложен кирпичной кладкой еще задолго до случившегося, так что близко к жертве никак нельзя было подступиться. Испробовали метод, которым Арчил руководил из своего окна, направляя действия соседки из дома напротив, которая сперва шваброй, а потом неким причудливым орудием из связанных швабры, палки и проволоки пыталась то подцепить бедолагу проволокой, то посадить ее, приподнять и тем временем высвободить ножку из плена. На это ушел весь оставшийся день и вечер, пока не смерклось, но попытки не принесли ни малейшего результата.

Птица чувствовала, что ей стараются пособить. Всякий раз, когда ее концом палки приподнимали вверх, она с оглушительным писком упиралась свободной ногой в край панели, подолгу удерживалась в такой позиции, а когда палку убирали, вновь повисала вниз головою.

- Жалко птичку, да еще и всю ночь от нее не будет покоя,- предполагал и сокрушался Арчил.

Последнюю попытку сделал он сам, обежав жильцов нижних этажей обоих домов. Одна из соседок заявила, что не пустит своего, что и говорить, ловкого и проворного мужа на крышу, потому что, хоть стрижа очень жаль, но муж ей дороже.

Стар и млад, в знак бессилия, разводили руками.

- Господи,-взмолился в душе Арчил,- не дай ей погибнуть, ведь и она твое создание.

В конце концов все смирились с неизбежным, и птицы, и люди, и разошлись по домам.

Всю ночь напролет несчастная жертва провисела на ножке вниз головой, не издав при этом ни звука.

И всю ночь Арчилу мешала спать нагноившаяся ранка на пальце левой ноги, пульсировала, ныла и нарывала.

-Не дай Бог, чтоб пришлось идти к хирургу,- с ужасом думал Арчил, - а потом еще на лазер для высушки гноя.

Такую процедуру он недавно прошел в новой коммерческой поликлинике и ощущения от миниоперации еще были свежи и живы. Помнилось, и во что это ему обошлось.

- Нет, только бы не сейчас! Сейчас это невозможно,- отмахивался Арчил,- сейчас нет ни физических сил, ни финансовых возможностей. Но положение могло усугубиться в любое время.

Наутро Арчил встал расстроенный и мрачный.

- Наверно, уже того,- подумал он о стриже.

Обходил комнату, в которой спала его мать и окна которой глядели на давешнюю удручающую картину.

- Знаешь,- обрадовала его мать,- а твоя ласточка еще жива!

Сердце Арчила екнуло от счастья. Он подбежал к окну и выглянул. Бедняжка вцепилась здоровой ножкой в край плиты перекрытия, сидела головкой вверх, как ни в чем не бывало, и засматривалась на вожденное небо, где её сородичи радостно гомоня, с наслаждением носились под безоблачным ясным куполом.

Все внутри его взметнулось и перевернулось.

- Не будь я мужчиной...- бросился он из комнаты, ускоряя действия, предшествующие выходу из дома.

- Куда ты так рано?- с тревогой бросила ему вдогонку мать, - хоть бы позавтракал!

- Спасибо, ма,- хлопнул за собой дверью Арчил,- сбереги завтрак к обеду.

Прихрамывая, он вышел на трассу подловить маршрутное такси. Взглянул с улыбкой на небо.

- Согласен обменять здоровье своей на освобождение ее ноги.

Уточнив про себя маршрут следования и место назначения, дождался нужного номера.

В одном из районных отделений пожарной охраны было немногочисленно. Пожарные, веселые, здоровые молодые ребята, разбрелись по территории ПО. Кто мыл единственную стоящую в гараже машину, ЗИЛ красного цвета, кто слонялся в диспетчерской, кто забивал козла.

Завидев постороннего человека, поинтересовались им, опережая встречными вопросами.

Арчил предпочел говорить с главарем "красной" бригады, определив его с виду сразу же, прежде, нежели он представился и сообщил, что начальника и его зама на месте нет.

- Они по утрам чуток задерживаются,- пояснил он собеседнику.

- Шалва, выручай, брат! Есть одно дело,- пояснил в свою очередь собеседник.

Шалва внимательно выслушал Арчила и, поразмыслив, пресек всякую надежду на выполнение просьбы.

- Арчил, пойми, после того, как объединили несколько районов, наш остался с одной машиной. Лестница у нее достает лишь до пятого этажа, а вода тебе не нужна! Нужны штурмовики со спецпоясом и хорошая, длинная, прочная веревка. Штурмовиков мы, пожалуй, найдем у себя, а вот веревки нет.

- Веревку я вам, во-первых, куплю,-пообещал Арчил,- а во-вторых, вон откуда ее временно можно снять. Со шлагбаума, у входа.

- Да ты что, сдурел? Такая тонкая! Там нужна специальная, прочная и толстенная.

- Может, подождать и переговорить с начальством?

- Какой смысл? Скажут тебе то же самое,- усомнился пожарный.

Арчил огорчился.

- Ну, вот что, дружище, не вешай носа, а поезжай в центральную объединенную пожарную станцию, попытай счастья там. Думаю, у них точно веревка найдется.

По дороге Арчил встретил знакомого, после приветствия и обычных вопросов тот любопытствовал:

- Куда ты собрался?

- Веревку ищу! За веревкой,- проинформировал его Арчил.

- Хм,- усмехнулся знакомый,- но зачем она тебе? Не скажи, что собрался вешаться.

- Да не для себя хочу, для других!

- Видать, попросили?

- Да. Для дела нужна.

- Ну, тогда понятно, давай, будь здоров.

В центральной объединенной районной подстанции разговор с диспетчером тоже получился нелегкий.

- Веревка в принципе есть, и ребят можно подыскать, но ты что, гражданин? Какое время возиться с ласточками? Вообрази, снял я бригаду на это дело, а тут вызов. Что тогда?

- Батоно Гурам, придумайте что-нибудь, иначе я не уйду отсюда,- уселся на подвернувшийся стул Арчил.

- Ну и сидите, сколько влезет.

Довольно скоро, убедившись в решительности и настойчивости посетителя, диспетчер внутренне отозвался-таки на его душевный порыв.

- Позовите ко мне Левана!- отдал он распоряжение. - Леван, такое, стало быть дело. Стрижа спасти надо. Поедешь?

- Поеду, Гурам Владимирович,- несколько нерешительно согласился пожарник.

- Да, а кстати, сколько ты за это дело заплатишь?- как бы походя бросил главный диспетчер.

Арчил выгреб из кармана все оставшиеся карманные деньги...

- Ты что, издеваешься или шутишь? За такие шиши лезть на последний этаж?

- Все, что есть,- уныло и чистосердечно признался Арчил.

Торги затянулись.

- А ты знаешь, что если ребята слетят с верхотуры, то мне грозит тюрьма.

- Гурам Владимирович, поедем пока с Леваном, посмотрим, там, на месте будет видно. Дело рискованное, но возможное и выполнимое.

Главный понял, что спорить с Арчилом нет никакого смысла. Он еще раз переглянулся с Леваном. Тот, помешкав, слабенько кивнул головой.

- Ну, ладно, езжайте пока, разберетесь на месте. И еще, Леван, смотри там! Если дело сверхсерьезное, из-за птички себя не губите. Прихватите еще кого-нибудь и легковую машину по-быстрому у ребят! Дорогу Арчил оплачивает. Ну, давайте.

- Вот пройдоха, а,- удивился Арчил,- добился-таки своего..

- Анзор, поди-ка сюда, дело есть,- подозвал Леван низкорослого парня,- стрижа спасти надо, за ногу несчастный висит на карнизе.

- Нет, я их никогда не буду спасать принципиально!-решительно отказался тот.- Они хищники, вон в прошлом году они у воробышков яйца в гнездах поели.

- Заза, выручай,- обратился Леван к другому, легкому стройному скороходу,- бензин за ними!

Заза, не долго думая, согласился, и вскоре трое пожврных неслись в легковой машине.

Несчастливая жертва все барахталась, выбиваясь из последних убывающих сил.

Леван подстраховывал молодого легкотелого Зазу, обязанного по спецпоясу толстой веревкой. Леван понемногу отпускал ее конец, а Заза медленно и осторожно подбирался к пленнице с крыши технического этажа.

Уже было добрался, птица в испуге затрепыхалась с новой силой. Заза выпростал из кармана плоскогубцы-кусачки, подтянулся, подрезал торчащие концы проволоки.

Птица начала было падать вниз, но тотчас с завидной легкостью, выйдя из штопора, пулей взметнулась в небесный простор, издав радостный торжествующий клич, словно и веря, и не веря освобождению.

Спасатели уже собрались внизу, возле машины. Заза с заразной радостью рассказывал подробности операции.

- Уж больно здоровеньким и везучим он оказался,- весело пояснял он,- только на левой ноге осталась-таки глубокая вмятина от проволоки и тщетных попыток высвобождения, ну, да ничего, теперь будет долго жить.

Леван радостно улыбался.

- Ну, что,- обращался к нему Арчил,- сколько мялся твой мини-шеф по поводу этой операции? А теперь что скажешь, положи руку на сердце? Надо было это делать или не надо?

- Конечно, Арчил, несомненно,- отвечал Леван с убежденностью.

- Вот, Леван, все что у меня есть, и спасибо вам, ребята, огромное. Заза, тебе, получай,- благодарил Арчил, раздавая последние деньги.

-Арчил, извини, что берем,- оправдывался Леван.- Сам знаешь, какое у нас нынче тяжелое положение. Зарплату скостили до минимума да и ту вовремя не выдают, месяцами задерживают и тянут. А вообще, если хочешь знать, летом почти совсем нет работы, на таких только вызовах и держимся. Вот недавно голубя с высокого дерева снимали.

Еще немного поговорили и наконец разошлись.

- Ну, вот, можно и успокоиться,- вздохнул Арчил и с надеждой глянул на небо.

Покосился на часы, - пожалуй, в поликлинику идти уже поздно, никого там уже не будет. А завтра... завтра будем посмотреть.

К следующему утру произошло почти чудо. Палец перестал нарывать. Нога пошла на поправку, и поход в поликлинику был отменен.

- Получился и впрямь обмен, нога на ногу,- усмехнулся Арчил.

Через пару дней, ночью, то ли во сне, то ли в промежутках между пробуждениями и засыпаниями Арчилу предстало видение, расплывчатый лик с ярко блестящими зенками, без устали смотрящими на него.

- Не бойся,- успокоил Арчила внутренний голос.

- Стриж?- удивился Арчил.

Глаза в знак согласия закрылись и вновь приоткрылись. Стриж благодарил Арчила за спасение.

- Это ерунда, не стоит благодарности, я обязан был так поступить,- смущался Арчил,- гораздо страшнее то, что я совершал в своем прошлом. Я охотился на птиц и во множестве убивал их, когда совсем не был голоден.

- Но ты в этом уже раскаивался и исповедовался священнику,- возражал стриж,- и эти грехи тебе уже отпущены.

- А теперь слушай меня, Арчил, у меня мало времени. Я новая твоя надежда, несбывшаяся мечта, свобода мысли, выход и разрешение. Я это знаю. И ты спасал не столько меня, сколько себя. Мне все лето быть здесь, и до того, как я со своими сородичами улечу в теплые страны, ты должен поверить мне свою сокровенную мечту, которую я унесу на своих крыльях с собой туда, где ей суждено осуществиться и сбыться. Обдумай все и откройся мне. Без этого я не улечу. Понятно?

- Понятно,- то ли во сне, то ли спросонья согласился Арчил.

- Скажу тебе еще и то, о чем мне не велено говорить и что может стоить мне жизни. Недалеко время, когда у вас в стране начнутся смутные

времена. И все, о чем ты мечтал в этой жизни, желательно успеть до этих времен.

Арчил уже спал и не дослышал конца беседы с загадочным голосом.

Прошло больше месяца. Новый шеф сразу по возвращении из командировки взял отпуск и исчез, посчитавши, должно быть, что вопрос Арчила уже давно решен.

Арчил, во избежание разных подкусываний, взял на старой работе оставшиеся отпускные денечки и деньги и с небольшой дружной группой товарищей отправился в горы.

Вернувшись, заметил, что город нервничает и волнуется. Борьба за независимость, разные новые партии, набирающее силу национально-освободительное движение в его и соседних странах.

К началу сентября новый шеф с удивлением обнаружил, что задействованный перевод во Всемирный научно-исследовательский центр нужного ему сотрудника был приостановлен. Чтобы подтолкнуть и ускорить его, понадобилось не столь уж много усилий.

В один из ясных солнечных осенних деньков Арчил спозаранку отправился на новую работу. Он спешил на совещание.

Меж корпусами восьмизэтажек он заметил что-то смутное и черное, валявшееся на дороге. Подойдя, взгляделся и вскрикнул от ужаса. Острая жгучая боль кольнула его сердце.

- Боже мой, стриж!- ахнул он, наклонился, поднял на руки бездыханное тело птицы. Боль пробежала по сердцу и не оставляла его. Он горько заплакал - на левой ножке птицы ощущалась глубокая вмятина.

- Почему? Почему ты это сделал?- сквозь слезы шептал Арчил.- Ведь это был сон, всего навсего какой-то нелепый сон...

-Что же получается? Какой смысл был тебя спасать? Прости, прости, что я запоздал с ответом, да и, признаться, давно обо всем позабыл, не придавал сну никакого значения.

К гибели многих птиц на охоте добавилась смерть и этой.

- В жизни все и вся от меня убегало. Меня на каждом шагу предавали. Ну почему, почему и ты поступил, как они?

Он предал стрижа земле в укромном, легко запоминающемся месте.

На утреннее совещание Арчил опоздал. Более того, в этот день он вообще не пошел на работу, за что ему пришлось писать объяснение и уверения в том, что подобное более не повторится.

Через пару лет в стране запылали непрекращающиеся междоусобные войны: гражданская, межнациональные, голод, холод, многие другие невзгоды. Они продолжались долго, погубили многие жизни, искалечили многие судьбы, толкнули многих за пределы страны. Страна постепенно опустошалась, люди бежали, как крысы с тонущего корабля. Наиболее смелым, подобно музыкантам с могучего "Титаника", удавалось бесстрашно смотреть смерти в глаза и, заведомо зная о своей обреченности, виртуозно играть на своем инструменте.

История напоминает, что с великого "Титаника" удалось спастись лишь тем, кто с него сошел, подобно тому, как во время потопа выжили только те, кто на Ноев ковчег взошел.

Яркие, но теряющие силу лучи раннего осеннего солнца ласкали спящую красавицу, побуждая время от времени к вынужденным мимическим движениям. Похоже, она упрашивала светило оставить ее в покое. Но лучи солнца этим утром отличались особой назойливостью и постепенно спящую красавицу превращали в пробуждающуюся.

Наконец, окончательно пробудившись, она приподнялась со своего ложа и принялась за утренние потягивания. Затем направилась в ванную комнату своей нежной и мягкой походкой. Проходя мимо большого трельяжного зеркала она вдруг приостановилась и посмотрела на себя со стороны. Она стояла перед зеркалом абсолютно нагая, в чем мать родила, и любовалась красотой своего тела. Долго вглядывалась в себя с разных ракурсов и соглашалась с собою в том, что действительно неотразима.

- Теперь я начинаю понимать мужиков,- думала она не без самоудовлетворения,- но они не знают одного - того, что я и убегаю от тех, кто тянется ко мне и собирается овладеть. Я задерживаюсь лишь перед тем, кто этого заслуживает своим терпением и трудом и долго меня добивается. И остаюсь с ним надолго, если не навсегда.

- И вправду отменная фигура, красивая грудь и хорошенькие ножки,- продолжала наслаждаться своей внешностью красавица.- Ну, ладно, с мужиками все ясно, но что же во мне находят женщины? Многие от меня без ума, хоть и не знают меня хорошо и полностью. Впрочем, если честно, я и сама себя толком не знаю. Порой мне даже кажется, что я это вовсе не я. Или не только я, но и некто еще другой. Одно знаю точно: не люблю любящих и жаждущих меня. И прихожу нежданно-негаданно к тем, кто вовсе не ждет и не желает меня.

Рабочий день мебельного магазина начинался спозаранку с бойких договоров о распродаже. Здесь шла торговля импортной мебелью, рекламировавшейся разными теле- и радиопрограммами, и, кроме неизменных посетителей, толкались и водители транспортных средств, желающие получить хоть какой-то заказ на перевозку купленной мебели.

- Ваню, ну что ты там возишься! Освободи трельяж с зеркалом и выносите его на погрузку вон на тот светло-зеленый грузовичок,-

послышался сухой голос одного из облаченных в спецодежду продавцов магазина.

- Михайлович, ты посмотри, какая тут красавица уставилась в зеркало! Я впервые в жизни вижу такую.

- Да отшвырни ты ее ногой в сторону, и выносите трельяж,- сердито отозвался Михайлович.

- Ничего себе отшвырни. А что, если это удача или исполнение желания?- запротестовал Ваню.

- Кретин,- буркнул Михайлович и, подлетев, резким движением ноги отшвырнул красавицу в сторону. Та жалобно и протяжно простонала: "Мяу...".

- Ну-ка берись и давай выноси его. Видишь, люди ждут!- негодовал Михайлович.

Ушибленная красавица оправлялась от причиненной ей человеком боли. Сейчас ее волновала, однако, не все еще ощущаемая физическая боль, но брошенное человеком новое слово.

- Удача,- повторила она,- удача! Интересно, какая она и что из себя представляет?- поспешила выбежать из магазина и, постанывая, направилась к обрыву, откуда открывалась панорама набережной городской реки. она любила эти места и отводила здесь душу, когда ее обижали люди.

- Удача,- продолжала она повторять.- Значит, меня так зовут... значит, это мое имя? Но что оно означает?

И в ответ послышалось звонкое щебетанье и она подняла голову. Высоко в небе увидела стаю перелетных птиц, нестрогим клином летевших вверх по течению реки. Летели, как ей казалось, из ниоткуда в никуда.

- Не знаю, как насчет удачи,- поглядывая на перелетных птиц,- но счастье это то, что пролетает мимо тебя, над головою.

10.1989

ВЕРОНИКА

Карло выходил из парадной подъезда Брюсовых. Он приподнял воротник своей легкой куртки и взглянул на небо.

Ветерок тихонько гнал к северу островки белых туч.

- Теперь уже скоро,- проговорил Карло про себя, оценивая поглядывая на высящийся впереди небольшой подъем.

- И с этим порядок,- продолжил он с внутренним удовлетворением, доставая из кармана обрывки газеты и опуская их в урну на краю тротуара,- еще одно доброе дело сделано, и на душе как-то приятнее, хоть чем, да поддержали людей в трудную минуту. Жаль только, им самим невдомек, что этой тяжелой, длиннющей минуты в несколько месяцев можно было в принципе и избежать. Черт подери, неужели и вправду действительно разумно?

- Да нет же, вовсе нет,- тут же протестующе отозвалось сознание.

До автобусной остановки наверху было метров двести, внизу - много больше.

Карло избрал последний маршрут.

- Все! На сегодня все планы полностью выполнены, можно со спокойной душой отправляться домой читать - ну, и накопилось же за последнее время! - писать - не меньше. Целые колоннады бумаги громоздятся над полками, над столом, над тумбочкой, над спаренною кроватью.

- Теперь только домой, домой!- отдавал он команды себе, хоть шагу прибавлять и не спешил.

Дорога в эту минуту вела мимо парка, где куда больше, чем на улицах города, чувствовалось пробуждение природы, дыхание весны, звонко перекликались суетливые воробьи и их щебет то и дело перебивали задумчивые напевы черных желтоклювых дроздов.

В глубине парка с большой высоты по естественным ступеням склона горы, звеня загадочными мотивами, сбегал огромный каскад воды. Две маленькие девочки наслаждались попытками белой болонки перехватить у них резиновый мячик, летающий над ее головой.

В парке гуляли несколько человек. Подолгу рассиживаться на скамьях за чтением газет или за разговорами, как это случается поздней весной, летом и особенно осенью, сейчас не приходилось.

- Боже мой! Какое совершенство, какая гармония!-восторгался Карло.- И куда больше, чем в людях! Односторонние, неполные правды всякого из них сталкиваются и нарушают это блаженство бурей своего гнева и молнией негодования, а потом, словно пытаясь унять и успокоиться, обрушиваются на всех проливным дождем.

- Как там писал мой тезка?- пытался он вспомнить.- Вроде так: "Нельзя сознанием объяснять жизнь, нужно постараться понять, что определенные жизненные условия формируют определенное человеческое сознание"... И еще, бытие, мол, определяет сознание человека. Да, вроде бы так. Может быть, это и есть ключ к частичной разгадке причины разгоревшейся с новой силой вражды между группами сотрудников института?...

- Может быть.

- А как хорошо, тихо-мирно все начиналось. Какой энтузиазм вдруг погас. Должно быть, и впрямь этот злополучный "вдруг" Достоевского.

- Пстой, Карло, пстой,- отрезвлял внутренний голос,- чего-то здесь вроде не хватает. Что же еще было у твоего тезки Карла Маркса? Ах, да!

"Все подвергай сомнению". Или вот: "Я знаю лишь одно, что я не марксист". Выходит он чувствовал, что отчасти противоречит и отрицает себя. В чем же это выразалось, хотя бы в тех словах, что наспех приходят сейчас мне в башку? Не в том ли, что он их изрекал как по Тютчеву: "Мысль изреченная-есть ложь". Уж во всяком случае не в том, что человеческая деятельность и жизнь определяется его целенаправленным действием, лишь по приказу и зову разумного. Значит, разумное - разумно.

- Ай да молодец, Карло,- не без иронии похвалил он собственный внутренний голос и, уловив неприятное чувство осознания тупости методов своих умозаключений, попытался уйти от себя, вновь погрузиться в наслаждение окружающим шумным, но блаженным спокойствием. Карло всегда чувствовал себя счастливее вне себя, и это угнетало его. Он решил пропустить эту остановку и двинулся к следующей.

Мысли о неурядицах на службе, однако, не оставляли и преследовали его.

- А ведь, помнится, еще в недалеком прошлом лидеры противоборствующих группировок были в хороших отношениях, ходили чуть ли не в друзьях, несмотря на разницу в возрасте. Меняются времена, меняются люди. Пропадает все пропадом, и дружба, и даже любовь.

При произнесении последнего слова в памяти всплыло имя-Вероника.

- Любимая Ника,- ехидно пробормотал Карло. - Кто бы мог подумать!- с грустью посетовал он.-Боже, как я ее любил. И любовь быстротечна. Чего только я не вытворял ради нее, и все зря, она все это выбросила в воду. А нескончаемые замечания и упреки! Циничный и ханжеский тон! Демонстрирование якобы превосходства, третирование по мелочам...

В памяти и сознании всплыло еще многое.

Чувство постоянной боли за то, что он часто бывал понятым не до конца, все больше и больше заполняло одну сторону сообщающегося сосуда - другая его сторона переполнялась гадливостью и отвращением.

- Эти постоянные разбирательства, ругань и передраги в присутствии посторонних. Боже, какая дрянь!

Он делался все мрачнее и мрачнее.

И вновь желание оказаться вне себя овладело им. Он оглянулся назад и увидел догоняющий его троллейбус. Он был почти полон, но не битком, так что ему с теми будущими пассажирами, что поджидали на остановке, надлежало заполнить некоторые пустоты и промежутки в электромобиле. Спереди подняться не удалось, и Карло оказался на задней площадке, где он легко и самозабвенно предался невольному подслушиванию разговоров пассажиров.

Через пару остановок стало чуть посвободней, что позволило Карло медленно продвинуться к средней площадке.

Слух его вдруг прорезали энергичные призывы одной дамы.

- Гена, ну живее! Чего ты там копошишься? Не знаешь что ли, сейчас остановка у рынка, водитель заднюю дверь не откроет, так что останемся, к черту, сойти не успеем.

- Ну, Леночка, видишь, сколько народу. Сразу и не пройдешь, да еще с этими ведрами! Молодой человек, или пройдите, или как-нибудь пропустите меня,- призвал в свою очередь Гена.

- Ишь ты, стоят эти молодые, такие равнодушные, хоть бы чем помогли пожилым,- возмутилась толстенная старушка на скамье у окна. Подымаются спереди и стоят себе тут. Совсем потеряли совесть.

Карло двинулся дальше, к передней площадке, и пристроился неподалеку от дверей. Тем временем женщина в платке и халате, спутница Гены, опередив Карло, выбралась на тротуар и с двумя большими сумками принялась ждать.

- Гена, ну живее ты там!- скомандовала она.

- Да не могу,- с тоской отозвался Гена.

- Ой, какой неуклюжий! Боже мой! Два ведра с картошкой донести не в состоянии. Ну, подавай скорей сюда!

Послышались грубые выкрики, адресованные водителю: "Проезжай, чего стал, как осел! Не видишь, движение закрываешь", перешедшие в затяжной вой сирен.

Троллейбус вдруг тронулся с места, так что водитель не успел выпустить всех пассажиров и закрыть двери. Он опешил и, едва опомнившись, резко затормозил.

- Если речь друга ранит твой слух, в нем нет уже ни малейшей надобности!- констатировал про себя Карло.

Тут Гена не смог удержать равновесия и с ведром картошки в приподнятой руке подался вперед.

Карло ощутил резкий удар по голове.

На миг он потерял сознание, отключился.

Очнулся под деревом, о которое его подпирал и поддерживал незнакомый парень, между тем как, тоже незнакомая женщина прикладывала к его голове мокрый платок.

- Сынок, может скорую тебе вызвать?- предлагала женщина, жалостливо взглядывая на него.

Карло заметил на платке следы крови. Он приложил руку к ране и, отдернув, посмотрел на нее. Крови было немного.

- Нет, не надо, спасибо,- сконфуженно произнес Карло и попытался сделать первые шаги.

Отойдя немного, он заметил колонку, добрался до нее, освежил компресс и опустился на валяющийся неподалеку без присмотра ящик. Посидел, понемногу пришел в себя. На противоположной стороне у самой территории рынка приметил рекламу кооператива "Вероника".

- Что-то новое!- отметил про себя и решил полюбопытствовать.

Дверь ларька оказалась запертой. Сквозь витрину виднелась женская одежда на плечиках.

Протискиваясь между прилавками колхозного рынка, отчасти интересуясь ценами на продукты, Карло незаметно подошел к рядам, где торговали цветами:

- Как продаешь, отец, свои красные гвоздики?

- Как обычно в такой праздничный день,- назвал цену продавец и тут же добавил:- Тебе могу сделать скидку.

- Не надо мне твоей скидки, лучше заверни мне этот букет покрасивее.

- Как, весь?

- Да, весь!

- Вот это понимаю, настоящий мужчина!- восхитился обрадованный продавец.

Карло шел по улице в обнимку с букетом алых гвоздик и недоумевал.

- Боже, какой я дурак! Нет, это невозможно. В конце концов это неразумно. А разумно ли неразумное?

Терзаясь сомнениями и внутренним противоборством, Карло подошел к широкой и высокой двери и под звонком отыскал фамилию.

- Да, так и есть, эта фамилия! Значит, не ошибся,-подумал он.

Он еще несколько времени постоял перед дверью в оцепенении. Потом решился и позвонил два раза в четыре такта: "Ве-ро-ни-ка", "Ве-ро-ни-ка". Так он звонил всегда, когда приходил к ней в этот дом.

Ответа не последовало.

Карло вновь, точно так же, как и в первый раз, приложился к звонку.

Ответа опять не последовало.

Он подождал несколько минут, вновь повторил свое действие и вдруг почувствовал, как сжалось в комок сердце, дрогнули колени и силы покинули тело.

- Вероника! Ну, где же ты?! Прошу тебя, приди и открой мне дверь. Я так соскучился и хочу видеть тебя,-провизжал он беззвучно в изнеможении и, как подкошенный, с букетом красной радости и жизни, чуть-чуть склонился перед ее дверью в надежде уловить за нею хоть малейший шорох, но тщетно.

Все было так же, как в прошлом, давно, когда она не открывала ему дверей своего сердца. Он любил ее, и это ее забавляло. Прошло уже столько времени. Он уложил букет цветов возле ее двери и направился к выходу.

- Во всем виноват этот злополучный удар по голове,- понурившись, вышел он из подъезда.- Странно все-таки, у всех нормальных людей они отшибают память и желание, а у меня все наоборот.

На улице по обычаю стоял неприятный и назойливый шум, визг сирен хаотично мечущихся машин. Уличная жизнь была ключом.

Кто-то куда-то спешил, кто-то с кем-то переговаривался, кто-то что-то искал. Трезвый ум и сторонний взгляд не могли оценить и понять происходящего вокруг и сейчас.

ТОРГОВЦЫ БОЛЮ

Земля, Земля! Слишком зыбка эта родная твердь, чтобы стоять на ней подолгу на одном и том же месте.

В этом случае она словно бы уходит, ускользает из-под ног, прогибается, проваливается под их тяжестью, и посему перемещаться по ней лучше всего, пробегаясь, как вожделеется в песне со словами: "босиком бы пробежаться по росе..." Так же и в жизни, остановка невозможна, и подчас не успел прийти, укорениться на рабочем месте или ином биосоциальном жизненном пространстве, а уже пора уходить. Оттого-то, должно быть, предполагал Том, и выигрывал он всякий раз, когда уходить ему приходилось, именно когда приходилось. Впрочем, уход этот, чего греха таить, подготавливался всем течением социальных и жизненных обстоятельств. Очередной из них неизменно оправдывался предстоящим, и лишь уходя, ему удавалось остаться. Но уходил он не искусственно и не для того, чтоб остаться, а оставался оттого, что приходилось поневоле, повынужденке уходить.

Он отдавал себе отчет в том, что однажды, наверное, надо будет или придется уйти и из жизни. Возможно, он этим как-то подготавливал себя к будущему, вполне может быть, может быть. Но при каждом уходе больней всего оказывалось расставанье с людьми, которых, в общем-то, как он считал, если сосчитать, то раз-два и обчелся, в которых, однако оставалось по живому, рваному кусочку его сердца. И если он и любил сию жизнь, то любовь была любовью к этим людям. Порою любви, как выяснялось

впоследствии, оказывалось для него недостаточно, хотя теоретически Том с этим не соглашался, и тогда в дело вступала несовместимость. Бывает же, два хороших человека встречаются, сближаются, влюбляются и вдруг (это Достоевское "вдруг")...как говорится - не судьба. Впрочем, рано или поздно, как ни тяжело, как ни больно - один из двух или из нескольких всегда уходит.

И самым страшным для Тома оборачивалось не то, что приходилось смириться с объективностью происходящего, а - что ему успело даже полюбиться! - уходить поверженным, побежденным, и чем больше боли он испытывал от этого чувства, тем сладостнее казалось ему это внутреннее ощущение. Ему приходилось слышать, что когда неоднократно падаешь - научаешься падать, но что в это влюбляешься - никогда. Более того, он часто нюхом улавливал невыгодную, проигрышную для себя, ситуацию и словно назло себе влезал в нее с руками и ногами, весь целиком.

- Но почему?- часто спрашивал он себя и категорически не соглашался с собой, когда отзывался на собственный вопрос: чтоб в возмещение расти внутри, изнутри.

Он не был ни мазохистом, ни меланхоликом, да и не неудачником, скорее, может быть, искателем-романтиком?

Может быть, может быть, во всяком случае этого сам он не знал. И почитал чаще всего себя неудачником.

По ночам, именно по ночам, и чаще всего глубоким ночам, на него набегала волна безысходности, и он медленно, но с все более и более заметно нарастающей скоростью принимался метаться словно бы в замкнутом холодными, высокими, толстыми железобетонными стенами, окружающем его социальном пространстве. И всякий раз снова и снова открывал одну и ту же социальную формулу, дикую взаимосвязанность

происходящего в облекающей его сфере, в случае выпадения из ансамбля хотя бы одного события приводящую к зыбкости и изменчивости, а то и распаду всего.

И тогда, выстрелом из пистолета в висок, гремело и прогрохатывало высшее изречение, совет:

- Напиши, Том, об этом, напиши. Да, да! Именно сейчас вот. Встань и напиши-это тебя спасет.

Он часто следовал совету, голосу высшего начала и, бывало, всю ночь до утра-напролет, - а порой и нередко, словно тоже назло себе, поддавался соблазну даже и при том, если и утром и весь следующий день его ждали и подстерегали крайне серьезные дела на работе. Он не в силах бывал отказывать себе в той радости, в том утешении и, можно сказать, наслаждении, которые впоследствии называл про себя "социальным оргазмом", который, подобно бытию, которому он уподоблял этот феномен, не существовало никогда ни в прошлом, ни в будущем, а только в тот момент и всегда. И тогда звуки музыки и многоцветье света, запахи рек, лесов и полей одной величавой волною разбивали вдребезги все ограды, вырывали, высвобождали из плена, вплоть до следующего раза. Но когда он пренебрегая призывом, надеясь, что напишет о посетивших его ощущениях и помыслах завтра или в другое время, то терял, утрачивал мгновенное свое сокровище, приобретение, забывал о нем, как об едином, целостном организме, ибо оно, как и многое другое, с треском разлеталось на кусочки, разбивалось о те могучие скалы, имя которым - быт. Можно было, конечно, впоследствии заняться их реставрацией, собирая воедино частички, но то представлялось процессом искусственным и продукт его, конечно же, в значительности уступал своему естественному предшественнику и сопернику. Да и лишался, в общем-то смысла, потому что наболевшее и

невысказанное вскоре давало о себе знать назойливой болью, словно гнойничком, силящимся вырваться, вытечь наружу, и эвакуация эта совершалась, конечно, опять-таки ночью, правда уже в совершенно иной окраске и контексте. И даже на этом Том все чаще убеждался, что назначенное случиться и не случившееся уже больше никогда не случится, и с каждым повторным открытием этой формулы на мгновение замирал, а потом до отказа сосредоточивал все свои силы и, не проронив ни звука, сохраняя абсолютное внешнее молчание, кричал молча, кричал так, как никто и никогда на свете не кричал даже вслух.

Да, судьба и жизнь человека настолько же величавы, насколько жестоки и коварны, и далеко не всем прощаются промахи и ошибки. Он считал это одним из самых жестоких из всех иных многочисленных, которые предлагала ему игра по имени "жизнь", правил и узаконений, точней даже установок. И этого аргумента, как казалось ему, было достаточно, чтоб не любить ее, тем более, что в таких случаях на многочисленных перепутьях она оставляла ему,- так уж повелось,- минимум времени, а порой и вовсе не давала его и то или иное решение приходилось принимать просто-напросто на ходу, причем в том числе по самым сложным вопросам, от которых впоследствии многое начинало зависеть. Выходило, что семь раз отмеривал, а потом, когда следовало отрезать, оказывалось, что уже поздно, что резать и решать уже нечего, поезд ушел и его не догнать.

Да, он понимал, что белый лист бумаги запечатлевает именно те следы, которые ты оставляешь, те строчки, которые пишешь, а не какие-либо иные, подобно тому, как некие остаются свидетелями одних сторон одного и того же события, свидетелями же других его сторон оказываются другие. Может, оттого-то он и оставлял в своих рукописях, в качестве своего рода пробелов чистые незаполненные листы, не содержащие в себе ничего и

одновременно содержащие все, часто многого не договаривал, не дописывал, не завершал, полагая нередкими случаи и моменты, когда обо всем можно сказать, намекнуть, указать - не проронив ни слова, не написав ни строчки, ни даже буквы. Каково художнику нарисовать картину, ни разу не проведя кистью по полотну? Молчанье казалось ему всеобъемлющим, всесодержащим и целостным, и, упомянув об одном-другом, можно было упустить все остальное.

Но в любом случае исключением являлось, пожалуй, то, что ему очень бы не хотелось прожить жизнь так, чтобы вовсе не жить.

Еще одним из самых печальных своих невезений Том считал окружение по месту жительства, да и в семье, что, казалось ему, он обнаружил, к своему огорчению, довольно поздно. Поздновато, впоследствии он узнал и о том, что большинство проявлений, если не все в жизни, с субъективной стороны - избирательно. До этого он просто-напросто поддавался внутреннему голосу, зову сердца, природному что-ли инстинкту, которые толкнули его именно на тот социальный путь, который ему пришлось пройти. И за это он был во многом благодарен судьбе, не обманувшей, избравшей его.

Он общался и рыбкою плавал в окружении и среде совершенно иных, чем, он все отчетливее наблюдал это впоследствии, та, которая окружала его в далеком и близком соседстве и дома. И не забывал возносить благодарность Всевышнему за то, что тот не сделал его подобным многим из них, несмотря даже на то, что, случалось, он нападал и на таких, которые заслуживали его уважения.

- Боже, упаси и сохрани,- с чувством дикого страха и ужаса взывал он в молитвах.

Среду, он считал, тоже следует подбирать по кирпичику, как бы с миру по нитке, чтоб сплести нечто прелестное, от коего будет зависеть и то, каким в дальнейшем окажешься ты, твой внутренний мир, твоё кредо, твоё мировоззрение...

Но обиднее и больнее всего отражалось на нём социальное расхождение с членами его собственной семьи, с родными и близкими, и единственным, пожалуй, ограничителем при "раздвигающихся ножницах",- нарастающих противоположностях во взглядах,- он признавал лишь обязанности по отношению к этим людям.

Ещё одно открывшееся ему правило сопутствовало процессам, стечениям обстоятельств, представшим перед ним в вполне логической и лаконичной форме из практики, опыта собственной жизни, убедив его, что если процесс изначально устанавливается, находит зацепку и, успевая закрепиться, начинает развитие, то начинает характеризоваться непременным ростом инерции, массы и скорости дальнейшего своего движения и по достижении определённого развития, становится необратимым. В силу открывшегося обстоятельства, а ранее, очевидно, чисто интуитивно он старался избегать на первых же порах не понравившихся ему контактов и соприкосновений с другими индивидуумами, и ему ни на секунду не приходило в голову усомниться в правильности своих оценок и своего выбора, хоть он и считал себя далеко не безукоризненным в этой области.

Ну, а что же Тома? В принципе она была права в том, что считала себя девушкой с хорошей внешностью, тем более, что Том не придавал фактору внешности первостепенного значения. Чего не мог он сказать о её легкомысленном, а порой даже вульгарном, поведении.

Хи-хи, ха-ха, в ход пускались ругань, мат, выражения. От ее сквернословия шарахалось все окружение. Для вящей выразительности, она корчила рожи, строила гримасы, изображая разных животных, преимущественно же обезьян из эпохи первобытно-общинного строя. Использовались и фиги из обеих рук, причем с минимальными интервалами.

И что самое главное, ей был свойственен внутренний гонор и удивительно высокое мнение о себе, как о больше всех знающей, понимающей и относящейся к окружающим со снисхождением, пристойным вправду стоящим много выше других. Словом, это составляло для Тома набор, сгусток и комплекс дикостей, приводящий его в ужасную внутреннюю непримиримость и ярость.

Если девственность и существует,- считал Том,- то она носит лишь социальный характер и горе тому человеку, кто ее потеряет.

Тома уже почти десять лет правда, редко, но все же бывала в их в доме, как близкая подруга его сестры.

И все было бы так, как бывало и раньше, как в море расходятся корабли, если бы не...

Том долго стоял у стены и разглядывал картину, живописца-любительницы, подаренную его сестре, картину, которая, как говорят китайцы, стоила целых десяти тысяч слов.

Человек, стоящий спиной к зрителю, с надеждой всматривался в горизонт, откуда вынырнул розово-голубой легкий парусник - надежда его души. Вот он приближается к нему, совпадает с его взором, надолго остается наедине с ним, успевает обежать самые сокровенные уголки сердца, выполняет все прихоти и мечты. Боже, такое ведь если в жизни и бывает, то всего только раз, и раз этот проносится так стремглав, что не успеваешь, как говорится, даже моргнуть и глазом, и, о Боже, первые секунды ощущения

того, что ход парусника, чуть быстрее твоего, и тебе не угнаться за ним, он уже покидает тебя, о Боже, как же так, ведь он уходит, ну остановите ж его, ну хоть кто-нибудь... И вдогонку теряющемуся силуэту, вслед за слезами боли в глазах - будь ты проклят навеки, зачем ты вообще мне являлся на этом свете. И тишина, и вновь пронесшийся по земле смерч неистовой боли, и стон души, возбудив порыв ветра, вновь, в который уж раз, навевший и нагнавший массивы черных туч, разразившийся страшным внезапным громом, грохотом, обстреляв градом и ливнем землю обетованную, всю ее изрешетив. Впрочем, так повелось с давних пор, и было всегда, когда погибала душа и когда ее бесцеремонно, как ни в чем не бывало, губили и убивали.

- Да,- считал Том,- если человек и умирает, то прежде всего, когда это происходит социально.

Он долго еще стоял у картины, которая его буквально сразила. Хоть мастерство ее исполнения далеко было от идеального, но то, что он в ней прочитал и увидел... О нет, Боже мой, это решительно невозможно,- противился себе Том,- она никак не могла сотворить подобное. Это-то с её характером?1 Том смущенно, неуверенно и удрученно мотал по сторонам головой, ничего не понимая, и ему впервые в жизни показалось, что он въявь ощутил, что значит быть в лесу и не видеть за ним деревьев.

- Да нет же,- уверял он потом себя,- ведь необязательно тому, что я увидел, ощутил, прочитал, отражать чувства и умонастроения художника именно в этом объеме и в этом контексте. Нет, я не верю. Возможно, она подсунула сестре чужую работу, чтоб возвысить себя... впрочем, может...

Сомнения раздирали его разум.

Подсознание подсказывало, что далеко-далеко внутри, где-то за N-й дверью человек этот совершенно иной, нежели воспринимается его

поверхностная, внешняя мантия. Но как же дойти до сей, N-й двери, когда ты напрочь отвергаешься уже на подступах к самой первой?

- Отвергаешься или отвергаешь?- задавался вопросом Том.

Впрочем оба эти понятия и определения, выражавшие действия и являвшиеся атрибутом называемого Томом его величеством "невозможностью" были для него своего рода гарантом и щитом против всевозможных нападков и выступлений против него, что придавало ему некоторую смелость и защищенность от социальных потрясений и катаклизмов, и ориентиром при решении войти в неизвестный ему доселе темный, загадочный и холодный извилистый лабиринт.

Он не мог рисковать ничем, ибо Невозможность есть невозможность, она величава и содержит в себе множество комплексов, противоречий и несоответствий, покуда еще разящих человека даже похлеще смерти, все посты разводящей. Что же толкало Тома к решению войти и пройти в этот адский лабиринт?

- А, я знаю,- отвечала Тома с присущими вульгарностью и нахальством,- тебе захотелось отведать моих пончиков. Может быть, тебе хочется остаться сегодня у нас?

- Тьфу на тебя, - разразился в душе бранью Том, едва удержавшись от искушения ее высказать.

Дикое желание плюнуть на все, выругаться в адрес художницы, уйти прочь от нее, и навсегда, противилось и боролось с не менее диким и адским вожделением встретиться, увидеть, нежно соприкоснуться с ее болью на полевом, энергетическом уровне, с болью, с которой он соприкоснулся уже на ее, вернее в ее картине, когда он силился определить ее истинный адрес, местонахождение в ее душе. Ведь это для Тома было настолько знакомым, а посему важным, что оно, это обстоятельство, обязывало и призывало его к

адскому терпению. Он ясно осознал, что ему, хоть с трудом, но придется принять все ее условия.

Разное в разном проявляется по-разному и из-за того, отчасти, можно судить об общности некоторых черт, консистенций, по одинаковым результатам конечных проявлений. Боль, подобно веянию ветров, многочисленными энергетическими полями пронизывает все и вся на этом свете, она проходит и сквозь души и тела всех людей и других живых существ, но цепляется и находит пристанище не в каждом человеке и не в каждом существе. По-разному счастливы и горестны, богаты и бедны и те, для которых эти ветры проходят бесследно, и те, в ком они оставляют следы и отпечатки.

Да, и Тома и Том, в этом плане, были детьми одних общих родителей, детьми тех ураганных ветров, что пройдя сквозь их души, не на шутку обожгли их сердца. Быть может, эта боль и роднила их в чем-то, несмотря на внешнее и некое внутреннее абсолютное несходство. Быть может, именно она сделала их обоих большими художниками - ее от кисти, а его от пера, навсегда соединив и сковав их души неразрубаемой цепью, невидимой и невесомой, но чрезвычайно прочной. Словам она не дается, они лишь чувствовали ее, когда шарахались друг от друга в разные стороны, едва улавливая ответ: стойте оба и не разбегайтесь, не забывайте, вы разные, но мои дети, а в остальном ведите себя, как хотите. Плюс ко всему Том был неженат, Тома была незамужем, оба чаяли и желали встретиться с идеалом, с парусником надежды, а взамен...

Том пошел по пути тоски и печали, тихих, молчаливых и невидимых внешне грез. Но вскоре он обнаружил, что боль приносила ему, помимо всего прочего, величавость и силу духа. Он часто брался за перо, словно за саблю, взлетал в седло ретивейшего коня и, с яростью размахивая

"шашкой", устремлялся рысью по фронту белой бумаги, чернилами, либо пастой, словно кровью, изливая всю боль, вновь и вновь, полней и полней. И этот акт был его коньком, здесь он был асом и равных ему, в этом, как казалось, не было на земле никого. Всякий удар судьбы, всякую неудачу, он воспринимал как удар молнией, следующая за ним боль взметала в душе, после сражения, яростью, а усеянные строками боли листы бумаги приносили наслаждение обретенной свободой и высвобождением.

Душа, вконец излившись в упоение происшедшим, упивалась сладостью ощущений. Он побеждал лишь сознанием того, что испытал поражение. И так всегда, вновь и вновь. Но с каждым разом, с каждым сражением и боем силы его иссякали, и никто, кроме Господа Бога, не знал, насколько ему их еще хватит.

Что же до Тома, то она избрала путь совершенно иной, путь внешней веселости, легкомысленности, безразличия, безрассудности и еще многого отрицательного, что по ее мнению помогало ей выжить. Она не могла лгать лишь самой себе и когда оставалась наедине с самой собой, слезинки, падающие из глаз, звенели, отзываясь на немые ее вопросы: "Опомнись, Тома, к чему это тебе? Выставлять себя напоказ с самой худшей стороны, нарочито, так ведь не поступает ни один нормальный и здравомыслящий человек. И потом ты не пацанка и не мальчишка, ты девушка, которой пристало больше мягкости, женственности и нежности", на что она, назло себе, нетерпеливо отмахивалась: "Нет, я все-таки не пересилю себя и не останусь ровной и однообразной".

- Будь проклят этот мир с его жестокостью и бесчеловечностью, сотворивший тебя такою прекрасной и сделавший невыносимой,- возмущался Том,- это все от бестактности и бескультурья. Виноваты материальная и духовная нищета и всякое прочее. И больше всего его

бесило общество низкотравных самцов, постоянно окружавших и преследовавших ее, норовивших воспользоваться при случае предоставленной им возможностью.

- Будь они прокляты,- во всю глотку орал в душе Том,- будь они прокляты! Приучили ее смотреть на мужиков, как на подонков и диких животных!

- Нет, Том, ты не прав,- думала между тем Тамара,- и я постараюсь тебе это доказать. Ты лишь прикрываешься красивыми словечками и благодеянием, но при случае расколешься, очень просто и быстро, как грецкий орех, стоит приложить лишь мини-максимум усилий.

- Ну, скажи, хочешь сегодня у нас остаться?-прозвучал громкий вопрос.

У Тома все поднялось в душе, он ринулся было бежать, но невидимая нить крепко держала и не отпускала его.

- Скажи-ка мне лучше, где ты шлялась сегодня весь день?

Отрезвев, словно от холодного душа, Тома на минутку умолкла:

- Знаешь, мне вчера удалось продать свою картину, вон ту, помнишь, которая тебе понравилась...

Последовала пауза.

- За сколько?-спросил Том, содрогаясь в душе.-Но зачем? Неужто ты так поддержала существование?

- Почти за бесценок!- Тома умолкла, встала со стула, подошла к навесным книжным полкам и, пройдясь длинными, прямыми пальцами по рядам корешков, движением нежных губ пересчитала их, впиваясь в заглавия и быстро перекидывая взгляд с одной на другую.

- Том,- произнесла она вдруг, оборачиваясь к нему и приподымая движениями обеих рук конец платья,- тебе нравятся мои ноги?

Том мельком, скользнул взглядом по ее ногам, но быстро отвел его, с обидой потупился и произнес про себя: "Мне нравится в тебе все, кроме твоего поведения. И как тебе объяснить и дать понять то, что для тебя ясно так же, как Божий день, что важнее всего мне - твоя душа, которую я вынимаю из тебя, что ты порой с такой болью и ощущаешь. Если я пытаюсь украсть, вытянуть из тебя, лишить самого главного- до убийственности сладкой, любимой мной твоей души, то что же для меня после этого и по сравнению с ней твои ноги, и все другие девичьи твои прелести? Ровным счетом ничего. Ну как же ты, дуреха, этого не поймешь?"

Том гневался, горько сетовал, обижался, но молчал. Его оскорбляли в лучших чувствах, но он терпел, ибо душа его занималась любовью с душой ее, неведомо для нее и без ее позволения, словно она и не принадлежала ей.

- А знаешь, моим близким не нравятся мои ноги, но вот один художник, с которым я была знакома всего лишь один день, после выставки в моей мастерской, очень хвалил их и даже целовал,- прощепетала она с восторгом, особенно последние слова.

Тома очень огорчило это ее признание, оно как бы сломало его.

Он раздражался, испытывал безнадежную боль и потерял всякий контроль над собой. Но решил удовлетворить ее любопытство и обрадовать якобы правильной оценкой самой себя.

- Да, я самец, скотина, животное, и мне страшно хочется с тобой переспать,- ревел Том,- теперь ты довольна?

На свете не было силы, которая бы побудила Тома хотя бы на миллиметр поднять на нее руку. Она для него была священна, он чувствовал, что никогда не смог бы этого сделать, никогда, ни при каких обстоятельствах, потому что безумно любил ее душу и всегда по ее душе тосковал.

На шум в комнату вошли мать и брат Тома. Их лица выражали неловкость. Тому показалось, что они слышали его лжепризнание. Он смутился.

- Батюшки, Том! Это так на тебя не похоже,- с радостью и удивлением воскликнула Тома и даже захлопала, подпрыгнув на месте.-Мама, мама, я принудила его сделать признание.

- Бесстыдница,-сурово отозвалась ей мать и, не успев перекинуть взгляд на Тома, услышала в ответ от нее:

- Ну, что же случилось, мама! Мы ведь шутим.

- Хм, - покачала головой мама, - ничего себе шутки,- и вместе с сыном удалилась на кухню.

После этого случая Том не задерживался у Тома, да и в этот раз ушел почти молча, не попрощавшись ни с кем, разве что бросив Томе: "Прощай".

В тот поздний осенний вечер шел сильный дождь. Том посмотрел на небо в надежде увидеть хоть одну звездочку или просвет, но тщетно. Накинув на голову капюшон своей короткой, темно-голубой куртки, он глубоким вздохом, вместе со свежим воздухом набрал запас терпения и понурясь двинулся в путь по безлюдному ночному городу. Метро закрывалось в час ночи, идти надо было еще долго, он прикинул и решил, что в принципе, чтобы успеть, нужно прибавить ходу. Весь путь под дождем ему думалось о многом, и самое больное, что жгло ему сердце больше всего, была мысль о том, как дешево стоила его боль и боль Тома, как дешево оценивались и распродавались его рукописи и ее картины, как низко ценились их ощущения и чувства по отношению к людям и их скромный вклад в великое искусство, ибо их боль, фактически и по природе своей, никогда не была собственной болью, это была боль за измученные и истоптанные судьбы и изуродованные, искалеченные души людей. Это была

жестокость жизни по отношению к ним. И как у Рильке "Чужие судьбы, став их судьбами, признав их, уводили за собою", так чужие судьбы становились и их судьбами, их болью.

Дождь усиливался, а до станции метро переть еще оставалось достаточно много.

Том часто вспоминал первые встречи и разговоры по телефону с Томой, вошедшие в обиход спустя десять лет после их знакомства, со дня неожиданно возгоревшегося между ними взаимного интереса, и с любопытством задумывался о причине взаимности, то есть ответственности ее интереса, о котором он мог лишь догадываться.

И тот "первый" разговор по телефону и то первое признание в том, что при знакомстве с ребятами она обычно старается показать и неизменно оказывается умнее их, а вот он оказался умнее ее, и, как результат, обычное приглашение к ней домой на партию "чешского дурака". И Том тщетно пытался объяснить ей, что ум не ставят обычно вровень с чувствами, что путь к рациональному лежит через чувственное, что умнее, очевидно, тот, кто уязвимее, трогательнее и чувствительней. Столь же решительным было отклонение Томом темы об интересе к ней, как к сексуальному объекту и о сексуальном вопросе вообще.

Тома, в данном случае, и вправду не волновал этот вопрос. Кроме того, его по сути академическое воспитание не позволяло ему воспринимать ее слова, ее речи и используемые ею категории вообще без ощутимого раздражения. Но душу человека, как он полагал, притягивает не разум, и не наоборот, а опять-таки человеческая душа. К тому же не в правилах Тома было судить о субъекте в целом по первому впечатлению. Нужны были раскопки, которые требовали, помимо преодоления расстояния, большого умения, тонкости, трудолюбия и терпения. Том принял приглашение.

И вот он уже был на пути навстречу приглашению, по которому его ожидала не одна только партия "чешского дурака". Разве что Богу и ему было известно, как он ненавидел карты, и в особенности игры такого рода, но...

В тот теплый осенний вечер ему пришлось проходить мимо расположенного рядом с ее домом сада, по-осеннему скромно красочного и прекрасного под вечерними солнечными лучами, переливающегося и переплетающегося красными, желтыми, желто-зелеными, зелеными и множеством других цветов и оттенков листьями. Неопишуемая и непередаваемая словами красота была огорожена со стороны улицы изгородью из крупноячеистой стальной сетки и ограждающая своих подзащитных от массивированных паломничеств.

Том с радостью обнаружил в себе еще одну причину, которая оправдывала его приход сюда. Эта замечательная причина перебила его мысли о невозможности истолкования и объяснения одним человеком другому человеку, людям и человечеству во всей их целостности и полноте той гаммы и совокупности ощущений и восприятий, которые испытываешь, и куда более проще согласиться с предположением собеседника или оппонента.

Очень остро осознавались несправедливость и жестокость судьбы и жизни, вызванные тем, что человеку, в его окружении, постоянно приходится по тем или иным причинам, в биологическом или социальном плане терять родных, близких, знакомых, а также друзей, и, как правило, потери всегда оказываются невозмещаемыми и невозполнимыми.

Замены не оказывается, как правило, никогда, во всяком случае равноценной замены, и все же Том с каждой потерей все яростнее и

неуемнее пытался восполнять поредевшее окружение новыми приобретениями.

Хотя этот процесс, как и многое другое в жизни, и не только для него, бывал избирательным, однако далеко не всегда защищенным и гарантированным от неудач, промахов и разочарований, что никак, тем не менее, не могло подавить в нем духа новых страстных поисков и открытий.

Об этом во всяком случае свидетельствовал опыт прошлого, отблески которого фрагментально и эпизодически всплывали разными временами-разными моментами и по-разному, с тем, чтоб вовлечь его, затянуть в себя, а затем потопить, вгоняя все глубже и глубже, в самые плотные слои своих недр, и он, подчас сознательно, поддавался им, но всякий раз забывал, как ему удавалось спастись и уберечься в случаях предыдущих..

За партиями "чешского дурака" ему часто приходилось слышать от нее, - как наедине, так и в присутствии окружающих,- уже обратное- что она во много раз умнее его, что он главный врач-гинеколог, и иную, сногшибательную и несусветную чушь. На всякого рода приглашения она отвечала сухими отказами, убеждая его, что он ей пара лишь в партии "чешского дурака", и не более. Так она всегда омрачала финалы их встреч, и он уходил.

И каждый раз его уход с очередным разочарованием знаменовался сильным дождем.

- Природа плачет дождем, когда ты ко мне приходишь,- трепетно и нежно произнесла Тома, осторожно задев ладонью его правую щеку, несколько раз погладив ее, а затем опустив свою ладонь на руку Тома.

Том не смог не ответить лаской на ласку. Он склонил приголубленную щеку и стал ею нежно поглаживать белоснежную руку мегеры. Но другие слои его сформировавшегося, как слоенный пирог, чувства к ней

подтолкнули его к мерзкой лжи, и это было частью чувства, зародившегося вместе с ним.

- Тома, прости меня,- пробормотал он,-я не могу не признаться тебе, что... - и в этот момент ясно почувствовал, как Тома остолбенела и похолодела, словно предчувствовала его последующие слова,- что я играл тобою и играл твоими и своими чувствами.

Эти слова сразили даже его самого, он пожалел было, что произнес их, но было уже поздно.

С чувством достоинства выдерживая этот разящий удар, Тома не растерялась и с внешней легкостью отпарировала:

- Я знала это давно, можешь не волноваться.

- Ты уверена в этом?

- Да, ибо я сильнее тебя и меня невозможно осилить и провести.

- Как? В таком случае играла со мною ты?

- Да, представь себе.

- Да, но я ведь солгал, решил проверить тебя, а ты...

На самом деле этими словами он давал ей пощечину, направляя на то, чтоб она опомнилась, прекратила свои игры.

Тут растерялась и пришла в полное смятение Тома.

- Одной из самых больших слабостей я считал в себе то, что никогда не мог играть со своими чувствами, обманывать их, точнее, наверно бы, смог, но не позволял себе этого никогда. Ты же сыграла на этом. Ну, что же, думаю, у тебя будет достаточно времени убедиться, что это не так.

Том распрощался и покинул ее. Он опять уходил побежденным.

В следующий раз он уже не отозвался на ее приглашение. Это была вечеринка в честь ее проводов, наутро она улетала за кордон, за границу, где и собиралась пробыть по возможности дольше. Там ее обещали устроить на

работу, обеспечить легкую, веселую, беззаботную жизнь. Отказаться от этого соблазна ей не удалось, хотя она считала себя, и клялась в этом Тому, стопроцентной кришнаиткой, для которой материальное якобы абсолютно ничто. Не удержали ее и просьбы Тома не уезжать, остаться с ним, и его обещание, что он купит ей здесь все то, что она пожелает и на что намерена там "наброситься".

- Нет, Том, посуди сам, это ведь несерьезно,- отвечала она,- я готовлюсь к этой поездке уже больше года, и сейчас, когда у меня на руках билет, когда меня там ждут... Вот приеду обратно, тогда посмотрим. Да и видишь...острота твоих чувств от того, что я уезжаю. Не было бы этого, все было бы иначе.

У Тома не оставалось более ни вопросов, ни интереса к ней. Все ее неведомые ему пути, были напрочь перекрыты, а ведомые - напрочь омрачены исходя из чего, он счел свое присутствие в аэропорту при ее проходах ненужным и даже никчемным, но правила приличия и этикета все же вынудили его поехать.

Перед выходом на посадку она, как и прежде, с привычной легкостью и простотой, кинулась ему в объятия, Том принял ее, но почувствовал, что это уже не он, а кто-то другой.

Лайнер, стремительно пробежав беговую дорожку, взметнулся со взлетной полосы, набрал высоту и покачавшись, помахал Тому крыльями.

- Вот так всегда,- подумал Том,- один их двух уходит и сама невозможность, как и неизбежность, бывают как субъективными, так и объективными.

Ожидала ли их встреча в будущем? Неизвестно.

Пока лайнер набирал высоту, сознание Тома упрямо отстукивало одну и ту же фразу: "Все к лучшему...мой друг, к лучшему".

Сердце отзывалось щемящей болью. Он удивлялся противоборству в себе разных чувств и задавался одним-единственным амбивалентным вопросом: "Как можно любить нелюбимое?"

04.1992

ОРГАЗМ

Истинная свобода-в свободе слова,
речи и письма-во взлете сердца.

На протяжении вот уже многих лет он с тревогой замечал в себе тщету и бессмысленность своих усилий, будь то на трудовом поприще, в семье или в общественной жизни, даже тогда, когда приходилось вкладывать в начатое дело максимум ума, усилий и сердца.

Нет, все-таки в жизни постоянно чего-то не хватало, чего-то недоставало, и поиски этого неизвестного, недостающего чувства и ощущения приводили его то в ярость из-за безуспешности поисков, то в усталость, опустошение и уныние вкупе с горечью безысходности и невозможности успеха этих поисков. Единственное, что озаряло его душу и придавало чуточку надежды, было то, что он ясно и четко отдавал себе отчет и был даже уверен, что путь к этому загадочному открытию самого себя проходит в области не биологической, а социальной.

Он знал, где искать, но что именно ищет, мог только догадываться.

Был убежден в смежности чувств биологического наслаждения с социальным, наконец молчаливо и настоятельно уверял себя в несомненности догадки о том, что если существует и фиксируется оргазм биологический, то неизбежен и неременен некий социальный, духовный оргазм, который, наподобие биологического, и даже в некотором смысле в еще большей степени, возможно, не испытывается многими из людей, даже проживших долгую жизнь.

- Нет, раз меня так волнуют и мучают, не давая покоя, мои мысли и поиски этого неизведанного, сулящие в некотором смысле нечто подобное радости открытия или общения с человеком, то это не может не завершиться отысканием этого чуда, не может труд моего ума и сердца, труд моей души пройти безрезультатно, как не оканчивается безрезультатно ни одно дело и ни один труд в жизни,- настойчиво и упрямо твердил и уверял он себя.

И словно в подтверждение его потуг и устремлений природа сжалилась-таки над ним. Он набрел на человека, с которым поначалу его почти ничего не связывало. Это была сотрудница из соседнего отдела, давно, оказывается наблюдавшая за его поведением, и однажды, в один прекрасный день, то ли в шутку, то ли всерьез, звонким полуголосьем бросившая ему в лицо:

- Послушай, чего ты все без толку мотаешься по коридорам нашего института? Ведь от простой беготни толку мало. Вот если б при этом ты еще крылышками взмахивал, тогда, глядишь, и взлетел бы,- и улыбнувшись.

Он был буквально сражен ее бестактностью и наглой, как ему показалось, выходкой, ибо она знать не знала о сложностях проекта государственной важности, заказанного Академией наук их институту, а уж последним-их отделу, в котором его опыт и знания играли далеко не последнюю роль. Вот и сейчас, когда он нарвался на ее приветствие, он торопился на совещание с директором института по поводу промежуточного отчета о проделанной работе и его руки были заняты кипами бумаг и форматов.

- Несмышленная дура и к тому же нахалка,-подумал он и, притормозив свой ход, задержал на ней удивленный взгляд, вслед за чем отвел его в сторону, не отозвавшись, прибавил шаг.- Так мне и надо! Нечего держаться дружеского тона в общении с малознакомыми. И чего она нарывается?

Вечером, в состоянии очередного приступа меланхолической хандры из-за отсутствия электричества, газа, радио, передач телефонного сообщения и воды, он перебирал в памяти все подробности столкновения с "нахалкой", удивившей и поразившей его воображение. Между тем, ничего, могущего дать ей повод к подобной выходке, не обнаруживалось и не вспоминалось. И его все больше удивляло и поражало еще и ее как бы ясновидение, верней, еговидение. Она словно сидела в его мыслях, участвовала в его заботах и муках, и эта ее фраза оборачивалась для него словно бы советом и выходом.

- Да, но если это даже и так, то как?- задавался он въедливым вопросом.- Легко сказать! Взмахни крыльями и взлетишь! Но как?

Ему вспомнился ответ Микеланджело на вопрос, как ему удастся создавать такие шедевры: "Нет ничего проще, берешь камень и отсекаешь лишнее посредством молотка и зубила". Bravo, bravo! Конечно же, чрезвычайно просто и гениально. Пояснение великого мэтра ему очень нравилось.

К великой радости и удивлению в тот вечер дали на некоторое время свет. По "останкину" передавали разбор одного из последних кинофильмов-шедевров маэстро Кончаловского, на тему жизни села в первые годы перестройки.

Особенно резануло ухо выступление одного сельского труженика, который выбранил маэстро за то, что тот полностью искажает жизнь села и его обитателей, остерег его и напомнил, что те кормят и поят его.

- Спасибо,- ответил маэстро,- я вас тоже.

И вот тут-то открылись шлюзы, тут-то и хлынула вода, тут-то и ощутил он прилив необычайной энергии и силы, тут-то душа и принялась разгоняться все с большей и большей скоростью. Ну конечно же,- bravo, ей-Богу, bravo!- ну конечно же и вы тоже кормите и зрителей и всех людей, и

даже, я бы сказал,- подчеркивал он про себя,- не и вы тоже, а вы, и только такие, как вы, в первую очередь, кормят людей. Это ведь и есть пища души и ума, столь же необходимая для жизнедеятельности организма всякого разумного существа, как и еда для желудка. Ай да, маэстро!- восхищался он, меж тем, как душа его продолжала набирать скорость, и ему представилось, будто она разбежалась по некой взлетной полосе...тут вдруг, неожиданно вспомнилось о встрече с нахалкой и в его мыслях подсознательно промелькнуло: а что, если и в самом деле попробовать? И не успела мысль оформиться и закруглиться, как самопроизвольно, откуда ни возьмись, выпустила из-под себя огромные крылья, несколько небольших взмахов, и, о чудо! Свершилось! Душа оторвалась от взлетной полосы и взлетела. Она еще набирала высоту, когда он с неземной радостью констатировал: есть, есть, черт побери, есть социальный оргазм, и я его только что испытал!

Недолго пришлось ждать, и свет отключили, но и в темноте и холоде душа продолжала парить в небесах, в один миг перед ним открылись все двери, в которые он так неистово бился головой и до сих пор никак не прошибал.

И в темноте он отыскал и увидел столько света и красок, цветов и оттенков, сколько не видел нигде и никогда в жизни.

В этот холодный вечер он ощутил столько тепла и жара, сколько, казалось ему, не испытывала ни одна планета. Он загорелся неудержимым желанием как можно быстрее встретиться с "нахалкой" и поблагодарить ее за ту радость, которую она подарила ему. Весь вечер, ночь и следующий день до очередной встречи с ней он был одержим какой-то небесною радостью, душа его мурлыкала, а в сердце звенела сладостно-радостная мелодия.

- Привет! Знаешь, я люблю тебя...- выпалил он "нахалке" тотчас после того, как налетел на нее по обычаю в коридоре института.

И не успев договорить, был остановлен.

- Что?-изумленно протянула она от неожиданности и растерянности и после недолгой паузы добавила, с повышением голоса.-Дурак!

И, сделав резкий отворот-поворот от обидчика, разгневанная, направилась в канцелярию, заноса на подпись текущие документы.

Ее последнее словцо привлекло внимание нескольких сотрудников, стоящих в конце коридора и изумленно косящихся в их сторону.

Ему пришлось, стыдливо отведя от них взгляд, удалиться в противоположную сторону, печально согласившись: и вправду дурак!

Вспомнились и советы, вычитанные когда-то из некой брошюры о том, что, если хочешь кого-то унижить, оскорбить и в особенности до смерти напугать, нужно обратиться именно к этому слова.

- Какая чушь!-отмахнулся он. Крылья, как-то сразу, разом, вмиг подсеклись, и он свалился куда-то вниз, словно в дерьмо.

- Теперь я знаю и то, для чего нужно взлетать,- подумал он с усмешкою и ехидцей.

12/13.12.1994

КРИЧИ, МОЙ ДРУГ, КРИЧИ, АВОСЬ, КТО И УСЛЫШИТ

Утро рабочего дня на вокзальной площади выдавалось довольно-таки живым и бойким. Люди, спешившие на работу, в быстром темпе, хаотично передвигались по разным направлениям, едва, с немалым трудом, умудряясь обходить друг друга, чтобы избежать столкновения.

Наиболее удачливым удавалось успеть занять в автобусах и троллейбусах если не сидячие, то стоячие места, менее удачливые повисали на открытых задних или передних дверях, а то и на задних стенках или крышах троллейбусов.

Вошедшим с задней площадки должно было успеть до своей остановки протиснуться сквозь сдавливающую со всех сторон людскую толпу, подобно тому, как синьору Робинзону пришлось пройти между качающимися на веревках огромными каменными глыбами в известном фильме "Синьор Робинзон". Те, кому удавалось проделать это, и к тому же остаться невредимым, выходили через переднюю дверь, оплачивая водителю как проезд, так и утреннюю мини-эротическую разминку.

Но это было лишь начальной стадией отправления на работу, в заключительной же следовало после выхода из транспорта успеть добежать: служащим до своего учреждения, дабы вовремя расписаться в журнале явки, закрывавшемся ровно в девять, а студентам- до звонка на лекцию в аудиторию. После звонка входные двери одного из головных институтов страны плотно закрывались и охранялись комсомольскими активистами, не пускавшими опоздавших однокашников в аудитории, и открывались уже через лекцию, то есть через полтора часа.

В фойе, большом зале с колоннами, собралось множество студентов. Активисты составляли списки пропустивших первую лекцию.

- Дудочки вам, не дождетесь,- произнес Стас и рванул на улицу к известным ему обходным подступам в здание института.

Проникновение в запасной, открытый для него, вход отняло немало времени, но ему удалось-таки попасть наконец на лекцию.

Он остановился перед входом в нужную аудиторию. Из-за двери слышались шумные переговоры лектора со студентами.

- Опять они над этим несчастным стариком издеваются,- подумал Стас и пригладил перед входом в аудиторию шевелюру.

- Верните мне мою тетрадь с записями о посещаемости и успеваемости вашей группы,- настойчиво требовал пожилой фронтовик Матвей Николаевич.

- Матвей, мы у тебя ее не брали,- отвечали наиболее озорные ребята, - лучше поищи-ка ее у себя.

Стас попросил разрешения войти и сесть за парту, на что получил одобрение лектора в виде кивка головой.

Пока Стас приходил в себя, тяжкий и шумный торг между лектором и студентами продолжался.

- Вы все антисоветчики и антисовысуки,- выносил вслух обвинение разгневанный лектор.

- Матвей, как тебе не стыдно говорить про своих студентов такое,- возражала ему молодежь.

- Бездельники, верните мне мою тетрадь,- добивался своего лектор.

Общий журнал успеваемости и посещаемости, который хранился у старосты группы и который тот обязан был предъявлять каждому лектору перед началом занятий, Матвей Николаевич почему-то не признавал, больше

доверял своему журналу и своим записям в нем, которые студенты спокойно давали ему вести в течение семестра, а под конец, перед сессией, из-за скапливающихся в нем отметок о пропусках и неудовлетворительных оценок знаний и поведения, неизменно похищали, что Матвей Николаевич всякий раз очень больно переживал.

Один из наиболее ретивых студентов, поднявшись на ноги, произнес короткую речь:

- За недоверие к студентам от их имени Матвеем Николаевичу объявляется устное общественное порицание,-подхваченную всей группой:

- У-у... у... сука!

Матвей Николаевич в продолжение речи нарочито молчал, заостря свой слух и давая студентам возможность до конца изложить свое о нем мнение.

- Шумит зармацука¹,- громогласно, с довольной улыбкой наконец отзывался он.

- Ребята, кончай издеваться над старым человеком,- категорично потребовал Стас, приподнимаясь с парты.

С разных концов аудитории ему отвечали разные голоса.

- Стас, это еще надо уточнить, кто над кем издевается.

- Кончай, Стас, ты ведь прекрасно знаешь, что если нам не трогать его, то он будет трогать нас и приставать к нашим девочкам.

- Все равно, кончайте базар!- потребовал Стас.

На некоторое время воцарилось некое относительное спокойствие, словно студенты соглашались предоставить Стасу еще одну возможность доказать свое утверждение.

¹ зармацука, зармаци - на грузинском - лентяй

Матвей Николаевич в недоумении оглядывался по сторонам, словно не мог поверить в воцарившуюся тишину. Он встал и не торопясь двинулся между партами, пока не подошел к сидящим в задних рядах девочкам-студенткам и не стал с недалекого расстояния вглядываться в них и подмигивать. Девочки смутились, покраснели и, как одна, потупились.

- О-о...- протянул Матвей Николаевич.- Анашидзе! Вы курите анашу, девочки? У вас такой взгляд.

Девочки смутились окончательно.

- Матвей Николаевич, что вы себе позволяете? - перебил лектора Стас.

- Верните мне мою тетрадь, антисовысуки, враги, предатели и сокрушители Советской власти.

- Матвей, чего это тебе все время враги и разрушители Советской власти мерещатся. Эти времена давно уже прошли и канули в вечность. Наше поколение давно живет в эпоху развитого социализма,- с откровенной и искренней твердостью пояснял один из студентов.

- Ваше поколение и такая молодежь представляют большую опасность для Советской власти, которую вы можете разрушить, если вас вовремя не проучить,- растолковывал в свою очередь Матвей Николаевич с уверенностью и твердостью в голосе,- вот я вас и проучу.

Курево и анаша почему-то были его излюбленной темой, и студенты знали об этом.

Вдруг из-за распахнутой снаружи ударом ногой двери аудитории вломился и подбежал к кафедре, за которой лектор начал было читать очередной небольшой отрывок своей лекции, один из студентов, бросился перед ним на колени и, соединив вместе ладони рук, занял умильнейшую позу.

- Матвей,-обратился он к лектору,-будь другом! Ты старый фронтовик, очевидец и участник двух войн и член партии, обладатель орденов...- Далее пошло перечисление регалий, достоинств, наград, заслуженных им, и старый лектор с большой радостью и удовлетворением выслушивал этот перечень, недоумевая, как и откуда мог студент владеть столь ценной информацией и начисто позабыв, что почти на каждой лекции останавливался на о своих достижениях и заслугах перед партией и правительством.

- Ну, говори, чего тебе?-решился он наконец перебить поток сведений.

- Матвей, умоляю тебя, как брата,- с завидным актерским мастерством упрашивал студент, не вставая с колен. - У меня анаша, и за мной гонится милиция. Возьми и спрячь анашу у себя. Тебя, старого партийца, никто никогда ни в чем не заподозрит.

- Нечего,- с горделивой и самодовольной улыбкой отклонил мольбу старый лектор,- вот арестуют тебя, отсидишь свое, а потом вернешься и сдашь мне экзамен. Экстерном тебя приму, и закончишь свою учебу в институте.

- Ну тогда, если спросят, скажите про меня что-нибудь хорошее, ладно?- продолжал настаивать все еще стоящий на коленях студент, конечно же, ничего общего с вышеназванным куревом не имевший.

- Верните мне мою тетрадь,- настойчиво повторял свои требования Матвей Николаевич, направляясь к двери, - а иначе я пойду сейчас в деканат и обо всем расскажу декану.

Несколько студентов с перепугу подскочили со своих мест, окружили лектора тесным кругом, взяли за руки и пустились водить хоровод.

- Разомкнитесь!- требовал Матвей Николаевич и только было нагнулся, чтоб проскочить под руками студентов, как они приседали и ему не удавалось вырваться из окружения.

- Пустите меня, не то я позову милицию!-пригрозил он.

- Иди и зови,-согласились студенты и подпустили его к открытым окнам, выходящим на улицу с двусторонним автомобильным движением, ревом моторов, сирен и сигналов, заглушавшим любые возникавшие рядом звуки.

- Милиция, милиция!- тщетно выкрикивал Матвей Николаевич.

- Кричи, мой друг, кричи, авось кто и услышит,- успокаивал его голос из аудитории.

Матвея Николаевича спас прозвеневший звонок на перемену, после которой он возвратился в аудиторию вместе с деканом.

Через десять лет опасения и подсознательные предсказания Матвея Николаевича сбылись, Страна Советов прекратила свое существование, а еще раньше не стало самого Матвея Николаевича, который то и дело с большой уверенностью заявлял, что будет жить долго и чуть ли не до трехсот с лишним лет.

Почти в каждой стране, выкроенной из большого Союза, прокатились волны национально-освободительных движений. Всю существующую ранее систему внешних и внутренних государственных связей и структур удалось разрушить очень быстро, налаживание же и строительство новых давалось с большим трудом.

Страна начала впадать в черную полосу, в эпоху экономического, физического и морального кризиса, в эпоху великих смут и перемен, вся тяжесть которых ложилась на плечи народа.

Весь основной костяк Стасовой группы в наихудшем предчувствии будущего пошел разъезжаться и подаваться кто куда. Те же попытки принялись предпринимать и его школьные друзья. Понемногу стала всплывать проблема диалога. Все более проявлялся и дефицит общения, не к кому было пойти и не с кем поговорить. По работам прокатились несколько

волн сокращений, росла безработица, оставались пустячные работы с мизерными зарплатами и урезанными штатами, резко сократилась рождаемость, приостановился прирост населения. Страна подала крик о помощи, но долгое время помощи ждать было неоткуда.

Большой внутренний профессиональный патриотизм не позволял Стасу распрощаться с работой в одном из научно-исследовательских институтов, хоть он и был территориально перенесен в другой конец города, а зарплата снижена до минимума, несмотря на существенные сокращения в отделе.

На работу, как туда, так и обратно, от ближайшей станции метро надо было идти в среднем темпе около часа. Транспорт не ходил никакой. А в случае поездки на автобусе, после конечной остановки требовалось пойти длинными обходными путями. Хождение на работу уже не могло быть оправдано ни по каким параметрам.

Если что-то еще и удерживало Стаса на работе, так это нежные отношения с Кэтрин, которые он вот уже несколько лет тщетно пытался перевести в желаемое ему русло. Кэтрин и не поддавалась полностью его намерениям, и не отвергала его, а просто пыталась всеми силами затянуть некую паузу.

- Чего тебе еще надо?- спрашивал Стас, проходя с Кэт мимо небольшой кукурузной делянки.

Кэт долго молчала, неудачно пытаясь справиться с внутренним смехом.

- Чего, чего?- отвечала она.- Вон кукуруза. Лучше пойд и сорви несколько початков.

Пока Стас выбирал мягкие початки, Кэтрин заметила, как из гущи культнасаждений медленно выходил хозяин посевов.

- Осторожно, он идет на тебя,- с перепугу едва слышно пролепетала она.

Стас без волнения и спешки продолжал свое дело.

- Ну, вот, подловил я тебя,- довольным тоном произнес хозяин урожая.

- Подловил, подловил,- согласился Стас,- у тебя, братишка, что, понятия нет, девчонка моя попросила три-четыре початка, и за это ты собираешься со мной поругаться?

Хозяин оторопел от неожиданного вопроса, но, тут же собравшись и спохватившись, ответил:

- А ты знаешь, сколько тут приходит таких, как ты. Этак мне ничего не останется.

- Ладно, ладно! Может, тебе заплатить немного?

- Ладно уж, идите с миром.

Подходя к мосту через реку, Кэт вдруг предложила:

- Знаешь, Стас, так и быть, пойду я с тобой на рыбалку. Скажи только, когда.

Эти слова, услышанные от нее в любое другое время, доставили бы ему радость и удовольствие, но сейчас он почему-то воспринял их без энтузиазма.

"Рыбачу почти всю жизнь, с восьми лет,- думал он,- а в последнее время все забросил, поди теперь отыскивай и приводи в порядок снасти, да еще на двоих".

Но не это было сейчас главным. Многолетняя осада Стасом крепости наконец-то принесла свои результаты. Эти слова он счел за капитуляцию, за белый флаг на башне.

В ознаменованье победы он самодовольно улыбнулся.

- Смотри, Кэт,- показал он рукой,- там, на том берегу, два аиста-пеликана.

Кэт улыбнулась, увидев красивых больших и длинноногих птиц.

В этом месте города русло реки было заметно расширено, и на нем появилось множество живописных крохотных островков.

- Давай спустимся,- предложила Кэт.

Сбегая по спуску к островку русла реки, Кэт поскользнулась и покатила вниз. Стас не растерялся, принял ее в объятия, но не смог удержать, и они оба со смехом понеслись кубарем к берегу.

- Какие у тебя красивые ножки,- произнес Стас, оказавшись вместе с Кэт в нижайшей точке падения.

Кэт быстрыми движениями рук прикрыла юбкой обнажившиеся коленки.

- Не смотри,-сурово приказала она.

- Что это у тебя за шрам на правой ноге?-спросил Стас, положив поверх юбки руку на ее ногу выше колена.

- В детстве обожглась утюгом,- строго отозвалась Кэт, убирая его руку со своего бедра.

Они провели еще некоторое время вместе на одном из чудеснейших островков реки.

- Какие тут дивные заводи,- удивлялся Стас,- может, и вправду стоит прийти сюда порыбачить?

С островка они выбирались, переполненные чувством радости от красоты окружающего.

Кэт некоторое время ждала обещанной Стасом рыбалки с удочками в облюбованных ими затонах. Но Стас почему-то медлил. Ему больше хотелось общаться с ней не там, а в других местах. Она по-прежнему сопротивлялась его желаниям, и максимум, на что соглашалась, да и то под некоторым прессом и давлением, так на прогулки по центральной улице города, которые почему-то, так уж в большинстве случаев получалось,

происходили в присутствии ее подруги Риты. Эти прогулки, как правило, превращались в походы по магазинам, где он часто чувствовал себя третьим лишним.

- Ну вот, тебе надо было этого?- спрашивала Кэт.-Ты доволен?

- Дурак,- обзывал себя молча Стас, -двигайся в том направлении, где движение открыто, куда она тебя пропускает.

Перетягивание каната ситуаций между ними продолжалось в том же русле, что было и прежде до этого.

Стас не переставая терзал и мучил себя обуревающими сознание мыслями.

- Боже праведный, услышит ли наконец меня, мой крик хоть кто-нибудь на этой земле? Поймет ли меня, захочет ли выслушать? Я ведь уже столько лет молча кричу во всю глотку... выбился из сил, изнемог. Боже, во что превратился мир, некогда сотворенный тобой! О чем еще говорить, когда в таком страшном дефиците пребывает элементарная человечность. Люди не хотят жить по установленным тобою законам. Они по-своему устроили жизнь на Земле. И она бьет их методично, разнообразно и изобретательно, а потом они сами же жалуется на нее.

- Устал я от всего, от жизни. Постарел уже, что ли?- сетовал Стас.

- Странно, что об этом говоришь именно ты,- удивлялся Дик.

- Пойми, Дик, нет плохих и хороших людей, есть лишь такие обстоятельства. Но исконная природная человечность исчезает. Меняется социальный генотип человека.

- Стас, мой тебе совет, не мудри и не усложняй свою жизнь. Все это, поверь мне, ни к чему. Тем более в наше время. Живи, как все, проще.

- Нет, Дик, это не то.

- Баба тебе нужна хорошая, Стас, вот и все! Она поможет забыть о всех твоих старых проблемах, хоть и прибавит новых. Бери себе Кэтрин, что ты мудришь? Девка что надо.

- Бери, легко сказать,- подумал Стас,- ничего из того, что хочешь, в этой жизни взять нельзя, невозможно. Лишь она сама может дать, равно как и отнять. Как ты не можешь, Дик, этого понять? Один любит другого, другой - третьего, третий - четвертого и т.д., и т.п., и пошло и поехало... А взаимность - это удел удачливых и счастливых. Любой из двоих один, - второй в лучшем случае лишь позволяет любить.

- Да, что ты в самом деле, Стас, ты что, рехнулся на ней? Что ты с ней возишься? Заманил, приласкал, трахнул- и все дела! Никуда она от тебя не денется. Ну, подумаешь, поначалу поплачет немного, а потом успокоится.

- Не смей никогда так говорить о ней! Слышишь?- свирепо накинулся на Дика Стас, приподнимая его за борта пиджака и изо всех сил потрясая.

- Ну, хорошо, хорошо! Полно тебе горячиться. Пошутить, что ли, нельзя?- сопротивлялся Дик.- Ладно, тогда мы поможем тебе похитить ее. Сейчас это модно. Ну, ведь надо же, черт возьми, что-то делать!

- Дик, пожалуйста, уйди, оставь меня, ради Бога, в покое. И если хочешь остаться мне другом, никогда не заговаривай со мною об этом!

Дик молча отвернулся от Стаса. Помолчал немного, собрался уходить. Дорогой, что-то вдруг вспомнив, остановился, немного подумал, повернулся и пошел назад к Стасу. Осенившая его идея, однако, сопутствовала ему недолго. Так же вдруг он остановился. Плюнул от злости на землю. Жестом разочарования от чего-то отряхнулся и решительно повернул обратно - нет, бесполезно и это.

- Может, Стас и прав, когда говорит, что никто никому в жизни, по большому счету, помочь ни физически, ни морально, да никак, наконец,

помочь не может, не в состоянии,- думал он.- Тогда что же? Выходит, как у французов, каждый сам себе не только лучший слуга, но и помощник? И никто никого не в состоянии понять до конца. Ибо для этого каждый должен пройти именно то, что прошел тот, которого желают понять.

Нет, видать, это не всегда отзывается тем, кто вышел звать или бросаться на помощь. И не винить нельзя метели за то, что с красавцев тополей листья улетели. В жизни и впрямь все легко и просто, и в то же время все не так просто и легко.

До того, как завернуть в переулок, Дика на высокой скорости обошла скорая помощь с ошеломляющей слух сиреной и истерично вращающейся голубою мигалкой.

Вскоре он заметил впереди плотную толпу людей. С тревогой приблизился к толпе.

- Что случилось?- переговаривались прохожие.

- Да говорят, молодого парня ножом зарезали.

- Кто? За что?

- Да черт его знает, разве поймешь? Теперь сплошь и рядом такое.

- Не слышали, говорят, в продуктовом фрукты свежие получили?

- Нет. Да ну их, с утра стоял за маслом и сахаром, и хватит с меня.

Наизнанку все нервы.

- Да, с нервами теперь у всех туговато.

- Вот вчера возился целый день в профилактории. Там нужно было кое-что сделать в машине по электропроводке, и работы было не столь уж надолго. Сперва ждал, пока мастер возился с одним, потом и со мной поваляндася несколько минут. Самое трудоемкое из того, что он сделал, так это соединил два толстых провода. И что вы думаете- взял за эту работу четвертак!.

- Да, такие они все, оттого и живут лучше нас.

- Да! Дальше, стало быть выезжаю на набережную, сворачиваю на зеленый свет. Останавливает гаишник, двое их было,- и что вы думаете?- предъявляет обвинение, что проехал на красный, создал аварийную ситуацию и совершил злостнейшее преступление. Ну, это уже было за пределами любой справедливости и любого терпения. Но свою справедливость и правоту никак доказать не смог, и все из-за того, что он вздумал выманить у меня червонец. Да пусть они подавятся им! И не надо мне было с ним спорить, только напрасно потрепал себе нервы.

- Так вот! А что же им остается делать? Жизнь и работа ничего им не дают, вот они и отбирают и отнимают все, что могут, насильно. Пропади пропадом насилие и все, кто к нему прибегают.

Стас выбрался из толпы и покинул место происшествия. Он шел по направлению к спуску на набережную и собирался перейти через мост, чтоб попасть в ту часть города, что находилась на противоположном берегу городской реки.

На мосту и под мостом, вдоль набережных обоих берегов, за пешеходной частью располагались неутомные рыболовы, ловко орудовавшие своими снастями- разными спиннингами и закидушками.

- Как можно в такой грязной реке ловить рыбу?-недоумевал Стас,- Такая вода в черте города может заразить человека какой угодно болезнью.

Один из рыболовов, удивший с моста, выволок из рюкзака трехлитровую стеклянную банку с пластмассовой белой крышкой и с хаотически двигающимися под ней черно-коричневыми существами.

Подойдя поближе, Дик взгляделся в содержимое банки. Несчастными пленниками горе-рыболова оказались насекомые одни из самых чистых - тараканы, большие черные и коричневые с длинными усами. Создавалось

впечатление, что они прекрасно понимают причину своего заточения и потому так панически торопливо мечутся по дну банки и друг по другу. Да к тому же наверняка всякий из них кричал во все горло и что было мочи, взывая о помощи и спасении и надеясь, что их крик услышат хотя бы другие сородичи, копошащиеся на расстоянии слышимости их взываний, к тому же тем самым предупреждая их об опасности и предостерегая от собственной участи. Они кричали, но крика их никто на свете не слышал и не только не помышлял об их спасении, но даже не выказывал сожаления.

- Безнадежная мольба о спасении,- думал Стас, -нас, людей, наверное не слышит также никто, как и беззвучные вопли несчастных созданий, заключенных в стеклянный плен.

Хозяин банки браво отвинтил пластмассовую белую крышку, извлек со дна банки крупного черного усача, разрезал его маленьким ножичком пополам, одну половину бросил обратно в банку, другую нацепил на мощный крючок своего спиннинга и закинул его с моста в реку.

- На них отлично идет крупная рыба,- пояснил, улыбнувшись Стасу.

Стас был все еще под впечатлением виденного. Восстанавливал в памяти в замедленном темпе, как рука опускалась на дно банки, шарила в поисках добычи, нагоняя на несчастные и обреченные существа смертельную панику и вызывая переполох. Каждое инстинктом улавливало, что до конца дня чаша сия не минует и его, но всеми силами пыталось хоть сейчас, хоть в данный момент увернуться, хоть на капельку отдалить свой конец.

- Какая разница уйти минутой раньше или позже, если этой участи вообще избежать нельзя.

Стас перешел мост и направился было к ближайшей станции городского метрополитена. Поднял взгляд на небо и подловил и в нем подтверждение своей мысли о сходстве участи человека и виденных обреченных существ.

- Кого и когда приберет к себе смерть, нам знать не дано. Ей до лампочки и стар и млад, сильный и слабый, умный и глупый. Все одно, одинаковая добыча! И мы обречены, хоть и, на манер тех существ, копошимся, барахтаемся, надеемся, что роковой час пробьет не для нас, не сейчас, когда-нибудь после, в далеком-далеком будущем, а быть может...

Вдруг, чуть не с другого конца города, донесся дикий, отчаянный мужской крик, почти вопль. Крик сотряс город еще несколько раз. Стас узнал голос.

- Ну, вот, - поморщился он, - опять беднягу Арчила принуждают кричать за деньги. Любопытно, что ему нынче заказали? Надо будет спросить у ребят.

Вечером, кое-как обмывшись чуть не совсем холодной водой, Стас потягивал приготовленный ему сестрой горячий кофе и покурил любимые "Мальборо".

- Чего ей, интересно, надо еще, - неотвязно преследовала его мысль о Кэт. Ясно одно, одной любви ей слишком мало. Эти нынешние девчонки хотят получить все готовым, а своим трудом создавать ничего не желают. Как она согласилась было на мое предложение, в случае, если ей достанется машина моего папеньки! Господи, да если бы она только знала, какая это развалюха. Но, как правило, нутро их не интересует. Главное для них, что в мужчине, то и в машине, - внешность. Они мигом могут дать согласие за внешность, а потом всю жизнь в тяжелейших муках расплачиваться за нутро! И только в последние, предсмертные годы открыто признать: "И на кой черт мне нужна была его красота?" Впрочем, и мы, мужики, не далеко

ушли в этом от баб. Знаем, понимаем, сознаем, что внешность обманчива, однако же неумолимо стремимся к этому сногшибательно. Ну обманы, секунды и минуты сегодняшнего блаженства заслоняют от нас нестерпимые муки в течение всей оставшейся жизни.

- Что? - отзывался Стас несговорчивому внутреннему голосу.- Можно разойтись с человеком официально или неофициально?! Блеф все это! Никому еще в этой жизни ни от кого уходить не удавалось. Все равно некое, вроде бы оставленное биополе будет преследовать до последнего вдоха.

В передней вдруг зазвонил телефон.

- Стас, привет еще раз! Ну, как ты добрался?

- А, это ты? Да ничего.

- Слышал крик в городе?

- Да.

- Опять мучили беднягу Арчила. Должно быть, у Ираклия на работе зарплату давали. Иначе зазря он бы кричать не стал.

- Возможно.

- Надо будет к нему навеститься.

- Пожалуй.

- Что с тобой происходит? Тебе что, дополнительная зарплата уже не нужна? Или ты опять думаешь все о том же?

- Не надо, Дик.

- Ну ладно, ладно! Договорюсь с Ираклием и, если не перезвоню тебе, завтра утром встретимся у него на работе, идет?

- Добро.

Наутро рабочие и служащие строительного управления собрались во дворе в надежде получить хоть какую-то часть зарплаты за работу, выполненную полтора месяца тому назад. Заказы искали по всему городу,

зачастую копеечные, ничтожные, но выплат и за них приходилось дожидаться месяцами.

Полоумный Арчил, окруженный хохочущими весельчаками, мастерски и изящно отплясывал некий заморский танец.

- А теперь взвой по-волчьему!- заказывал ему один из толпы,- вот тебе за это пятак.

Арчил завывал.

- Ишь, что вытворяют,- недоумевал Дик, показывая взглядом в сторону весельчаков,- хорошо, хоть волки не слышат, а не то бы в ответ заговорили по-человечьи.

Стас был полностью обескуражен представшей взору удручающей картиной человеческого падения - потешались самозабвенно и до упаду.

- Ребята, айда сюда! Очередь за зарплатой подошла,- позвал с порога конторы Ираклий.

- Ира, ты погляди, чего они вытворяют,- бросился к нему Дик,- как-нибудь останови их.

- Да ну! Видишь, всем нравится. Первый раз, что-ли? Арчил не только у нас, но и в других местах зарабатывает этим же самым!

- Интересно, как это он узнает, где, у кого и когда выдают зарплату?- вмешался Виктор.

- А кто его знает,- отшутился Ираклий,- должно быть, своя агентурная сеть!

- Держу пари, зарабатывает куда больше, чем каждый из нас,- убежденно воскликнул Дик,- собирает с миру по нитке.

- Умеет жить!-заклучил Виктор.

- А за что ему вчера пришлось вопить на весь город?- поинтересовался Стас.

- А...а! - протянул с усмешкой Ираклий.

- Ладно, ребята, пошли, а то кассир уже нас заждалась,- поторопил Ираклий.

- Нет, ты сперва ответь на вопрос,- настаивал Дик.

- Не знаю! Вчера меня здесь уже не было, но ребята говорят, что его якобы попросили представить, как бы он кричал, если бы за ним гналась в лесу толпа голых мужиков, пытающихся его изнасиловать. Вот он, видимо, представил себе во всей красе эту картину, и так заорал, что содрогнулся весь город.

Ребята, пересмеиваясь, дружно направились к кассе.

Арчилу в тот день пришлось выполнить еще многое множество заказов на радость потешающимся над ним и так толком и не понявшим, что измываются они прежде всего над самими собой. Поддразнивали Арчила, а Арчил в свою очередь забавлялся их смехом и шуточками.

На конечной станции одной из ветвей городского метрополитена было попеременно многолюдно. Суетливые люди с озабоченными лицами торопливо покидали вагоны поезда и устремлялись к эскалатору. Толпа на противоположной стороне терпеливо ждала появления пустого поезда из депо. Электронные часы над тоннелем у въезда поезда в темный путевой лабиринт, казалось, отсчитывали время в два раза торопливей обычных.

Стас посматривал то на них, то на поток выходящих из вагонов, высматривая знакомое лицо.

- Опаздывает,- подумал он, обратив взгляд теперь уже на свои ручные часы.

Там, где он сейчас стоял, в верхней части эскалатора, в фойе станции, располагалось множество киосков, будок и просто прилавков с многочисленным ассортиментом товаров самого различного назначения.

У киоска печати он уже успел пробежаться по главным, лицевым страницам многих газет и журналов и теперь стоял перед витриной будки с разнообразной бижутерией. При виде колец, сердце его всколыхнулось.

- Ну, сколько можно тянуть лямку,- подумал он и почему-то вдруг, на ходу, принял соответствующее, необходимое, по его разумению, и верное решение,-надо в конце концов решать так или эдак!

Радостный от совершенной покупки он с удвоенным удовольствием сошел по эскалатору дожидаться ее появления в нижнем зале.

И вот наконец, когда из вагонов вывалилась очередная густая толпа и стала быстро растекаться и растворяться, словно гриб, возникло знакомое очертание. Это, несомненно, была она. Их взгляды встретились.

- Вот если бы удалось устроить ее сейчас на работу, как было бы здорово!- подумал Стас,-Появились бы дополнительные средства к существованию.

- Ничего не поделаешь,- мысленно продолжал он.- Каждый стремится к тому, чего ему больше всего не хватает...кто к силе, кто к власти, кто к любви, кто к деньгам...Но где искать узловые точки пересечения человеческих судеб и жизней? Где они сходятся всего лишь один раз, и то для того, чтобы разойтись.

Друзьям Стаса, с которыми он связывал возможность работы для Кэт, она в принципе понравилась, хотя отсутствие у них свободного компьютера, на котором можно было бы работать бесперебойно и беспроблемно, немного остужали и сдерживали ее собственный пыл.

- Посмотрим,- многозначительно отвечала она, идя уже по прилегающей к месту новой работы просторной аллее центральной улицы одного из районов города,- как появится заказ, буду звонить им и время от времени навещать.

Они шли медленным, неторопливым шагом. Два порыва боролись сейчас в душе Стаса и волновали его, словно море под ветром. Он долго мешкал, но под конец решился.

- Знаешь, Кэт, у меня для тебя необычный подарок.

- Да? Ой, как хорошо,- обрадовалась Кэт.

- Да, но, чтоб его получить нужно выполнить определенные требования.

- Да? Какие же?

- Надо закрыть глаза, в мою сторону протянуть правую руку, и не открывать глаз, пока я не разрешу. Хорошо?

Кэт, не дослушивая, уже принялась с радостью выполнять его наставления.

Пока Стас возился в своих дремучих карманах в поисках только что купленного подарка, Кэт с закрытыми глазами, медленно продвигаясь вперед, натолкнулась вдруг на дерево и слегка ударилась об него головой.

- Ой, да нет же!- воскликнул Стас.- Я тебя вовсе не просил бодаться с деревьями! Сильно ушиблась?

- Нет, ничего,- успокоила его Кэт, касаясь своей маленькой головки тонкими пальцами и небольшой ладонью левой руки. Правую же продолжая держать в полувывитянутаом положении.

- Ну, вот, а теперь закрой глаза снова,- повторил свою команду Стас.

Кэт почувствовала прикосновение сильных рук Стаса и то, как по одному из пальцев ее правой руки скользнуло кольцеобразное тело.

Она вдруг затрепыхалась от неожиданности и стала сопротивляться, вырывая свою руку из рук Стаса. Стасу пришлось применить слегка силу.

- Все, ты теперь моя навсегда!- произнес он с облегчением, довершая натягивать на палец Кэт недавнее приобретение.

Кэт продолжала сопротивляться и вырываться.

- Ладно, ладно, успокойся! Скажи хотя бы, подходит оно тебе по размеру или нет.

- Да, да, подходит, пусти меня!- отталкивалась Кэт.

Она мгновенно сдернула кольцо с пальца, опустила его в карман и явно была в замешательстве.

- Прости меня, но ты мне не оставляла никакого иного выбора! С одной стороны, играешь со мной в кошки-мышки, а с другой- напрочь отказываешься от всех моих солидных приглашений и предложений.

Кэт продолжала идти молча.

- А если я откажусь?

- Тогда выкинь кольцо и не возвращай его мне.

- Не думаю, честно говоря, что из этой затеи что-нибудь выйдет,- задумчиво проговорила Кэт.

- Ну, хорошо, могу я надеяться на хотя бы на будущее на твое снисхождение и расположение?

- Нет, конечно!-убежденно отпарировала Кэт.

Стас огорченно помялся, на миг отвернулся от нее, взглянул на небо и с закрытыми глазами взмолился ему: "Господи, помоги мне, ты ведь знаешь, как я её люблю".

Через некоторое время он уже стоял на остановке и провожал взглядом автобус, который увозил от него его горячую любовь и подарок-экспромт, который, как выяснилось впоследствии, оказался для нее слишком простым, для него же слишком дорогим.

Через неделю, после первой же встречи на работе, Кэт вернула ему подарок.

В тот день он задержался на работе дольше обычного и возвращался домой поздно вечером.

Остановившись на мосту, вглядывался в знакомый ему пейзаж, островки, где они когда-то были вместе с Кэт, где гуляли цапли в поисках пищи, где, замерев в неподвижности, сидели у перекатов рыболовы и где река разветвлялась на мелкие ветви, русла и ручейки.

Небо было безоблачным, но отдельные силуэты звезд мерцали неярко.

Подарок Стаса, словно пушок, полетел с моста вниз, по круговой траектории, летел медленно, плавно и красиво, унося за собой в быстрое течение вод реки уже второй раз в его жизни самые лучшие чувства и оставляя ни с чем.

Он еще раз поднял взгляд на небо и едва заметные звезды и печально понурился:

- А еще говорят, что звездам верить не надо! Да ведь они столько твердили и твердят все об одном и том же: мол, рыбак и русалка, не пара, не пара, не пара. Про это поет и известнейшая современная эстрадная певица.

Издали, со стороны тянувшейся гряды гор до слуха доносился протяжный рык неизвестного ему зверя, и сейчас казалось, что этот крик был его криком.

- Кричи, мой друг, кричи, авось кто и услышит,- вспомнились вдруг слова юности, крик о помощи, крик боли и немоги.

- В лучшем случае тебя могут рассеянно выслушать и выразить свое сожаление. А вообще-то никто никому не в силах и не в состоянии помочь и перед настоящей бедой и серьезными эзотерическими проблемами каждый остается один на один с собой.

Спустя несколько лет Стас, спешивший по очень важному делу, случайно заметил на противоположной от себя стороне улицы куда-то поспешавшую Риту с подружкой.

Стас узнал Риту раньше, чем она его. Он ее с первого взгляда, она его с третьего. Между официальными "здравствуй, ну, как ты" и "ну, всего тебе, прощай" Стас узнал у нее, что Кэтрин вышла удачно замуж и теперь живет с мужем в Москве, и попросил при случае передать ей свои поздравления. Удивился тому, насколько холодно воспринял эту новость.

- Вышла, стало быть, так ей и надо,- вяло констатировал он,- туда ей и дорога! Ладно уж, что у нас с ней не вышло ничего путного. С таким упрямым, непокорным, эгоистическим нравом не так уж легко ужиться. В жизни бывает много напрасных встреч. Миллионы звезд на небе встречаются и расходятся.

Единственным главным уроком, извлеченным из отношений с Кэт, было осознание того, что с женщинами,- если у мужчины серьезные намерения,- надо быть осторожным, избирательным в подарках, предпочитать ничего не дарить и таким образом сохранять единственный шанс до конца своей жизни, нежели делать опрометчивый шаг и преподносить то, что им не по душе и может перекрыть все пути и подходы к ним на всю жизнь.

- Дик был прав,- размышлял Стас,-когда говорил о том, что у многих их них оценка ценностей поставлена с ног на голову. Менее ценное, второстепенное, они ставят гораздо выше, чем то, главное, что за ним кроется. В одном и том же подарке одни видят адекватное отношение к ним, другие же просто наличие отношений. Они слишком требовательны и торопливы и забывают или вовсе не ведают, что с первой ступеньки на десятую не перескакивают. Если падать с коня, так с хорошего,- вот их девиз, а время, к великому сожалению, многих, разделяющих его, сбрасывает с ослов, а то и верблюдов. Ну, да в конечном счете, пожалуй, кто чего заслуживает, то и получает.

Вечером, вернувшись домой, Стас долго искал номер телефона Риты, интересовался избранником Кэт, вернее, его достоинствами, тем, насколько она удовлетворена своим выбором. Так и не отыскав, равнодушно махнул рукой:

- Какое это теперь имеет значение?

Странное, неведомое доселе чувство поднималось изнутри, протестовало, рождало внутренний дискомфорт. Он никак не мог побороть его, но и сдаваться без боя совсем не желал.

Минуло десять самых сложных лет от начала новой жизни, к которой понемногу начали привыкать, пытались как-нибудь устроиться, найти в ней местечко. Прошлое, хоть еще и катилось по инерции, но пыл его заметно и незаметно угасал. Все больше людей приходили к мысли о том, что сейчас не время его оплакивать, лучше сохранять его в себе, приспосабливаться и выживать.

Некий прохожий прогуливался по обширному красивому парку столичного города, двигался неторопливым шагом, осматривал местность, наслаждался чистотой прохладного осеннего воздуха. До него вдруг донеслись обрывки громкой сумбурной речи, и, идя навстречу звукам, он набрел на один из участвовавших в последнее время митингов активистов компартии. Митинг охранялся нарядом полиции.

- Товарищи!-выкрикивал оратор.- Наши вечные и заклятые враги буржуа и капиталисты руками местных предателей и изменников Родины разрушили нашу страну, которую кровью и трудом строили наши предки и близкие на протяжении вот уже многих десятилетий. Эти антисоветчики и антисовыпредатели продолжают нас притеснять. Мы не остановимся перед нашей главной задачей и целью партии восстановить диктатуру пролетариата в нашей стране...

По мобильному телефону раздался звонок в виде веселой мелодии.

- Да, слушаю вас,- отыскал прохожий в одном из внутренних карманов своего пиджака аппарат мобильного телефона и нажал на соответствующую клавишу.

- Стас, привет,- слышался голос,- это Дик. Ну, как там дела?

- Привет, Дик, все нормально! Работу достал, копию договора и другие необходимые документы вышлют на днях по факсу. Скажи Ираклию, чтоб подготовил и выслал наши точные реквизиты.

Разговор по мобильному продолжался минут до десяти. Все это время Стас стоял спиной к толпе, слегка зайдя за большое раскидистое дерево. Поговорив отключил телефон, водворил его на прежнее место, и до слуха его снова донеслись, теперь уже взывающие к помощи крики.

- Полиция, полиция! Помогите!

Стас обернулся и увидел, как с оратором схватился некто в гражданском, пытавшийся убрать его с трибуны.

- Антисоветчики, антисовьепродажники, изменники, предатели,- продолжал выкрикивать оратор, которого оттаскивал уже другой человек. Подбежали полицейские, принялись разнимать.

Стас печально улыбнулся, вспомнил прошлое и почему-то очень остро ощутил чувство жалости к Матвею Николаевичу, острее, чем тогда, когда того мучили его однокурсники.

Выходя из парка культуры и отдыха, у самых ворот, он набрал еще несколько номеров по мобильному, но дозвониться ни к кому не смог, остановил такси и велел везти себя к центру города.

Уже за полночь Стас подъехал к прилегающей к аэропорту гостинице. Оставалось еще несколько мелких дел. Из гостиницы удалось дозвониться по одному из номеров:

- Алло, Оксана, здравствуй! Ну что там у вас?

- Ой, Стас, привет!- ответил радостный голос.

- Где ты там?! Целый день звоню, не могу дозвониться!

- А у меня вчера после разговора с тобой отключили мобильный, якобы за задержку оплаты. Ну, а ты как?

- Вылетаю сегодня вечерним рейсом. Все, что ты поручила мне, выполнил и привезу с собой. Чего ты ревешь, дуреха?

Последовало молчание.

- Что, плохо слышно?

- Ты ведь знаешь, братья опять меня отговаривают, снова взялись за старую песню.

- Да, понимаю. Конечно же, я для тебя старый.

- И к тому же твердят, что тебя завтра ко дню свадьбы не будет. Что ты не поспеешь, если приедешь вообще.

- Да, но ведь я звонил позавчера и обещал. Начало визового режима, сама понимаешь, долго держать здесь никого не будут, даже если задержишься, обнаружат и депортируют силой. Не плачь, все будет хорошо. Прилетаю сегодня ночью.

- Буду ждать твоего звонка всю ночь. Люблю тебя очень и очень волнуюсь.

- Ладно, целую тебя, жди!- с облегчением закрутился Стас, опуская трубку телефона и удовлетворенно улыбаясь.

Направляясь к зданию аэропорта, прошел мимо множества разнообразных сооружений. Из-за одного из них, стоящего чуть не впритык к аэровокзалу, донесся знакомый голос. Он на мгновение приостановился.

- Нет!-вырвалось у него.- Не может быть!

Подойдя поближе к углу, из-за которого и послышался давно знакомый тембр, Стас увидел нескольких человек, окружавших немолодого верзилу. Некоторое время раздумывал-подходить или нет, но все же решился.

- Здравствуйте, Арчил,- сухо произнес он, приблизившись к группе людей.

- Разве мы знакомы?- удивился Арчил и с подозрением оглядел незнакомца.

Стас представился и пустился в объяснения, как и с каких пор они и в самом деле знакомы. Арчил терпеливо слушал, время от времени покачивая головой.

- Возможно, возможно, Стас, но вы поймите, я на стольких работах бывал и со столькими людьми общался, что толком всех и не помню. Ну, работу вашего друга помню. Конечно, помню. Часто у них бывал.

- А что вы делаете здесь?

- То же, что и у нас.

- Как? Вы уже перебрались сюда?

- Да. С тех пор много воды утекло. Мне удалось на заработанные своим искусством деньги перебазироваться сюда. Здесь мне здорово повезло, женился на иностранке, даже умудрилась родить мне ребенка. Так что теперь я человек семейный. Объезжаю свои рабочие точки на иномарке.

Арчил показал рукой в сторону своей машины, стоящей на автостоянке.

- И сколько зарабатываешь за день?

- На пропитанье хватает, и еще остается. Собираю деньги на мечту детства. Хотим с женой отправиться в Рио-де-Жанейро, сперва в турпоездку, а потом будет видно.

- Молодец, Арчил! Можно сказать, что "Аврора" в семнадцатом году стреляла ради тебя.

- Ну да.

- Интересно, отличается ли чем-нибудь репертуар для наших и здешних?

- Да ну! Все одно, с той лишь разницей, что в этих местах, кричать очень громко не разрешается. Пришлось как-то даже писать объяснительную в полицейском участке. А вообще я им плачу и проблем у меня с ними почти не бывает. Даже наоборот, были случаи нападения, притеснения и даже попытки издевательства, так они меня здорово защищают. Теперь меня почти везде узнают и не трогают.

Арчил в свою очередь расспросил Стаса о его жизни, работе, цели приезда и многих других мелочах.

- Ой, старина, напрасно бодаешься с жизнью,- всполошился Арчил,- Хочешь, дело предложу?

- Ну?-поинтересовался Стас.

- Оставайся-ка здесь, со мной. Будем вместе работать, заработки будут побольше, чем там. Женим тебя, а там, глядишь, если будешь паинькой, и в Рио с собой заберем.

Стас с подозрением глядел на Арчила и недоумевал. Он представлялся ему попеременно то полоумным, то вполне серьезным деловым человеком.

- Ну?- уговаривал Арчил.

Стас решил не разочаровывать его и не обмолвиться и словечком по поводу того, что о нем думает, а просто доиграть роль партнера, задумывающегося над соблазнительным предложением.

- Нет, Арчил, большое тебе спасибо. Мне не жить без своей Родины.

- Ай, оставь ради Бога! Родина там, где тебе хорошо живется.

- Нет, Арчил, нет, она там, где ты рос, где ты родился и где ты стал человеком. По мне лучше тяжелая жизнь и смерть на Родине, чем сладкая жизнь на чужбине.

- Ну, ладно, горе-патриот! Сам знаешь, смотри, тебе видней. Ты извини меня, пожалуйста. Спешу, надо поспеть на работу в другое место. А ты все-таки думай о том, о чем я с тобой говорил, и если надумаешь, то вот тебе моя визитка, звякни или заходи. Ну, будь здоров!

Одежда и походка придавали Арчилу вид солидного современного человека, но выдавали мимика и язык.

Он пожал Стасу руку, попрощался и торопливо направился к своему "Volvo".

- Интересно, кто таким выдает права?- удивлялся Стас.

Перед тем, как войти в машину, Арчил переговорил с кем-то по мобильному телефону, еще раз поднял руку в знак прощанья со Стасом, хлопнул дверью иномарки и пулей сорвался с места.

Стас долго неподвижно стоял на месте. Околдованный и ошарашенный увиденным, потерял на время дар речи. Посмотрел на небо, затянутое плотными белыми облаками, и мысленно произнес про себя: "Господи, что с нами происходит?"

Устроив вещи в камере хранения и наведя кое-какие дополнительные справки о вылетающем рейсе, Стас решил оставшееся до вылета время провести в здании аэровокзала.

Еще через несколько часов снова пошел снег. Стас через витринные стекла следил взглядом, как нежно и плавно с неба опускались белейшие хлопья и, падая на землю, превращались в черную грязь.

- Они, как люди,- подумал Стас,-с небес спускаются чистыми, ясными, красивыми, белыми, а попадая на землю, пачкаются и сбиваются в комья.

На земле невозможно удержаться чистым надолго, даже если ничего не делать и не предпринимать, а день и ночь заботиться о своей чистоте, что физической, что духовной. Сами люди, заметив твои старания, насильно тебя выпачкают и очернят. Ну, конечно же, стараться и держаться до последнего все-таки надо, чтоб не снесло мощным потоком уничтожения. Для этого существуют прекрасные средства. Тут он вспомнил своего лектора, любившего поговорку: "Терпение и труд все перетрут". Ну и, конечно же, в обязательном порядке, вера в Бога, вера в себя и в свои собственные силы.

Он признавал, конечно и то, что в жизни, в мозгу и даже в сердце, все получалось совсем не так, как хотелось бы, но ничего поделать с этим не мог.

Начало регистрации Стас встретил с большой радостью и в медленно ползущей длинной очереди. Количество рейсов на линии было резко сокращено в связи с неразберихой между авиакомпаниями двух стран, чем и объяснялся наплыв не улетевших пассажиров.

Стас оживленно переговаривался на какую-то отвлеченную тему с одним из пассажиров. Вдруг он остановил свой взгляд на соседке собеседника. Его словно током ударило. Он поймал и ответный, пристальный, скорее промельк, чем взгляд, торопливо уходившей в глубину зала женщины.

- Кэт?- удивленно лепетал Стас и застыл в изнеможенье на месте.- Не может быть.

Извинившись, он отстранил рукой своего собеседника и двинулся следом за ней.

- Кэтрин!-позвал он уже с близкого расстояния.- Кэтрин!

Женщина, не оборачиваясь, продолжала идти. Он обогнал ее, стал, перегородив ей дорогу. Она удивленно взглянула на него:

- Простите?

- Кэт, ты что, не узнала меня? Я же Стас,- сорвал он с головы шапку.

- Простите меня, но я вас не знаю.

- Кэт, кончай! Я знаю, что ты обижена. Но дай мне возможность хотя бы объясниться с тобой.

- Пропустите, пожалуйста,-грубо перебила его женщина, отстраняя с дороги.

Стас продолжал идти за ней, лепетал какие-то объяснения, но она даже не пыталась его слушать.

- Мужчина, отстаньте от меня!- спокойно и невозмутимо настаивала она.- Вам вполне вразумительно было сказано, что я не та, чье имя вы назвали. Отойдите от меня. В противном случае я буду вынуждена обратиться за помощью и позову полицию.

Стас остановился и долго смотрел ей вслед. Он успел заметить, что их беседа привлекла внимание некоторых ожидающих разные рейсы.

- Вот стерва!- негодовал Стас.- Даже на простой человеческий разговор не соглашается.

На достаточном расстоянии от него она словно услышала его мысли, на ходу обернулась и еще раз мгновенным взглядом посмотрела на Стаса.

Стас словно с цепи сорвался, сперва пошел за ней, потом, заметив, что она начинает убегать от него, тоже побежал с одной-единственной мыслью: "Я тебе докажу сейчас, кто ты такая".

В зале ожидания уже раздались некие отдельные громкие возгласы по поводу происходящей перед их взором погони. Среди них, конечно же, преобладали женские.

Стас очень быстро догнал убегающую, схватил ее за руку, отволол в сторону и сильно прижал к стене. Одной рукой он стал расстегивать ей пальто, другой продолжал прижимать к стене.

- На помощь! Помогите, полиция, грабят, насилуют, убивают!- раздался истошный голос из зала ожидания. Женщина почти не сопротивлялась, только повторяла одни и те же слова: "Кто вы такой, что вам надо, что вы себе позволяете?!"

Он уже приподнял ей нижнюю одежду и стал стаскивать с нее теплые рейтузы.

- Сейчас я тебе покажу, кто я такой и что мне нужно.

Едва Стас успел опустить ей рейтузы до колен, как почувствовал резкий удар сзади по голове и тут же потерял сознание.

Не помня о происшедшем и о том, сколько времени пролежал в полной прострации, он медленно приходил в себя. Первое, что почувствовал, была резкая, непрекращающаяся боль в голове. Одежда на нем была порвана, и на лице, как видно запечатлелись следы побоев. Для приведения в более вразумительное состояние его облили водой.

Спустя некоторое время вместе с пострадавшей женщиной он уже давал в отделении милиции показания по поводу случившегося в здании аэропорта.

- Имя, фамилия, отчество?- спрашивал молодой офицер полиции.

- Рина Райдер,- отвечала женщина.

- С какой целью прибыли в аэропорт?

- Приехала встречать мужа и дочь, прилетающих из Англии.

- Ого,- впервые прокрались сомнения в сознание Стаса,- может, и впрямь не она? - Но тут же сменились уверенностью в своей правоте.

- Вы знакомы с этим мужчиной?- спросил офицер, указывая на уже полностью пришедшего в себя Стаса.

- Впервые его вижу.

- Чтоб тебя черти так видели!- пробормотал Стас.

- А вы молчите, пока вас не спрашивают,- ему сурово приказал офицер.

- Чего ему было от вас надо?

Женщина замешкалась, словно не зная, что ответить, но потом вдруг высказалась:

- Откуда мне знать, спросите у него.

- Он пытался вас изнасиловать?

- Что вы говорите?! Разве такое возможно при людях? Я не разбираюсь столь глубоко в мужской психологии.

- А что тогда?

Беседа с потерпевшей продлилась еще недолго.

- У меня нет больше времени, господин офицер! Неотложные дела, к сожалению.

- Да, да, конечно,- произнес офицер понимающе.- Вот ваши показания.

Подпишите, пожалуйста.

Женщина мигом подписала подвинутую к ней бумажку с напечатанным текстом и тут же встала со стула.

- Если ко мне еще будут вопросы, я готова на них отвечать вместе с моим адвокатом. Всего доброго, господин офицер,- произнесла она сурово, протягивая свою визитку.

Далее последовала очередь Стаса. На большую часть вопросов он отвечал молчанием, но какой-то текст ему пришлось под неким давлением подписать.

С каждой минутой его положение ухудшалось. Он предстал в глазах допрашивающих кем угодно- и насильником, и возможным террористом, и маньяком... У него отобрали почти все, что было при нем.

- Куда летел и куда прилетел,- подумал Стас, когда его перевезли на спецмашине в городское отделение полиции.

Дверь прихожей медленно отворилась и так же медленно затем затворилась. Послышался звук опускаемых молний. Тонкие женские ноги сбросили с себя модные сапоги и оказались в плену у пушистых тапочек. Послышался шорох скидываемой одежды. Модное длинное дамское пальто покорно повисло на вешалке рядом с мужским и детским.

- Папа, папа, мама пришла,- раздался радостный и ласковый детский возглас. Ребенок подбежал к матери, успевшей припасть на колени, и бросился ей в объятия.

- Лиза, девочка моя,- произнесла женщина, обнимая ребенка.

Тут же появился мужчина среднего роста, в очках и спортивной форме.

- О, привет, моя дорогая, - обратился он к женщине, обнимая и целуя ее.

- Здравствуй, Майкл, дорогой,- ласково отозвалась женщина на приветствие, - как прилетели?

- Да вот, как видишь. Надеялись, ты встретишь нас в аэропорту, да вот не дождалась, добрались на такси.

- Мама, мама, папа мне вон какую куклу в Лодоне купил! - хвасталась маленькая девочка, вынося игрушку из комнаты и показывая ее матери.

- Не в Лодоне, а в Лондоне, сколько можно тебя учить!- поправила ребенка мать.- Прости меня, Майкл. Я очень хотела вас встретить, но не смогла, дела на работе, ты ведь знаешь?

- Да, да, знаю. Ничего, ничего, проходи, мы с Элис приглашаем тебя на чай. На улице ведь так холодно.

- Спасибо. Вот умоюсь, переоденусь и мигом вместе с вами.

Спустя некоторое время Майкл повторил приглашение.

- Рина, ты скоро или нет?

- Майкл, прости меня, мне надо сделать еще пару звонков!

Рина еще более десяти минут оставалась взаперти в своей комнате и вела разговор по телефону, прежде, чем выйти на домашнее чаепитие.

Время шло. Дело Стаса оставалось неопределенным. Все складывалось явно не в его пользу. К расследованию подключили опытейших специалистов.

Утром очередного, следующего рабочего дня Рина встала рано. Надо было накормить домашних, подготовить Майкла к работе, отвести в детский сад девочку и самой не опоздать на работу.

- Рина, ты мне сорочку и брюки отгладила?-спрашивал Майкл умываясь.

- Нет, Майкл. Но уже грею утюг.

- Пожалуйста, поскорее. Как бы мне не опоздать.

Рина копошилась по разным мелким делам.

- Мама, мама, можно я поглажу папе сорочку и брюки?- спрашивала девочка, ухватившись за ручку горячего электроприбора.

- Отойди сейчас же от горячего утюга,- нервно крикнула Рина,- обожжешься, и будет большая вава на всю жизнь!

- Такая, как у тебя на ноге?

- Ты смотри, какой у нее длинный язык! А, ну, марш отсюда.

Проводив Майкла, Рина принялась за ребенка. Раздался звонок по мобильному. Она уединилась у себя:

- Как дела, Артур?

- Плохо, Рина. Ничего без тебя не получится.
- Почему? Я ведь сказала, что заплачу столько, сколько понадобится.
- Они требуют изменить начальные показания.
- Так в чем же дело?! Нет проблем.
- Да, но они хотят это именно в том русле, как я тебе говорил.
- Нет, так я никак не могу. Артур, пошевели мозгами и сделай что-нибудь. Только в темпе, пожалуйста, тебе я тоже не зря столько плачу.

Объяснения с Майклом тоже оказались непростыми.

- Да, но ты ведь говорила, что твоего первого мужа звали Саша. А теперь еще какой-то Стас?- интересовался Майкл.

- Он долго добивался меня в молодости и, раздосадованный тогдашним моим отказом, как видишь, наломал дров.

- Значит, в тот вечер ты была в аэропорту? Но зачем ты это от нас скрывала?

Вопросы сыпались на Рину камнями, и выстоять под их натиском до конца она оказалась не в силах. Бросилась в спальную комнату, упала ничком на постель и зарыдала.

Гнев Майкла постепенно стихал. Он тихонько подошел к ней, улегся рядом, склонился головой на ее тонкую хрупкую спину и гладил по маленькой головке, успокаивая. Она, растерянная и заплаканная, жалобно смотрела ему в глаза.

- У тебя с ним точно ничего не было?

- Нет, ничего, клянусь тебе, клянусь!- со слезами на глазах убеждала его Рина.- Прощу тебя, поверь мне.

- Верю, верю, любимая, только успокойся.

- Ну, вот!

- И не любила его никогда?

- Нет, нет, никогда, никогда!- клялась Рина, хотя вдруг неожиданно даже для самой себя осеклась и призадумалась.

Опасаясь, чтобы Майкл не уловил этого минутного замешательства, привстала с постели, одернула на себе одежду и тихо ускользнула в ванную умываться.

- Ох, уж эти женщины!- вздохнул Майкл. -Проблем с ними не оберешься. Права, должно быть, была покойная матушка, когда советовала мне подольше оставаться в холостяках. Так, уверяла, куда большего достигнешь в жизни...

Рина провела в мучительных раздумьях и скрытых нервных поисках выхода из создавшейся ситуации еще пару дней. На возобновившиеся вопросы мужа, в чем дело и что в конце концов ее беспокоит, сослалась на трудности по работе.

- Идиот, кретин,- злилась она, сокрушаясь,- и себе жизнь испортил и мне,- каким дураком был, таким ослом и остался.

Она не раз запиралась на работе и дома, у себя в комнате, и горько плакала. Впервые в жизни подловила себя на чувствах к Стасу, на том, чего не видела и не чувствовала все почти восемь с лишним лет его ухаживаний. Остыв после одного из очередных переживаний, повторила звонок Артуру.

- Да, Рина, я тебя слушаю...

- Артур, я согласна.

- Фу...,- протянул Артур,- так-то оно и лучше, Рина! Не волнуйся, все будет хорошо, главное, чтоб ты спокойно поговорила с Майклом. В конце концов он интеллигентнейший и безумно любящий тебя человек, и он тебя поймет.

- Поймет, конечно же, поймет,- с сомнением подтвердила Рина.- Когда будет следующее заседание суда?

- Думаю, что теперь, раз уж ты решилась, то скоро. Я сообщу. Может быть, тебе придется сюда, хотя бы разок приехать.

- Ну, смотри, держи меня в курсе.

Очередное заседание суда оказалось более продолжительным, чем предыдущие. Обвинение выступало сразу по нескольким пунктам.

Адвокат Артур, знакомый Рины, держался на высоте, и видно было, что его уверенность и решительность были непоколебимы.

Майкл нервно вникал во все перипетии и подробности разбирательства.

- Вот это да!- удивлялся он. - Ай да Рина, ай да молодец! Надо же, во что меня втянула. Знать не знал, что это такое, и вот те на!

Впрочем, держался с честью и чуть напускным хладнокровием вплоть до одного, произнесенного Риной уже почти к концу, слова.

Стас сидел на скамье подсудимых и ужасно мучился. Он предпочел бы всю оставшуюся жизнь отсидеть за решеткой, нежели созерцать Рину с мужем в зале суда, да к тому же создавать ей столь серьезные проблемы. Но сейчас от него уже мало что зависело, его судьбу решали другие люди.

Особое потрясение испытал Стас, когда в качестве свидетеля в зал суда пожаловал его старый знакомый Арчил.

- Боже мой, откуда он появился?- И откуда про все узнал? Какой-то дурдом здесь, ей-Богу.

После долгих слушаний настала очередь отвечать на вопросы судей и обвинения. Рина отбивалась стойко и молодецки до того, пока один из вопросов не приблизил переломный момент.

- Потерпевшая, вы любили его когда-нибудь?- поинтересовался судья.

Последовала продолжительная пауза.

Рина взглянула на Майкла, на глазах утрачивавшего недавнее присутствие духа.

- О Боже,- взмолилась она, подняв взгляд,-помоги мне. Молю тебя, Господи, скажи, что мне делать.- Горячие слезы скользнули по обеим ее щекам. По телу прошла теплая истома, сознание прояснилось и послышался странный голос.

- Скажи правду, Рина! Хоть раз в жизни признайся вслух. Скажи правду и никого и ничего не бойся!

Она стояла, изумленная и растерянная. Почувствовала, как онемел язык и вместо него заговорило сердце:

- Да, я любила его. И люблю его сейчас. И, к сожалению, слишком поздно поняла это.

Зал ахнул. У Майкла расширились зрачки, он поперхнулся, не выдержал сокрушительного удара и быстрым шагом бросился вон.

Адвокат попросил прекратить допрашивать Рину, ссылаясь на ее душевное состояние. Судья удовлетворил его просьбу. Рину вывели.

Провели заседание коллегии, вынесли заключение.

Со Стаса были сняты абсолютно все обвинения. Его освободили прямо в зале, правда, наложили солидный штраф, в качестве компенсации морального ущерба в пользу тех, по отношению к которым его поступок вызвал столько хлопот и проблем.

Стас вышел из зала суда понурый и удрученный. Все подходили к нему, весело и радостно поздравляли, но он оставался сух и печален.

Мысль о том, что он разбил жизнь Кэтрин, убивала его, и он, как никогда в жизни, желал сейчас умереть. Так плохо ему не было никогда.

У выхода его нагнал и дружески хлопнул по плечу Артур.

- Не грусти, старина, главное сделано, ты на свободе, а остальное уладится.

Казалось, абсолютное большинство присутствующих было довольно и радо принятому судом решению.

Стас вдруг встрепенулся, крохотная крупица надежды, казалось, пробилась в его сознание:

- Может быть, еще не все потеряно и кое-что можно поправить?

Он отъезжал от здания суда на иномарке Арчила, не перестававшего улыбаться и пересказывать все подробности и детали сегодняшнего разбирательства.

- Насчет выкупа тоже не беспокойся, я все улажу,- искренне предлагал он.

- Как же это, дружище?- интересовался Стас. -А Рио?

- Ай, - отмахивался Арчил,- пропади эта детская мечта пропадом! Кому это сейчас надо? Это во-первых. А во-вторых,-ну, поедешь туда на несколько лет раньше...или позже...какое это имеет значение?!- смеялся он.-Только, дружище, теперь ты мой! Я тебя у них, можно сказать, выкупил. Придется теперь тебе отрабатывать у меня долг.

Стас смотрел на Арчила с переменными чувствами - изумлением, подозрением, восхищением, но, конечно же, главное, что он сейчас испытывал,- это огромная благодарность за то, что для него было сделано.

- Неужели ты хочешь заставить меня кричать, как сам? Учти, я этого так искусно, как ты, делать ни за что не смогу.

- Да ладно, никто над тобой потешаться не будет! Так и быть! Хочешь, будешь моим имиджмейкером или менеджером.

- А откуда ты узнал о моем деле, Арчил?

- Ай, говорил ведь я тебе, что здесь у меня много друзей и знакомых, и в особенности в полиции. Моя полиция меня охраняет, спасает и бережет.

Стас был потрясен и ошеломлен личностью Арчила. Он видел в нем такое гармоничное сочетание сознательного и бессознательного, что удивлению его не было предела.

В этот день он стал гостем в доме Арчила. Не спал всю ночь напролет. Ночь же всегда была для него лучшим временем для раздумий. А дум у него накопилась уйма. Вспоминалось многое, правда, перемешивалось и перемежалось. Главнейшими, однако оставались мысли о дальнейшей судьбе Кэтрин. Он продолжал неустанно терзать и мучить себя, и единственное, что его сейчас сдерживало, это были слова утешения, так искренне и душевно высказываемые Арчилом.

Несколько раз Стас вставал, укутывался в одеяло и выходил на балкон покурить. Покуриив, устремлялся взором вдаль и, не раскрывая рта, молча, что было мочи и сил громко, как никто и никогда, кричал, Кричал и возносил мольбу, чтоб его хоть кто-то услышал.

Больше недели Арчил не без боли наблюдал за душевным состоянием Стаса, оставшегося ни с чем, многое потерявшего и продолжавшего жить у него. Стас избегал общения с людьми, разговоров на какие бы то ни было темы. Сух был даже с Арчилом, его тяготило, что он сидел у него на шее.

Возвращаясь после своих трудов домой, Арчил заставал Стаса во все углубляющемся удрученном состоянии.

Ценой невероятных усилий ему удалось выпытать у него причину подавленности и уныния. И в то же время он не мог простить себе одной оплошности, хотя и понимал, что дело вовсе не в ней и все случилось бы и без того. В первый же день уходя из дома, оставил Стасу свой мобильный телефон с разрешением звонить, куда тому угодно.

Стас дозвонился до своих домашних, друзей, знакомых и сообщил им, что задерживается на неопределенное время по неотложным делам. Кроме

Дика, никто не решился рассказать ему о судьбе Оксаны. Не дождавшись его приезда, она поддалась настоятельным требованиям братьев, выдавших ее замуж за угодного им жениха.

- Вот дурни!- пытаюсь смягчить печаль Стаса, прикинулся беззаботным Арчил.- Клянусь тебе, ты еще настоящих девок не видел. Я тебе тут такую отгрохаю, что вся страна закачается.

Стас был сражен окончательно. Он разом потерял двух любимых женщин, обоим при этом изрядно подпортив жизнь. И прекрасно к тому же понимал, что дело вовсе не в девках, по которым он никогда, как говорится, "с ума не сходил", как это бывает с некоторыми мужчинами, а в том, что не мужчина нуждается в женщине и не женщине нужен мужчина, а любимому человеку нужен любимый человек. И если вернуть человеку то, что изначально ему было даровано создателем и что он впоследствии частично утратил, и то, без чего человек по сути перестает быть человеком, - любовь, то вышеприведенная, разделяемая Стасом формула человеческого бытия превращалась в банальную и короткую фразу о том, что человеку нужен человек. А точнее триада "человек-Бог-человек" - та единственная жизненная энергетическая сила, которая способна помочь человеку в жизни. Да, эту формулу Стас встречал и у других известных классиков, но она не была им заимствована, а он сам пришел к ней, независимо, самостоятельно, и уже потом нашел ее и у других.

Арчил был в замешательстве. Стас ставил его в безвыходное положение. Такого он никогда в жизни не испытывал подолгу и всегда хвастался, что выкручивался из наисложнейших ситуаций. А сейчас...сейчас он чувствовал, что буксует и сам.

Никакие разговоры, уговоры, обещания и другие трюки Арчила не действовали на Стаса, и Арчил начал чувствовать, что он теряет его и что

Стас уходит от него и от всех все дальше и дальше, в некую неизвестную и неизведанную глубь потусторонней грани человеческого бытия.

В один из дней Арчил вернулся домой раньше обычного.

- Ну, ладно тебе слюни разводить,- принялся он ругать Стаса, лежавшего в одежде на постели и покуривавшего сигарету.- Совсем уже раскис! Как баба, аж тошно смотреть. А ну-ка вставай, принимай гостей.

- Каких это еще гостей?- удивился Стас.

И вдруг услышал из-за двери голос женщины, голос, который в состоянии был бы поднять его даже из могилы. Он немного замешкался, сердце его чуть не разорвалось от счастья, затем пулей вскочил на ноги и ринулся к двери.

- Кэт?- воскликнул в изумлении Стас, подавляя странное ощущение, будто вместе с его нутром содрогнулась и вся планета. Слезы фонтаном брызнули из его глаз. Они кинулись друг другу в объятия. Он сжал за ее спиной в замок пальцы обеих рук и как бы держал в тисках.

- Никто, никто теперь в жизни не отнимет тебя у меня!

Арчил тем временем выскочил на балкон, оставив за собой дверь открытой, и в ознаменование своей очередной победы издал крик не достигавшейся им еще никогда силы, сущий клич Маугли.

Стас ласкал, целовал лицо и головку Кэт, и она впервые в жизни отвечала ему. Понемногу успокаиваясь, они ощутили наконец врывающийся в комнату холод.

- Эй, ты там, Маугли!- ласково налетел на Арчила Стас.- Долго еще собираешься нас морозить?! Закрывай дверь и скорее иди к нам!

Кэт блаженно улыбалась, крепко зажатая рукою Стаса.

- Ну, что ж,- немного грустно констатировал Арчил.- Пожалуй, уже и впрямь пора...

Кэт в знак согласия призакрыла глаза и в улыбке развела краешки губ к ушам.

- А теперь, еще небольшой сюрприз!- продолжал Арчил и скомандовал в сторону соседней комнаты.- Теперь уже можно, выходите!

Вошел мужчина с маленькой девочкой. Стас продолжал сжимать держать Кэт в объятиях. Увидев лицо мужчины, он обмер и онемел.

"Майкл?"- пронеслось у него в сознании и он стал медленно снимать руку с Кэт.

- Да, Стас, это Майкл,- со вздохом ответила на его немой вопрос Кэт.

- Мама, мама! Кто этот дяденька?-не переставая, спрашивала ее маленькая Лиза.

Кэт подняла дочь на руки.

- Знакомься, это дядя Стас,-пояснила она.- Поздоровайся с ним за руку. Ну!

- Рина, познакомь и нас!- протянул руку Стасу Майкл.

Стас в нерешительности и в полной растерянности пожал ее.

Майкл улыбался. Стас же стоял озадаченный и недоумевал по поводу происходящего. Оно казалось ему искусно поставленным Артуром спектаклем. У него на родине мужики при таком раскладе, как минимум, наверняка передрались бы, а того, что могло произойти по максимуму, он даже боялся себе представить. Но сейчас он удивленно вглядывался в улыбающееся лицо Майкла, а тот поразительно тонко уловил причину его потрясения и пытался как-то что-то пояснить и прояснить.

- Да, да, Стас! Рина мне все о вас рассказала. Сполна и откровенно. И я был поражен динамикой ваших взаимоотношений с первых минут вашего знакомства до сегодняшнего дня. Тем, как вы ценой обоюдных непростительных ошибок и упущений, увы, даже несчастий, шли к пику, к

вершине вашей любви и жизни. Вы, очевидно, удивитесь нашему мировидению, но у нас с Риной все это время шли нескончаемые переговоры по поводу наших дальнейших судеб. Мы уже далеко не дети, хотя я и чуть старше вас. Я верю Рине, что между вами никогда ничего такого не было.

Стас в знак согласия мотнул головой в обе стороны.

- Хотя, я думаю, что и это не могло бы ничего существенно изменить,- продолжал Майкл.- Главнее для меня то, что Рина любит и меня, пусть и меньше, чем вас, и не хочет разрушать семью и отнимать у своей дочери истинного отца. А настоящей первой любви, и даже не первой, у кого ее не было! У меня тоже на родине была любимая девушка, которую я продолжаю любить, и, возможно, буду любить до конца жизни, хоть она и замужем, и у меня с ней никогда ничего такого не было и, конечно же, теперь уж не будет, и я был бы очень рад, если бы ее муж относился ко всему этому так же, как я отношусь к вашей любви. Я знаю о вашей прекрасной стране от Риной достаточно. Знаю и то, как бы многие ваши мужчины отозвались бы сейчас обо мне, как знаю - чтобы понять французов, надо быть истинным французом. Се ла ви-такова жизнь, и ничего не поделаешь. Нам, людям, надо расти нравственно и общие человеческие ценности ставить выше своей гордыни и выше своего я.

Стас был потрясен. Майкл произносил слова, которые следовало бы произносить ему.

- Ну, кто же виноват в том, что между вами все так сложилось? А теперь, когда все позади, что же делать? Стреляться и убиваться?! Ну, почему люди при каких-то осложнениях не могут спокойно и мирно объясниться? Что за надобность драться, если каждый все равно остается

при своем мнении. Мнений много, но выход один, единственный, и его надо искать сообща.

- Ну, ладно, будет вам философствовать! Все остальное обсудим за столом!.

За хорошо накрытым столом дебаты продолжались еще долго. Жена Арчила, прекрасная, нормальная, симпатичная женщина, успевала и обслуживать стол, и сидеть за ним, вместе с гостями.

Стас понемногу освобождался от напряжения и уже почти смирился с тем, как все складывается. Осознавал, что принятое решение сейчас единственно приемлемо для всех них, правильно и разумно. И ради Кэтрин, ради ее семейного счастья и благополучия он должен пожертвовать собой. Да и не может долее терзаться ужасным чувством вины перед ней. Он отчетливо уяснил себе, что теперь ему не будет жизни ни с ней, ни без нее.

Беседа затянулась, и за столом засиделись до самого утра.

Перед тем, как разойтись, Майкл преподнес свой главный сюрприз, сообщил то, чего не знала даже Кэтрин,- ему, как продюсеру и режиссеру, предложили сценарий очень интересного фильма с сюжетом, напоминающем историю, которая стряслась с ними самими.

- И что уже самое главное...- Майкл выдержал паузу.

Все с отвисшими челюстями, замерев, ждали этого главного.

- И что же, что же это самое главное?!

- А самое главное то, что...

- Ладно тебе, Майкл, не томи и не терзай нас,-взмолилась Кэтрин.

- Ну, ладно, так и быть, не буду вас долго мучить,- сжалился Майкл.- Самое главное то, что мы собираемся большую часть фильма снимать... где, как вы думаете?

- Майкл! Ну, перестань!- умоляла Кэтрин.

- В Ри, в Ри, в Ри...

- Сам ври, если тебе этого очень хочется,-обиделась Кэтрин.

- В Рио-о--о...- громко вскрикнул Майкл, и все подхватили этот нечеловеческий крик, который, казалось, слышала вся планета. И, конечно же, среди всех голосов, резко выделился голос Арчила, бархатно переливавшийся из тональности в тональность.

07.1992/10.1999

СОДЕРЖАНИЕ

Некоторые автобиографические сведения	3
Прости меня, Тамара	4
Все пройдет	12
Женщина из смога	19
Блуждание	25
Так просто	32
Беглянка	71
Вероника	88
Торговцы болью	95
Оргазм	113
Кричи, мой друг, кричи, авось, кто и услышит	118

НЕКОТОРЫЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Гелхвидзе Самсон Прокофьевич родился 26 марта 1958 года в городе Тбилиси, в семье служащего.

В 1975 году закончил 9-ю среднюю школу г. Тбилиси и в том же году поступил в Грузинский Политехнический Институт (ГПИ) им. В.И.Ленина, на строительный факультет, который с отличием окончил в 1980 году по специальности "Промышленное и гражданское строительство".

В 1989 году защитил кандидатскую диссертацию, утвержденную Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Совете Министров СССР.

С 1980 года по сегодняшний день работал в разных учебных заведениях и научно-исследовательских институтах АН страны.

Является автором многих научных трудов и изобретений.

Свои первые шаги в поэзии и прозе начал делать с 1984 года.

На суд читателей представляется первый сборник рассказов автора "Торговцы болью", в котором автор пытается, по его высказыванию, предпринять попытку изловить, хоть на миг, летящее стрелою время.

Предложенный автором сборник рассказов для него является той синицей в руках, которую ему удалось изловить из улетевшей журавлиной стаи жизни прошлого.

Отзывы и пожелания просим присылать на адрес отправителя.